W 270/119

№ 270
119
КАБИНЕТ ИСТОРИЙ.

ОЧЕРКИ

ОРГАНИЗАЦІИ И ПРОИСХОЖДЕНІЯ

СЛУЖИЛАГО СОСЛОВІЯ

ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

БИБЛІОТЕКА
7313
VIII. 3
№ 7313

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Загоскина.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1876.

ОЧЕРКИ ОРГАНИЗАЦІИ И ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛУЖИЛАГО СОСЛОВІЯ.

W 270/119
Ф 1-80/10630
КАБИНЕТ ИСТОРИИ.

ОЧЕРКИ

ОРГАНИЗАЦІИ И ПРОИСХОЖДЕНІЯ

СЛУЖИЛАГО СОСЛОВІЯ

ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

БИБЛИОТЕКА Пом. Инс. И-Каз. 13/3 VII.3

ИЗСЛѢДОВАНІЕ КАНДИДАТА ПРАВЪ

Николая Загоскина.

Ф-31-250

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1875.

Печатать дозволено по опредѣленію Юридическаго факультета. Казань 17 декабря 1874 г.

Деканъ *С. Шпилевскій.*

2007051526

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Возникновеніе основъ государственныхъ служебныхъ отношеній вообще и въ частности въ древней Руси. Организація служилаго класса въ періодѣ удѣльно-вѣчевомъ.

Какъ бы молодо не было государство, въ какой простѣйшей формѣ не представлялось бы оно намъ,—будь это даже и не государство, но только общество гражданское или родовой союзъ,—мы всегда замѣчаемъ въ немъ, наряду съ верховною властью, цѣлую болѣе или менѣе сложную организацію лицъ въ отношеніи къ ней служебныхъ, и составляющихъ какъ бы посредствующее звѣно между верховною властью и народною массою. Эти лица помогаютъ главѣ государства, общества или союза въ отправленіи функцій ея власти въ тѣхъ отрасляхъ ея, въ которыхъ является недостаточною и безсильною единичная личность главы. Организація этаго класса населенія можетъ представляться въ формахъ самыхъ разнообразныхъ, что стоитъ въ связи съ большимъ или меньшимъ развитіемъ самаго союза, общества, государства. Въ первобытныхъ формахъ человѣческаго общежитія организація лицъ служебныхъ является въ самой простой формѣ,—самыя лица эти нерѣдко не выдаются изъ остальной массы народонаселенія. Обращаясь къ *семьѣ*, этому прототипу государственнаго общежитія,—ячейкѣ, изъ которой образовались государственныя

«БИБЛІОТЕКА»

начала, проводившіяся въ теченіи всего существованія рода человѣческаго,— мы найдемъ въ ней простѣйшую организацію этихъ служебныхъ лицъ. Верховная власть семьи, осуществляющаяся въ лицѣ отца семейства, располагаетъ услугами всѣхъ членовъ ея по своему усмотрѣнію, и по индивидуальнымъ свойствамъ ихъ назначаетъ каждому опредѣленную для даннаго случая дѣятельность. Домашнія работы возлагаются на женщинъ; мущины же занимаются промыслами, изыскиваютъ средства для матеріальнаго благосостоянія семьи и, въ случаѣ угрожающей опасности, съ оружіемъ въ рукахъ отстаиваютъ свой очагъ отъ всякаго насильственнаго вторженія.

Въ *родовомъ союзѣ*, составляющемся изъ совокупности многихъ семей, происходящихъ отъ одного родоначальника, отношенія эти уже нѣсколько измѣняются. Надъ главами семействъ возвышается уже высшая власть,—власть родоначальника, сперва естественнаго, впослѣдствіи фиктивнаго. Здѣсь отдѣльные отцы семействъ, являясь представителями послѣднихъ, принимаютъ характеръ посредствующихъ, связующихъ звѣнъ; родоначальникъ правитъ отдѣльными семьями черезъ ихъ посредство. Такимъ образомъ видимъ, что здѣсь отцы семействъ принимаютъ уже характеръ служебный въ отношеніи къ верховной власти союза,—является слабый, едва замѣтный зачатокъ будущаго служебнаго класса, зачатокъ, облеченный въ первичную, строго-патріархальную форму.

Въ *обществѣ гражданскомъ* появляется несравненно болѣе потребностей, нежели въ предшествовавшихъ степеняхъ человѣческаго общежитія; несравненно болѣе и препятствій встрѣчаетъ верховная власть въ отправленіи своей дѣятельности, самыя вѣтви ея становятся разнообразнѣе,— вслѣдствіе чего и организація служебныхъ лицъ выходитъ изъ своей строго-патріархальной формы. Верховная власть нуждается уже въ помощникахъ постоянныхъ, она чувствуетъ потребность окружить себя лицами, способными поддержать какъ ее, такъ и общество, отъ всякаго внѣшняго насилія, а въ мирное время раздѣлять съ нею часть правительственнаго бремени. И дѣйствительно, предоставленіемъ различныхъ выгодъ, верховная власть стремится окружить себя массою лицъ, іерархически ей подчиненныхъ,—является

особый, болѣе или менѣе рѣзко отдѣленный отъ остальной массы кругъ лицъ служебныхъ, правительственныхъ.

Самое полное развитіе круга лицъ служебныхъ находимъ мы уже въ *государствѣ*. Здѣсь какъ самое количество ихъ, такъ и роды дѣятельности, значительно увеличиваются. Наряду съ прочими классами населенія является особый *классъ правительственный*, обладающій государственною властью; этотъ классъ вмѣщаетъ въ себѣ какъ самую верховную государственную власть, такъ и лицъ ей въ служебномъ отношеніи подчиненныхъ, лицъ служебныхъ, которыя въ силу своего значенія пользуются выгодами и правами, не присущими остальной массѣ населенія.

Разсматривая положеніе правительственнаго класса въ государствѣ, мы видимъ, что у различныхъ народовъ и въ различныя времена, оно было далеко не одинаково. Основныя черты его въ древнемъ мірѣ—преобладаніе въ государствѣ одной народности надъ другою, или въ силу грубаго насилія, завоеванія, или въ силу первенства по занятію территоріи. Къ этимъ причинамъ преобладанія слѣдуетъ прибавить высокомѣрное мнѣніе одной части населенія о своемъ генеалогическомъ превосходствѣ передъ остальными, вслѣдствіе происхожденія отъ высшихъ органовъ Божества, предковъ боговъ, или мифическихъ героевъ. Первый видъ преобладанія, т. е. завоеваніе, являясь крайне тягостнымъ для побѣжденныхъ, было причиною возникновенія строгаго кастоваго раздѣленія народонаселенія въ классическихъ государствахъ Индіи и Египта. Такъ въ Индіи вся правительственная власть сосредоточивалась исключительно въ рукахъ двухъ высшихъ кастъ (брамины, кшатріи); третья каста (вайсіи), происходившая подобно первымъ двумъ отъ завоевателей, не имѣла власти правительственной, но за то обладала правомъ промышленности. Четвертая каста (судры), не имѣвшая даже права читать священныя книги, составляла нисшій слой народонаселенія, происходившаго отъ покоренныхъ туземцевъ. Типомъ преобладанія въ силу первенства по занятію территоріи могутъ служить отношенія между патриціями и плебеями въ римскомъ государствѣ. *Патриціямъ*, образовавшимся изъ потомковъ сподвижниковъ Ромула, первичныхъ поселенцевъ Рима (Ramnes) и вслѣдъ за тѣмъ присоединившихся къ нимъ сабинскихъ и этрусскихъ родовъ (Ticies et Luceres), принадлежало исключитель-

ное право на занятіе государственныхъ должностей, участіе въ куріатскихъ собраніяхъ и пользованіе общественною землею. Имъ рѣзко противополагались *плебеи*,—масса остальнаго народонаселенія, образовавшаяся путемъ добровольнаго поселенія въ предѣлахъ римской области или путемъ переселенія въ нее жителей покоренныхъ городовъ; государственное значеніе ихъ опиралось первоначально лишь на обязанности отбывать нисшую военную повинность. Эта неравномѣрность въ правахъ породила энергическую борьбу плебеевъ съ патриціями, окончившуюся уравненіемъ ихъ (во второй половинѣ IV вѣка до Р. Х.), вслѣдствіе котораго плебеи получили мало по малу права патриціевъ, а въ числѣ ихъ и доступъ къ занятію высшихъ правительственныхъ должностей.

Разсматривая исторію возникновенія *великихъ западно-европейскихъ государствъ*, мы увидимъ, что начало ихъ также сопровождалось завоеваніемъ и преобладаніемъ побѣдителей надъ побѣжденными, хотя послѣднее и не проявляется въ столь рѣзкихъ формахъ, какъ видимъ мы въ мірѣ античномъ. Покореніе туземцевъ и преобладаніе надъ ними побѣдителей дѣлается въ государствахъ западно-европейскихъ исходною точкою, отъ которой начинается дальнѣйшее развитіе ихъ и которая надолго опредѣляетъ характеръ жизни этихъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ опредѣленное направленіе развитіе служебныхъ сословій этихъ государствъ, вытекающее изъ отношенія служебныхъ лицъ къ верховной власти послѣднихъ.

Франція и Англія представляютъ двѣ типичныя и вмѣстѣ съ тѣмъ діаметрально-противоположныя формы образованія и развитія служебныхъ сословій, надолго обусловливавшія ходъ развитія государственнаго строя этихъ государствъ.

Франція. Въ 445 г. по Р. Х. германское племя Салическихъ Франковъ, освободившееся къ этому времени изъ подъ римскаго владычества, овладѣло подъ предводительствомъ короля своего Клодіона сѣверною частью Галліи до рѣки Соммы, гдѣ и положило основаніе Франкскому государству. Извѣстно что всѣ германскія племена, овладѣвавшія землями распадавшейся римской имперіи, раздѣляли территорію на 2 доли; одну изъ нихъ (большею частью $^2/_3$) брали они въ свою собственность, а другую (большею частью $^1/_3$) оставляли во владѣніи туземцевъ. Какъ поступили въ данномъ случаѣ Франки, произвели-ли они раздѣлъ съ тузем-

цами и, если произвели, то на какомъ основаніи—вопросъ этотъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ, составляя предметъ спора историковъ. Нѣкоторые, въ той или другой формѣ, но допускаютъ фактъ раздѣла (Gaupp, Eichorn, отчасти Montesquieu), другіе писатели положительно отвергаютъ его (Pardessus, Warnkoenig). Варнкёнигъ, отвергая мысль о раздѣлѣ Франками покоренныхъ земель съ туземцами, старается слѣдующимъ образомъ примирить это убѣжденіе съ неоспоримымъ историческимъ фактомъ, что у франкскихъ королей находилась въ распоряженіи масса земель: онъ предполагаетъ, будто короли франкскіе, не насилуя собственности туземцевъ, захватывали въ свое владѣніе лишь имѣнія составлявшія домены римскихъ императоровъ, или земли туземцевъ павшихъ въ битвѣ, или выселившихся, или наконецъ тѣхъ туземцевъ, къ которымъ мѣра эта прилагалась въ качествѣ наказанія за враждебныя отношенія къ завоевателямъ Франкамъ. Короли въ видѣ награды за службу раздавали участки пріобрѣтенныхъ ими земель въ пользованіе сподвижникамъ своимъ, подъ условіемъ вѣрной службы и повиновенія королю; значительные участки земель жертвовали они равнымъ образомъ и церкви [1]. Эта раздача въ награду земель при первыхъ короляхъ династіи Каролинговъ получаетъ уже значеніе чисто государственное,—являясь основаніемъ правительственной системы. Получая отъ короля назначенный участокъ (beneficium), владѣлецъ его (сеньоръ, seigneur) получалъ не только право пользованія имъ, но и полную, равную съ королевскою, власть господства надъ состоящими подъ нимъ даже свободными людьми. Взамѣнъ этого обязывалъ онъ себя службой и вѣрностью королю, заключая съ нимъ особаго рода обязательство (коммендація). Мы видимъ, что на долю Франкскихъ королей пришлась при занятіи ими Галліи сравнительно незначительная часть земель, да и та постепенно выдѣлялась при короляхъ—Меровингахъ, съ одной стороны въ видѣ награды приближеннымъ королей, съ другой стороны въ пользу церкви. Вслѣдствіе этаго количество земель оставшихся въ рукахъ королей достигло вскорѣ до весьма незначительнаго количества,—что принудило уже сыновей Карла Мартелла при-

---

[1] Warnkoenig.—Franzoesische Staats und Rechtsgeschichte I. 76.

ступить къ крайне энергической мѣрѣ,—всеобщей секуляризаціи церковныхъ земель для раздачи ихъ служилымъ сеньорамъ. Со временъ Карла Великаго бенефиціи, дававшіяся первоначально лишь во временное пользованіе, стали назначаться уже въ пожизненное владѣніе. Высшаго развитія достигла бенефиціальная система при Карлѣ Лысомъ, который въ 877 году, въ силу укоренившагося обычая, вынужденъ былъ признать бенефиціи землями наслѣдственными. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ характера бенефиціальной системы измѣнилось и самое названіе ея. Съ X-го вѣка наслѣдственныя бенефиціи получили названіе феодовъ (feodum, feodum, feum, feodum),—и такимъ образомъ является *система феодальная* (1).

Феодальная система, сдѣлавшая феодаловъ сильными, почти независимыми отъ короля владѣльцами, повела къ крайнему упадку королевской власти, которая, не имѣя сама въ себѣ силы, не могла противодѣйствовать самовластію ихъ. Государство представлялось совокупностью отдѣльныхъ, почти самостоятельныхъ владѣній, враждовавшихъ и воевавшихъ между собой, а нерѣдко и съ самимъ королемъ, который являлся въ массѣ своихъ вассаловъ безсильнымъ и неогражденнымъ отъ непокорства и даже насилія. Такое положеніе дѣлъ привело королей къ необходимости начать борьбу съ развивающимся феодализмомъ,—и дѣйствительно, съ XI вѣка борьба эта возгарается. Но королямъ однимъ не было возможности переломить крѣпко установившійся феодальный порядокъ, имъ необходимъ былъ надежный союзникъ,—и они нашли его въ городскихъ общинахъ, которыя, уже съ Людовика Толстаго, тяготясь игомъ феодальныхъ владѣльцевъ, отчасти силой, а отчасти денежными выкупами, силятся освободиться отъ своего зависимаго положенія. Вступивъ въ союзъ съ городскими общинами, короли вмѣстѣ съ ними вступаютъ въ открытую борьбу съ феодальнымъ порядкомъ.

Продолжаясь съ перемѣннымъ счастьемъ въ періодъ времени отъ XI до конца XV вѣка, борьба королевской власти съ феодализмомъ заключилась окончательной побѣдой первой при королѣ Людовикѣ XI.

---

(1) Аренсъ.—Юридическая Энциклопедія. Стр. 263—267.

Англія. Англійское королевство образовалось вслѣдствіе завоеванія Англо-Саксонскаго племени Нормандскимъ герцогомъ Вильгельмомъ, прозваннымъ Завоевателемъ. Послѣдствія этого завоеванія были совершенно отличны отъ послѣдствій завоеванія Галліи Франками. Мы видѣли что Франки не насиловали территоріи побѣжденныхъ, что король владѣлъ лишь незначительною массою земель, притомъ большую часть изъ нихъ долженъ былъ раздать въ видѣ бенефицій своимъ сподвижникамъ по завоеванію, вслѣдствіе чего королевская власть, враждебная туземному населенію и не имѣвшая возможности найти въ немъ поддержку, съ усиленіемъ могущества феодаловъ пришла въ концѣ концовъ къ крайнему ослабленію и упадку.

Иначе была обставлена королевская власть Вильгельмомъ Завоевателемъ. Онъ отобралъ у побѣжденныхъ туземцевъ всю поземельную собственность и, раздавъ изъ нее наслѣдственные участки (60,000) своимъ сподвижникамъ, оставилъ значительную часть земель (почти $^1/_{40}$ часть) въ собственномъ своемъ владѣніи. Къ тому же король не былъ обязанъ завоеваніемъ исключительно лишь своимъ сподвижникамъ—Норманамъ; часть войска его состояла изъ наемниковъ, которые и по окончаніи завоеванія не были распущены имъ. Эти наемныя войска окружали и королей—преемниковъ Вильгельма (1), составляя вмѣстѣ съ значительною поземельною коронною собственностью сильный оплотъ противъ самовластія и честолюбія феодаловъ. Послѣдніе, очутившись разсѣянными въ средѣ враждебнаго къ нимъ населенія, могли себя считать безопасными лишь при прочной государственной организаціи,—и въ такихъ обстоятельствахъ охотно соглашались принимать отъ короля самыя невыгодныя для себя условія. Власть Вильгельма была настолько сильна, что онъ не задолго до смерти заставилъ принести себѣ клятву въ вѣрности всѣхъ землевладѣльцевъ безъ исключенія, не только феодаловъ, но даже вассаловъ и подвассаловъ послѣднихъ, что было совершенно несогласно съ феодальными началами, господствовавшими въ то время на материкѣ (2). Такимъ образомъ въ самомъ началѣ существо-

(1) Бокль. Ист. цив. въ Англіи. I. 459.

(2) Ibid. 461.

ванія Англійскаго королевства видимъ мы начала, діаметрально-противоположныя началамъ образовавшимся во Франціи, что главнымъ образомъ произошло вслѣдствіе неодинаковаго установленія отношеній служебнаго сословія феодаловъ къ верховной королевской власти. Вслѣдствіе противоположныхъ первичныхъ началъ и дальнѣйшій ходъ развитія отношеній феодальныхъ владѣльцевъ къ королямъ получилъ въ обоихъ государствахъ совершенно различное направленіе. Въ крайней степени своего развитія власть феодаловъ дошла во Франціи до права неограниченнаго господства надъ подвластнымъ населеніемъ, до права чекана собственной монеты, наконецъ до права частныхъ войнъ. Въ англійскомъ же королевствѣ самостоятельность феодаловъ никогда не достигала такихъ громадныхъ размѣровъ (1). Бокль полагаетъ, что англійскіе феодалы не имѣли даже права дробить свои земли для передачи отдѣльныхъ участковъ въ руки второстепенныхъ ленниковъ, которые становились бы въ феодальное отношеніе къ первымъ, по крайней мѣрѣ при Эдуардѣ I подобные раздѣлы были запрещены оффиціальнымъ постановленіемъ (2). Напротивъ, во Франціи подобное дробленіе имѣло полное примѣненіе, и имѣло возможность простираться до безконечности. Во Франціи королевская власть, тѣснимая феодалами и низводимая почти до ничтожества, искала въ городскихъ общинахъ спасенія и опоры въ борьбѣ съ ними. Въ Англіи видимъ обратное явленіе. Англійскіе феодалы, подавляемые королевскою властью, вступаютъ въ борьбу съ послѣднею и, чувствуя недостаточность собственныхъ силъ своихъ, вступаютъ въ союзъ съ народомъ, совмѣстно съ которымъ ратуютъ за общій интересъ— уменьшеніе королевской власти и обезпеченіе за собою свободныхъ учрежденій. Каждая новая побѣда въ этой продолжительной борьбѣ была слѣдствіемъ единодушнаго союза англійской аристократіи съ народомъ.

Такимъ образомъ основныя черты отношеній высшаго служебнаго сословія къ верховной власти, въ феодальный періодъ существованія Французскаго и Англійскаго государствъ, явились слѣдующими:

---

(1) Бокль. I. 460.

(2) Ibid. 463.

1. Въ обоихъ государствахъ слѣдствіемъ завоеванія территоріи туземцевъ является выдѣлъ королемъ изъ захваченныхъ имъ земель участковъ своимъ сподвижникамъ, при посредствѣ которыхъ совершилось завоеваніе.

2. Какъ самый захватъ королемъ въ свою собственность земель, такъ и выдѣлъ изъ нихъ участковъ сподвижникамъ, былъ въ обоихъ государствахъ обставленъ неодинаковыми условіями. Результатомъ этого различія явилось во Франціи непомѣрное усиленіе власти феодаловъ въ ущербъ власти королей и благосостоянію народонаселенія;—въ Англіи усиленіе власти короля въ ущербъ независимости феодаловъ и свободѣ народонаселенія.

3. Оба эти преобладанія вызываютъ энергическія реакціи. Во Франціи король въ союзѣ съ городскимъ населеніемъ противодѣйствуетъ стремленіямъ феодаловъ; въ Англіи феодалы, а впослѣдствіи аристократія, въ союзѣ съ народомъ, противодѣйствуютъ стремленіямъ королевской власти.

4. Во Франціи борьба оканчивается торжествомъ королевской власти;—въ Англіи она оканчивается торжествомъ аристократіи и народа, пріобрѣтшихъ наконецъ требуемыя свободныя учрежденія.

Мы видѣли изъ предшествовавшаго изложенія, что великія государства Западной Европы обязаны своимъ существованіемъ завоеванію и преобладанію завоевателей надъ туземцами, въ силу котораго первые овладѣваютъ всѣми или частью земель послѣднихъ,—откуда развивается феодальная система, при чемъ все народонаселеніе разбивается на двѣ части,—побѣдителей и побѣжденныхъ, интересы которыхъ на долго остаются въ антагонизмѣ. Не такимъ явленіемъ сопровождается *начало русскаго государства.* Первые князья русскіе не являются къ намъ названою силою, враждебною народонаселенію: они приходятъ по призыву сѣверныхъ племенъ Славянъ Ильменскихъ, Кривичей, и Чуди, которые, безпокоимые воинственными сосѣдями Норманами и внутренними раздорами и усобицами, ищутъ исхода изъ

этаго состоянія въ организаціи у себя общей верховной власти. Имъ нуженъ былъ правитель, стоящій внѣ всякихъ племенныхъ интересовъ, такъ какъ при господствовавшей между ними племенной розни, лишь подобный правитель могъ связать отдѣльные народцы въ одно органическое цѣлое. Очевидно, что такой правитель могъ быть найденъ лишь внѣ предѣловъ этихъ племенъ. Онъ не могъ быть призванъ изъ среды южныхъ племенъ славянскихъ, во первыхъ уже потому, что южныя племена не въ состояніи были дать князя достаточно сильнаго для оказанія имъ надлежащаго содѣйствія въ защитѣ отъ нападеній со стороны норманскихъ выходцевъ; эти племена сами съ трудомъ охраняли себя съ одной стороны другъ отъ друга, съ другой стороны отъ воинственныхъ сосѣдей—Козаровъ; во вторыхъ потому, что южныя племена стояли на сравнительно нисшей ступени культуры нежели племена сѣверныя, изъ которыхъ племя Славянъ Ильменскихъ въ то время достигло уже значительной степени развитія. Наконецъ сѣверныя племена потому не могли искать князя въ племенахъ южныхъ, что послѣднія и сами отличались не меньшею племенною рознью и раздорами (1). Изложенныя обстоятельства уясняютъ и дѣлаютъ понятнымъ кажущееся съ перваго взгляда страннымъ то явленіе, что сѣверныя племена призываютъ къ себѣ править князей иноземныхъ.

Вслѣдствіе призыва Славянъ Ильменскихъ, Кривичей и Чуди, приходятъ къ нимъ на княженіе три брата изъ Варяжскаго племени Руссовъ,—Рюрикъ, Синеусъ, и Труворъ; чрезъ 2 года послѣ призыва послѣдніе два умираютъ и Рюрикъ остается одинъ княземъ всей области. Такимъ образомъ фактъ призванія князей носитъ характеръ чистаго договора. Князья обязуются управлять призвавшими, судить и рядить ихъ, защищать отъ насилія чужеземцевъ; призвавшіе въ свою очередь обязуются повиноваться всѣмъ справедливымъ требованіямъ княжеской власти, доставлять князю войско для веденія войнъ, платить ему дань для собственнаго содержанія и для содержанія дружинъ. Въ силу этого договорнаго начала явилось весьма своеобразное отношеніе

(1) Явленія этой племенной розни основательно разсмотрѣны у Леонтовича: Ист. русс. права, 76 и д.

княжеской воли къ волѣ народной, выражавшейся въ вѣчѣ; обѣ воли не должны были идти одна другой въ разрѣзъ, но должны были во всемъ согласоваться. Этимъ же договорнымъ началомъ объясняется почему первые князья наши, явившись на добровольный зовъ племенъ, не могли стать къ нимъ въ тѣ отношенія, въ какія становились германскіе и норманскіе завоеватели къ туземцамъ западно—европейскихъ странъ. Они не могли приложить къ туземцамъ тѣ энергическія, деспотическія мѣры, какія прилагаютъ западно—европейскіе завоеватели; отборъ русскими князьями у туземцевъ поземельной собственности является положительно немыслимымъ при этомъ договорномъ началѣ. При преемникѣ Рюрика Олегѣ (по хронологіи Нестора въ 882 г.), русская государственная жизнь передвигается, какъ извѣстно, къ югу. Спрашивается, ежели на сѣверѣ князья явились призванною, желанною властью, если на сѣверѣ власть князя получила признаніе на началѣ договорномъ, то не явился ли Олегъ на югѣ завоевателемъ, силою ненавистною населенію? Для разрѣшенія этаго вопроса обратимся къ свидѣтельствамъ лѣтописи. Прежде всего Олегъ вступаетъ въ область Кривичей; „приде къ Смоленску съ Кривичи и прія градъ и посади мужъ свой,“—вотъ что говоритъ лѣтописецъ. „Приде съ Кривичи“,—слѣдовательно въ войскѣ Олега были представители туземнаго населенія, желавшіе власти князя, а можетъ быть даже уполномоченные соплеменниками привести Олега для принятія города. Далѣе, Олегъ не завоевываетъ Смоленскъ, лѣтописецъ говоритъ „прія градъ,“ а не „взя градъ,“ и въ лѣтописи ничего нѣтъ такаго, что могло бы родить предположеніе о занятіи силой. Затѣмъ Олегъ подступаетъ къ городу Любечу, въ землѣ племени Сѣверянъ; „взя Любечь и посади мужъ свой,“—говоритъ лѣтописецъ. Здѣсь ясенъ фактъ завоеванія, хотя Любечь и не укрѣпился за Олегомъ; неизвѣстно какая участь постигла посаженнаго тамъ мужа, извѣстно только, что чрезъ два года (892 г.) Олегъ снова воюетъ съ Сѣверянами. Наконецъ Олегъ подступаетъ къ Кіеву, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ. Относительно Кіева отсутствіе завоеванія является весьма наглядным; Олегъ и не имѣлъ въ виду употреблять силу противъ Полянъ. Кроткіе и миролюбивые Поляне нуждаются въ князѣ для защиты ихъ отъ нападеній сосѣдей и Козаровъ, но имъ безразличон, кто бы не княжилъ у нихъ, кому бы не платить имъ

дань; какъ легко они предались Аскольду и Диру, такъ же легко могли они предаться и Олегу; вотъ почему Олегъ, не прибѣгая къ враждебнымъ дѣйствіямъ относительно Полянъ, старается только какимъ бы то ни было образомъ вырвать власть у Аскольда и Дира. Онъ употребляетъ хитрость; она удается: Аскольдъ и Диръ умерщвлены,—и Поляне принимаютъ Олега на княженіе. Такимъ образомъ имѣемъ мы право и здѣсь отвергнуть фактъ завоеванія, признавъ фактъ добровольнаго принятія Олега на княженіе Кіевское; слѣдовательно и относительно Полянской области на первый планъ выступаетъ начало договорное.

Рюрикъ съ братьями является на княженіе въ сопровожденіи родственниковъ и дружины, своей вслѣдствіе чего съ самаго начала государства русскаго видимъ мы князей окруженныхъ кругомъ сподвижниковъ своихъ, которые слѣдовали за ними въ надеждѣ на поживу. Этимъ сподвижникамъ пришлось положить начало учрежденію *дружины княжеской*, составлявшей служилый классъ въ древней русской государственной жизни. Князья, не воспользовавшись поземельною собственностью туземцевъ, не могли раздавать своимъ дружинникамъ бенефиціальныхъ и аллодіальныхъ участковъ; съ другой стороны и сами дружинники не вправѣ были требовать поземельнаго вознагражденія, такъ какъ имъ не только не довелось жертвовать кровью своею для завладѣнія страною, но даже не пришлось оказывать активнаго содѣйствія князьямъ въ дѣлѣ достиженія ими верховной власти. Впрочемъ и самимъ князьямъ не представлялось настоятельной надобности прикрѣплять къ себѣ крѣпкими узами дружинниковъ. Если бы подвластныя племена вздумали снова отнять у нихъ верховную власть, ими-же дарованную, — то князья не могли расчитывать найдти надежный оплотъ въ своей дружинѣ,—еще свѣжа была въ нихъ память объ изгнаніи племенами, передъ ихъ призваніемъ, владѣтелей не менѣе сильныхъ. Если мы примемъ въ соображеніе нѣкоторыя явленія первоначальной жизни русскаго государства,—то легко дойдемъ до убѣжденія, что количество варяжской дружины не могло быть очень значительно при первыхъ князьяхъ русскихъ. Это видно во первыхъ изъ того, что варяжскій элементъ весьма скоро поглотился въ массѣ туземнаго населенія, вслѣдствіе чего довольно рано уже дружина княжеская начинаетъ принимать въ себя мѣстные элементы;

наконецъ видно это и изъ того, что всѣ воинственныя предпріятія первыхъ князей нашихъ совершаются при содѣйствіи племенъ туземныхъ; такъ напримѣръ, Олегъ передвигается съ сѣвера на югъ „поимъ вои многи, Варяги, Чудь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи"; при ихъ-же участіи предпринимаетъ онъ походъ на Царьградъ, равно какъ и преемникъ его Игорь (1) Прямое слѣдствіе всего сказаннаго то, что князья должны были стараться заручиться расположеніемъ народа, отъ котораго зависѣло продолженіе власти ихъ, не раздражать его насиліемъ и, не давая воли необузданному деспотизму, раздѣлить верховную власть съ самимъ населеніемъ въ лицѣ исконнаго учрежденія его—вѣча. Ясно, что при такихъ условіяхъ роль дружины отходитъ на второстепенный планъ, такъ какъ не на нее опирается княжеская власть. Здѣсь проявляется уже полная противоположность съ первоначальнымъ устройствомъ государственнаго быта во Франціи и Англіи; во Франціи короли главнымъ образомъ опираются на своихъ сподвижниковъ по завоеванію, въ Англіи—на поземельную собственность и отчасти на наемныя войска,—у насъ верховная власть находитъ точку опоры уже въ самомъ туземномъ населеніи, добровольно признавшемъ ея владычество. Этою исходною точкою обусловливается свободное, договорное направленіе теченія русской государственной жизни, рѣзко противоположное развитію западно—европейскихъ государствъ, направленіе, борьба съ которымъ предпринимается уже московскими государями, стремящимися закрѣпить всѣ элементы государственнаго строя и дать ему прочныя основы.

Посмотримъ теперь, каково было *положеніе дружины при первыхъ князьяхъ русскихъ*. Окружая князя, дружинники были непосредственными органами его въ дѣлѣ управленія подвѣдомственными ему землями. Въ военное время дружина, сражаясь около князя, составляла хотя и несравненно меньшую, но тѣмъ не менѣе основную, центральную часть всей массы воиновъ, состоявшую кромѣ нее изъ людей, отряженныхъ въ помощь князю приговоромъ вѣчевыхъ собраній и изъ охотниковъ, отправлявшихся по зову князя съ цѣлью поживиться на счетъ побѣжденныхъ. Въ

(1) П. С. Р. Л. I, 10 и слѣд.

мирное время дружинники сопровождали князя въ полюдья, собирали на него дань, содѣйствовали ему въ отправленіи правосудія, отбывали дворовую службу и т. п. Лучшіе дружинники, и во главѣ ихъ родственники князя, (1) получали въ управленіе города, съ правомъ пользоваться нѣкоторыми сопряженными съ этою должностью выгодами. Замѣтимъ, что фактъ этотъ принимался нѣкоторыми историками за попытку учрежденія у насъ феодальной системы, но подобный взглядъ долженъ быть отвергнутъ, какъ положительно не вѣрный и несогласный ни съ древне-русскимъ государственнымъ бытомъ, ни съ самыми основными началами западно—европейскаго феодальнаго устройства; это распредѣленіе волостей есть ничто иное, какъ позднѣйшее учрежденіе *кормленій*. Начало русской государственной жизни сложилось при обстоятельствахъ. совершенно противоположныхъ тѣмъ, при которыхъ сложилось оно въ великихъ западно-европейскихъ государствахъ; вслѣдствіе этого и феодализмъ, — явленіе жизни западно-европейской, — не только не былъ, да и не могъ быть приложенъ къ русской государственной жизни. Раздача волостей удовлетворяла разомъ двумъ цѣлямъ,—необходимости учредить областное управленіе и желанію князей удержать при себѣ лучшихъ дружинниковъ, предоставленіемъ имъ съ этихъ волостей извѣстныхъ выгодъ. Остальная масса дружинниковъ, состоявшая при князѣ и не имѣвшая опредѣленныхъ источниковъ дохода, содержалась предоставленіемъ ей части дани собираемой княземъ и части военной добычи. Варягамъ—дружинникамъ врядъ-ли могло придти по нраву то отношеніе къ туземному населенію, какое установилось при первыхъ князьяхъ нашихъ, тѣмъ болѣе, что имъ вѣроятно было не безъизвѣстно положеніе собратьевъ ихъ въ покоренныхъ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ тѣ, получая отъ королей большіе поземельные участки, обращались въ сильныхъ, почти независимыхъ феодаловъ. Вслѣдстіе этаго уже при Рюрикѣ и Олегѣ должно было находиться болѣе или менѣе значительное количество лицъ недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей. Эти недовольные Варяги ничѣмъ

(1) Носившіе вѣроятно титулъ князей, какъ можно думать на основаніи Договора Олега съ Греками.

не были связаны съ князьями, они во всякое время могли оставить ихъ, и дѣйствительно, можно предполагать что вскорѣ по призваніи князей многіе Варяги, покидая дружину княжескую,—одни возвращались на родину свою, другіе уходили въ Грецію. Исторія сохранила намъ извѣстіе о двухъ дружинникахъ, Аскольдѣ и Дирѣ, которые оставляютъ Рюрика съ цѣлью уйти въ Царьградъ и которымъ по дорогѣ удается сдѣлаться князьями миролюбиваго и тихаго племяни Полянъ; они представляютъ не единственный примѣръ подобнаго рода,—это можно видѣть изъ того, что Аскольдъ и Диръ, поселившись въ Кіевѣ, „многи Варяги скуписта“, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ.

При первыхъ князьяхъ русскихъ на ряду съ эмиграціей варяжскихъ дружинниковъ видимъ мы и постоянное пополненіе ея новыми варяжскими выходцами,—фактъ подтверждаемый какъ отечественными лѣтописями, такъ и исландскими сагами, въ особенности извѣстной Эдмундовой Сагой. Такъ мы знаемъ напримѣръ, что послѣ перваго неудачнаго похода на Царьградъ, Игорь, замышляя второй походъ, послалъ за-море за Варягами (1); Варяговъ призываетъ и Владиміръ въ борьбѣ съ Ярополкомъ,—наконецъ лучшимъ изъ нихъ раздаетъ онъ въ 980 г. города въ управленіе. Въ составъ княжеской дружины,—первоначально варяжской,—весьма рано, вѣроятно уже при первыхъ князьяхъ русскихъ, начинаетъ входить элементъ и земскій, чему не мало долженъ былъ способствовать переходъ Олега изъ Новгорода въ Кіевъ; вмѣстѣ съ элементомъ земскимъ въ дружину начинаютъ проникать и элементы инородческіе, такъ что въ эпоху принятія христіанства составъ дружины является самымъ разнохарактернымъ.

Прямымъ слѣдствіемъ того факта, что дружинники нитѣмъ не связаны были съ князьями, должно было произойти право ихъ во всякое время, какъ только вздумается, оставить службу князя и избрать другое занятіе. Мы сейчасъ указали, что еще при Рюрикѣ воспользовались этимъ правомъ Аскольдъ, Диръ и многіе другіе Варяги. Не труденъ былъ доступъ въ дружину княжескую,—а еще легче выходъ изъ нее. Желающій служить приходилъ къ князю и

(1) П. С. Р. Л. I. 19.

предлагалъ ему свои услуги; если князь находилъ что личныя качества пришедшаго,—въ то время большею частью физическія,—даютъ ему право на службу, онъ принималъ его въ свою дружину. Если дружиннику не нравилась служба князю, или-же онъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ лично имъ,— онъ безъ всякаго стѣсненія оставлялъ службу, не теряя ничего кромѣ выгодъ, съ ней сопряженныхъ. Такимъ образомъ и отношенія дружины къ князю являются построенными на началѣ договорномъ, подобно отношеніямъ самаго князя къ народонаселенію. Князьямъ съ своей стороны естественно было заботиться о возможно лучшемъ составѣ дружины; вслѣдствіе этаго они стараются о привлеченіи къ службѣ своей людей лучшихъ по понятію того времени и объ удержаніи въ ней тѣхъ изъ нихъ, которые уже служатъ. Отсюда видимъ особаго рода отношеніе князя къ дружинѣ: князь относится къ ней съ любовью, пируетъ съ ней, жалуетъ ее, старается угождать ей, для чего охотно выслушиваетъ всѣ ея желанія. У князей начинаетъ вырабатываться взглядъ, что золотомъ и серебромъ не найдти хорошихъ дружинниковъ, между тѣмъ какъ съ хорошей дружиной можно добыть и золота и серебра,—вслѣдствіе этаго князья готовы исполнять не только справедливыя требованія людей своихъ, но и нѣкоторыя прихоти ихъ. Наконецъ изъ договорнаго отношенія дружины къ князю и изъ права дружинниковъ въ случаѣ неудовольствія оставлять службу вытекалъ обычай князей совѣщаться съ дружиной, *думать съ ней*, обычай, который мало по малу обратился въ правило, несоблюденіе котораго ставилось князю въ укоръ. Лѣтописцы въ числѣ достоинствъ извѣстнаго князя всегда упоминаютъ о солидарности его съ дружиною и о частыхъ совѣщаніяхъ съ нею. Типомъ князя склоняющагося къ совѣтамъ дружины является Владиміръ Святой; вотъ какъ характеризуетъ его лѣтопись: „Бѣ бо Владиміръ, любя дружину, и съ ними думая о строѣ земленѣмъ, и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ“. Вообще, въ своихъ отношеніяхъ къ дружинѣ, Владиміръ является княземъ идеальнымъ по понятіямъ того времени. Народная память въ былинахъ до сихъ поръ сохранила еще воспоминанія о грандіозныхъ пирахъ его, въ которыхъ князь, окруженный своею дружиною, является не господиномъ, но радушнымъ хозяиномъ, товарищемъ, первымъ между равными. Въ тѣхъ же былинахъ поется о томъ, какъ слава

о Владимірѣ и о его любви къ дружинѣ заставляетъ стекаться къ нему людей самаго разнообразнаго состоянія, искавшихъ случая развернуть свою удаль на полной для нихъ очарованія службѣ княжеской.

Изъ всей массы дружины особенно рельефно выдѣляются нѣкоторые дружинники, отличающіеся физическою силою и удальствомъ, носящіе въ силу этихъ свойствъ доблестное въ древней русской жизни названіе „богатырей“; другіе дружинники выдѣляются изъ остальной массы вслѣдствіе особаго расположенія къ нимъ князя, получая названіе „милостниковъ“ его (1).

Разсмотрѣнныя нами отношенія не измѣнились и въ *удѣльный періодъ русской государственной жизни*, къ которому мы въ настоящее время и перейдемъ. Договорное начало въ отношеніяхъ князей къ народонаселенію не только не ослабѣваетъ, но напротивъ, оно получаетъ еще большее примѣненіе въ этомъ періодѣ; занятіе княземъ извѣстнаго стола предполагаетъ волю на это народа и заключеніе съ нимъ княземъ *„ряда“*, т. е. договора. Безъ воли народной и безъ ряда князь не могъ занять стола; противоположные случаи являются лишь въ видѣ исключенія, какъ слѣдствіе фактическаго преобладанія грубой силы (2), но подобнаго рода насильственное княженіе никогда не было прочно и продолжительно. Въ лѣтописяхъ находимъ мы крайне рельефные примѣры права городовъ на добровольное призваніе князей. Въ 1154 г. великій князь Изяславъ возражаетъ Юрію Владиміровичу: „ци самъ есмь сѣлъ Кыевѣ? посадили мя Кіяне“ (3); въ 1024 г. „Приде Мстиславъ изъ Тмутаракани Кыеву, и не пріяше его Кіяне“ (4). Въ 1095 г. „Новгородцы послаша къ Ростову по Мстиславѣ Володиміровича и ведоша и Новгороду, а Давыдови рекоша: не ходи къ намъ“ и за тѣмъ: „приде Изяславъ сынъ Володимерь изъ Курска къ Мурому; пріяша и Муромцы“ (5). Въ 1096 г. „Олегъ вниде въ городъ (Ростовъ) и пріяша и горожане“, затѣмъ Олегъ пошелъ: „подъ Суздалю

(1) Сергѣевичъ. Вѣче и Князь, ст. 359.

(2) Ibid. 67.

(3) П. С. Р. Л. I. 148.

(4) Ibid. 63.

(5) Ibid. 98.

и Суздальцы дашася ему“ (1); въ 1146 г. „вниде Игорь въ Кіевъ и не годно бысть людемъ и послашася . . . къ Изяславлю рекуще: поидемъ княже, хочемъ тебе“(2). Въ 1150 г. „приде Изяславъ вмалѣ изъ Володимера Кыеву, хотящимъ его Кіянамъ, и выгна Гюрга“ (3), въ томъ же году Кіевляне, желая изгнать Юрія, говорятъ ему просто на просто: „поѣди, княже, прочь“; въ 1157 г. „Ростовцы и Суздальцы, сдумавше вси, пояша Андрея сына его (Юрія) старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отнемъ столѣ и въ Суздали“(4); въ 1175 г. „Ярополка князя посадиша Володимерцы съ радостью въ городѣ Володимерѣ на столѣ, во Св. Богородицѣ весь *порядъ* положше“,—здѣсь уже прямое указаніе на заключеніе съ княземъ договора; въ 1176 г. Владимірцы говорятъ князьямъ своимъ Ростиславичамъ: „мы есмы вольные князя къ собѣ пріяли . . . „и послашася Чернигову по Михалкѣ“ (5); въ 1176 г. князь Михалко, пришедши на зовъ Суздальцевъ, „створи людемъ весь нарядъ, утвердився крестнымъ цѣлованіемъ съ ними“ (6): здѣсь мы видимъ не только указаніе на заключеніе договора, но и на взаимное подтвержденіе его клятвою. Много бы можно было привести подобныхъ свидѣтельствъ,—ими переполнены древнія лѣтописи наши,—но достаточно уже приведенныхъ здѣсь для подтвержденія факта существованія договорнаго начала князей съ городами,—къ тому же вопросъ этотъ является безспорнымъ послѣ тщательнаго выясненія его профессоромъ Сергѣевичемъ.

Равнымъ образомъ не потерпѣло измѣненія договорное начало и въ отношеніяхъ князей къ дружинѣ. Дружинники, какъ и прежде, не связаны съ князьями никакими крѣпкими узами; вслѣдствіе этого и древнее право дружинниковъ оставлять службу князя продолжается. Теперь это право получаетъ еще большую фактическую возможность примѣненія, такъ какъ русская земля представляетъ цѣлую сис-

(1) П. С. Р. Л. I. 108.
(2) Ibid. 136.
(3) Ibid. 141.
(4) Ibid. 149.
(5) Ibid. 159.
(6) Ibid. 160.

тему отдѣльныхъ, независимыхъ княженій,—слѣдовательно дѣлается весьма легкимъ переходъ дружинника со службы однаго князя на службу другаго. Но при шаткости отношеній между князьями, при безпрерывныхъ распряхъ и усобицахъ происходившихъ между ними, князья чувствуютъ необходимость опираться на дружину. Дружина необходима удѣльному князю, онъ не мыслимъ безъ нея; чѣмъ лучше дружина у извѣстнаго князя, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ и значенія. Отсюда понятно, что прежнее дружественное, свободное отношеніе князей къ дружинѣ не только не уменьшилось въ удѣльномъ періодѣ, но напротивъ, получило еще большее значеніе, проявилось еще рельефнѣе. Князь дорожитъ своею дружиной, заботится о возможно лучшемъ составѣ ея и, составивъ себѣ дружину, старается привязать ее къ себѣ. Какія же средства могъ употребить удѣльный князь для закрѣпленія къ себѣ дружины? Мы уже выше видѣли невозможность примѣненія къ русской государственной жизни тѣхъ средствъ закрѣпленія, которыми пользовались короли западно—европейскіе; эта невозможность сдѣлалась еще ощутительнѣе въ періодъ удѣльно-вѣчевой. Хотя можно достовѣрно утверждать, что удѣльные князья владѣли поземельною собственностью, но эта поземельная собственность не могла быть значительна, притомъ была разбросана по различнымъ княженіямъ и землямъ и подвергалась всѣмъ случайностямъ этой воинственной и полной усобицъ эпохи (1). Вообще никакія средства, имѣющія цѣлью прикрѣпленіе дружиниковъ къ князю черезъ посредство прикрѣпленія ихъ къ территоріи, чрезъ посредство пріобрѣтенія ими осѣдлости, не могли привести къ желаемой цѣли; эти средства, съ успѣхомъ примѣнявшіяся позднѣе въ Московскомъ государствѣ, должны были оказаться въ удѣльный періодъ русской жизни безсильными и даже положительно вредными для князей. Осѣдлость и крѣпость дружинниковъ территоріи представляло князю надежное обезпеченіе въ вѣрности ихъ до тѣхъ поръ, пока самъ князь сидѣлъ на княженіи; но какъ скоро лишался онъ даннаго стола,—что въ теченіи разсматриваемаго періода было явленіемъ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ,—это средство должно было нанести ему громадный вредъ. Лучшія силы дружины его остались бы въ утра-

(1) Соловьевъ. Ист. Россіи. III. стр. 6—7.

ченномъ имъ удѣлѣ, рискуя въ случаѣ пребыванія въ вѣрности прежнему князю потерею своего имущества. Мы знаемъ, что тѣ дружинники которые, служа князю, владѣли вмѣстѣ съ тѣмъ поземельною собственностью въ его удѣлѣ, слѣдуя за княземъ по изгнаніи его съ княженія, лишались этой собственности. Послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняются слова князя Изяслава Давыдовича, сказанныя имъ дружинѣ своей въ то время, когда онъ, подступая къ Кіеву съ цѣлью снова возвратить его себѣ, узнаетъ что онъ окруженъ непріятельскими полками, „Вы есте по мнѣ изъ Рускые земли вышли, своихъ селъ и своихъ животовъ лишився, а азъ паки своея дѣдины и отчины не могу презрѣти: но любо голову свою сложу, паки ли отчину свою налѣзу и вашу всю жизнь“ (1). Равнымъ образомъ видимъ мы, что Всеволодъ Ольговичъ, выгнавъ въ 1127 г. изъ Чернигова дядю своего Ярослава, вмѣстѣ съ тѣмъ „дружину его исѣче и разграби“ (2). Равнымъ образомъ Полочане извиняются передъ обиженнымъ ими княземъ Рогвольдомъ Борисовичемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „согрѣшили есмя къ Богу и къ тебѣ оже встахомъ на тя безъ вины, и жизнь твою всѣ разграбихомъ и твоея дружины“ (3). . . Подобный образъ дѣйствій являлся правомъ войны по понятіямъ того времени.

„Сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины“,—говоритъ еще Владиміръ Святой. Въ этихъ словахъ прекрасно характеризуется значеніе дружины и отношеніе къ ней князя. Деньгами можно привлечь на службу наемниковъ, но не дружину; между этими двумя выраженіями древняя Русь дѣлала большое различіе. Наемникъ изъ за платы служитъ князю въ данный только моментъ, его интересы не соединены съ интересами князя. Онъ служитъ тому, кто въ состояніи заплатить ему большую сумму; кончена его служба первому князю, получилъ онъ свою заработную плату,—и завтра будетъ служить, пожалуй, второму князю иротивъ перваго. Если князь не въ состояніи платить наемнику, или же если служба представляется ему маловыгодною, онъ не стѣсняясь оставляетъ его. Иначе смотрѣла древняя Русь на дружинника. Дружинникъ не наемникъ, онъ служитъ князю не исключительно изъ корыстныхъ видовъ; къ желанію обезпечить себя службою

(1) П. С. Р. Л. II. 54.
(2) Ibid I. 130.
(3) Ibid. II. 83.

князю съ матеріальной стороны присовокупляется уже высшее стремленіе,— личная привязанность къ князю. Между княземъ и дружиною—полная солидарность интересовъ: хорошо князю,—хорошо и дружиннику; плохо князю,—плохо и дружиннику; всякая перемѣна въ судьбѣ князя непосредственно отражается и на судьбѣ дружинника. Дружинникъ раздѣляетъ судьбу князя въ благопріятную эпоху; онъ раздѣляетъ участь его и въ тяжелую годину. Представимъ себѣ случай изгнанія съ княженія одного князя другимъ. Что было дѣлать въ этомъ случаѣ дружинѣ изгнаннаго? Ей представлялось два пути: или слѣдовать за княземъ своимъ или, оставя его, вступить въ службу побѣдителя, покорностью заслуживъ милость его. Но второй путь не могъ быть привлекателенъ для дружинниковъ, въ особенности для тѣхъ, которые привыкли занимать первенствующія мѣста на службѣ прежняго князя, такъ какъ имъ пришлось бы уступить первенство старой дружинѣ князя—побѣдителя. Выбирая же первый путь, дружинники, не говоря уже о нравственной связи съ княземъ, могли руководиться и болѣе эгоистическимъ побужденіемъ; они могли расчитывать на шаткость междукняжескихъ отношеній того времени, при которой князь ихъ снова могъ добыть себѣ прибыльный столъ и возвратить вѣрной дружинѣ своей прежнее благосостояніе. Мы сказали, что къ чисто матеріальнымъ первоначально причинамъ вѣрной службы князю, съ теченіемъ времени присовокупляются новыя причины—причины чисто нравственныя. На этихъ то нравственно—матеріальныхъ началахъ и зиждятся различныя стороны отношеній между княземъ и дружиною. Наглядный примѣръ солидарности князя съ дружиною представляетъ намъ лѣтописецъ подъ 1148 годомъ. Ростиславъ Юрьевичъ, посланный изъ Суздаля съ своею дружиною отцемъ въ помощь Олеговичамъ противъ великаго князя Изяслава Мстиславовича, такъ разсуждаетъ на пути съ дружиною: „Любо ся на мя отцю гнѣвати, не иду къ ворогамъ своимъ,—то суть были вороги и дѣду моему и строемъ моимъ, но поидемъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дастъ ны волость“ (1). Съ другой стороны, мы имѣемъ указаніе, что дружина умершаго князя, если столъ его пере-

(1) П. С. Р. Л. I. 138.

ходилъ къ преемнику его по наслѣдію, мирнымъ образомъ, безъ насилій и кровавыхъ происшествій, остается служить новому князю и въ этомъ случаѣ не теряетъ своего первенствующаго значенія, не смотря на пополненіе ея вновь прибывшими дружинниками князя—преемника. Въ послѣднемъ случаѣ князю, дающему преобладаніе собственной дружинѣ въ ущербъ дружинѣ умершаго князя, ставится даже въ укоръ подобный образъ дѣйствія (1).

Надо отдать полную справедливость древне-русскимъ князьямъ,—они искусно, ловко умѣли пользоваться находящимися въ ихъ распоряженіи матеріальными средствами для возбужденія въ служащихъ имъ лицахъ болѣе сильныхъ причинъ привязанности, нежели простая матеріальная выгода. Многіе приходили къ князьямъ почти нагими и, благодаря щедрости ихъ, вскорѣ достигали не только благосостоянія, но даже высшихъ служилыхъ степеней; вспомнимъ укоръ, сдѣланный Кузьмищемъ Кіевляниномъ одному изъ убійцъ князя Андрея Боголюбскаго, ключнику Анбалу: „помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшеть? ты нынѣ въ оксомитѣ стоишь, а князь нагъ лежитъ.“ Подобное же значеніе имѣетъ восклицаніе Андрея Боголюбскаго, обращенное къ убійцамъ его: „аще кровь мою прольясте на землѣ, да Богъ отомститъ вы за мой хлѣбъ“ (2). Здѣсь князь явно упрекаетъ приближенныхъ своихъ въ отсутствіи благодарности, на которую вправѣ былъ онъ расчитывать за свой *хлѣбъ*, т. е. за милости, оказанныя имъ убійцамъ. Въ данномъ случаѣ добро оказанное княземъ отплачено было вѣроломствомъ,—но этотъ случай является, конечно, исключеніемъ; въ большинствѣ случаевъ благодѣянія князя служили источникомъ вѣрности и привязанности къ нему дружинниковъ. Лѣтописи даютъ намъ нѣсколько прекрасныхъ примѣровъ подобной благодарности. Такъ напримѣръ, Георгій, отрокъ Борисовъ, любимый и награждаемый имъ, мужественно раздѣлилъ участь своего князя (3); мы знаемъ также, что участь Андрея Боголюбскаго раздѣлилъ вѣрный слуга

---

(1) П. С. Р. Л. I. 93.

(2) П. С Р. Л. II. 113.

(3) Ibid. I. 58.

его Прокопій, убитый заговорщиками на другое утро послѣ убійства князя; этотъ Прокопій былъ, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, въ особенной милости у Андрея; вѣрнымъ князю Андрею, даже по смерти его, остался вышеупомянутый Кузьмище Кіевлянинъ (1). Если мы имѣемъ нѣкоторыя свидѣтельства, что при затруднительномъ и безнадежномъ положеніи князя часть дружины отходитъ отъ него, то другая часть остается при немъ, готовая защищать его до послѣдней капли крови, и, если окажется нужнымъ, раздѣлить его участь. Крайне характеристичнымъ является слѣдующее мѣсто лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ, восхваляя качества умершаго князя Василька Константиновича, замѣчаетъ что князь этотъ былъ „до бояръ ласковъ; никто же бо отъ бояръ, кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ, и чашу пилъ, и дары ималъ, тотъ никакоже у инаго князя можаше быти за любовь его; излишне же слуги свои любяше“ (2). Метиславъ Владиміровичъ тоже по словамъ лѣтописца „любяше дружину повелику, имѣнья не щадяша, ни питья, ни ѣденія ни браняше“ (3). Про Ростислава Святославича лѣтописецъ говоритъ, что онъ „бяше храбръ на рати и любовь имѣяше ко всѣмъ, паче же милостыни прилежаше.....; имяше дружину и имѣнья не щадяша, не сбираше злата и сребра, но даваше дружинѣ“ (4). Подобными же чертами лѣтописецъ характеризуетъ Смоленскаго князя Давида Ростиславича (5) и Новгородскаго князя Мстислава Ростиславича (6). Съ другой стороны лѣтопись даетъ намъ указаніе на князя (Святослава Ярославовича), обращающаго преимущественное вниманіе на скопленіе разнаго рода сокровищъ; за то лѣтописецъ, повѣствуя о томъ какъ князь этотъ хвалился своими сокровищами передъ нѣмецкими послами, приписываетъ имъ слѣдующій отвѣтъ: „се ни вочтоже есть, се бо лежитъ мертво; сего суть кметье лучше,

---

(1) П. С. Р. Л. II. 114.
(2) Ibid. I. 199.
(3) Ibid. I. 65.
(4) Ibid. II. 102.
(5) Ibid. II. 151.
(6) Ibid. II, 121.

мужи бо ся доищутъ и болше сего“ (1). Между князьями и дружиною не существовало натянутости отношеній, не было рѣзкаго господства съ одной и строгой подчиненности съ другой стороны. Мы знаемъ, что Владиміръ Мономахъ не гнушался лично исправлять различнаго рода дѣла, лежавшія обыкновенно на низшихъ служителяхъ княжескихъ, какъ напр. дѣла касавшіяся обыденнаго домашняго порядка (2). Князья стояли въ дружественномъ, почти интимномъ отношеніи къ дружинѣ. Мы видимъ, что князья пируютъ съ своими дружинами (3), лучшіе дружинники сопровождаютъ князей въ путешествіяхъ, потѣшаются вмѣстѣ съ ними охотою, ѣздятъ съ ними на княжескіе съѣзды, участвуютъ въ совмѣстныхъ пиршествахъ и обѣдахъ князей (4). Въ 1196 году, на обрядѣ постригъ сына Великаго Князя Всеволода Великаго Владиміра и на празднествѣ слѣдовавшимъ за этимъ обрядомъ, присутствовали князья Рязанскіе съ мужами своими; по окончаніи торжества, какъ князья эти, такъ и мужи ихъ, были щедро надѣлены дарами. Лучшіе члены дружины отправляли обязанности сватовъ при бракосочетаніяхъ князей, отправлялись вмѣстѣ съ женами своими „вести“ невѣсту князю; существуютъ даже указанія, что князья отдавали за нихъ дочерей своихъ (5). Вообще, дружинники не были отдѣлены отъ личности князя, но напротивъ, находились съ нимъ въ тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ, и князю, если онъ умѣлъ только приноровиться къ характерамъ окружающихъ его, не трудно было пріобрѣсти привязанность и преданность дружины.

Одной изъ важнѣйшихъ и наиболѣе вліятельныхъ сторонъ въ отношеніяхъ князя къ дружинѣ является совѣщаніе перваго съ послѣднею. Эти совѣщанія, какъ непосредственный результатъ договорнаго начала въ отношеніяхъ князей и дружины, восходятъ до самаго начала русской государственной жизни. Такъ Игорь, во время Греческаго похода, совѣщается

---

(1) П. С. Р. Л. I. 85.

(2) Ibid. I. 104.

(3) Ibid. I. 54, 61, 71.

(4) Ibid. I. 78, 136, 212.

(5) Соловьевъ: И. Р. III. 8, 9.

съ дружиною относительно мирныхъ условій предлагаемыхъ Императоромъ, и принимаетъ совѣтъ ея согласиться на эти условія (1). Такъ Святославъ, будучи въ Греціи и находясь въ затруднительномъ положеніи, совѣщается съ дружиною своею, и рѣчь князя „люба бысть дружинѣ“ (2). Слѣдовательно рѣчь князя могла быть и „не люба“ дружинѣ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло могло принять исходъ совершенно противный. Мы уже видѣли, что Владиміръ Святой, часто совѣтовавшійся съ дружиною какъ о ратныхъ, такъ и о земскихъ дѣлахъ, пріобрѣлъ за то расположеніе и любовь ея и похвалу лѣтописца. Развитіе удѣльной системы не только не послужило къ прекращенію или уменьшенію обычая совѣщанія князей съ дружинами, но напротивъ того, послужило даже къ усиленію его. Пока княжеская власть была единодержавною, пока областямъ не представлялось возможности дѣлать выбора въ князьяхъ первоначально совершенно, а съ теченіемъ времени дѣлать этотъ выборъ только изъ нѣсколькихъ князей, при томъ близко еще связанныхъ узами родства, до тѣхъ поръ князья находили главную точку опоры въ самомъ народонаселеніи. Со смерти Ярослава Великаго государственный строй Русской земли дѣлаетъ окончательный поворотъ къ новому порядку,—является крайне запутанная и шаткая удѣльная система. Русская земля разбивается на множество отдѣльныхъ княженій или *столовъ*, изъ которыхъ нѣкоторые начинаютъ пользоваться передъ другими преимуществомъ, какъ *столы старѣйшіе*; изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ столъ Кіевскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ и договорное начало въ отношеніяхъ князей къ городамъ, которое при предшествовавшемъ единовластіи не могло особенно рельефно выражаться, выказывается теперь во всей силѣ. Удѣльный князь крѣпокъ на своемъ столѣ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ угоденъ населенію; прогонитъ его населеніе, —и лишенный княженія князь долженъ заботиться о добытіи себѣ новаго стола, причемъ ему нерѣдко приходится становиться во враждебныя отношенія къ другимъ князьямъ. Вообще *подъискиваніе* столовъ одними князьями подъ другими не составляло въ эту эпоху явленія исключительнаго; никакіе

(1) П. С. Р. Л. I. 19.

(2) Ibid. I. 30.

договоры, никакія крестныя цѣлованія не въ силахъ были противодѣйствовать ему. Эти *подъискиванія* продолжались во все теченіе удѣльнаго періода,—до полнаго объединенія русской земли подъ властью Московскихъ государей, не смотря на то, что во всѣхъ договорныхъ княжескихъ грамотахъ въ числѣ основныхъ условій ставятся слѣдующія: „А вотчины ти нашіе... подъ нами не искати и до живота, и твоимъ дѣтямъ и твоимъ братаничемъ", „а вотчины ти нашое... подъ нами не обидѣти, ни вступатися ни которою хитростью", и т. п (1). Послѣ татарскаго погрома эти подъискиванія получаютъ ещё большую возможность примѣненія, такъ какъ въ основаніе ихъ нерѣдко полагается также милость и расположеніе къ извѣстному князю хана Ордынскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ и самый характеръ подъискиванія терпитъ видоизмѣненіе,—вмѣсто господствовавшей въ до-татарскій періодъ грубой силы, онѣ принимаютъ болѣе хитрый, болѣе утонченный характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не исчезаетъ и возможность подъискиванія посредствомъ открытой силы, чему представляетъ наглядный примѣръ борьба В. К. Василія Темнаго съ Галичскими князьями. Что же оставалось дѣлать князю, если онъ желалъ обладать столомъ и, въ случаѣ утраты его, добыть себѣ новый? Отвѣтъ не труденъ,— онъ долженъ былъ стараться заручить на свою сторону болѣе фактической силы, какъ физической, такъ и нравственной,—слѣдовательно позаботиться о возможно лучшемъ составѣ дружины своей. Явленіе это ничуть не противорѣчитъ договорному началу въ отношеніяхъ князей къ волостямъ. Совершенно основательно замѣчаетъ профессоръ Сергѣевичъ, что волость безъ князя была, какъ безъ рукъ, а потому отказывала въ пріемѣ первому претенденту только въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ (2), слѣдовательно въ подобныхъ случаяхъ весь успѣхъ князей зависѣлъ лишь отъ большей или меньшей силы, отъ болѣе или менѣе удачнаго устраненія другихъ претендентовъ. Сама волость оставалась большею частью равнодушною къ борьбѣ и, урядившись съ успѣвшимъ, признавала его княземъ своимъ до тѣхъ поръ,

(1) Собр Гос. Грам. и Дог., см. договорныя грамоты.

(2) П. С. Р. Л I. 147, 134—здѣсь весьма наглядные примѣры.

пока оставалась имъ довольна или,—если была къ нему равнодушна,—до тѣхъ поръ, пока не изгонялъ его другой претендентъ. Достигъ послѣдній успѣха—и онъ, если не былъ противенъ населенію, дѣлалъ съ нимъ въ свою очередь рядъ и садился на княженіе. Что сказанное нами справедливо,—въ доказательство приведемъ событія 1154 года въ Кіевской землѣ. Кіевляне, не имѣя князя, зовутъ къ себѣ на княженіе Изяслава Давыдовича:“ поиде къ Кыеву, атъ не возмутъ насъ Половцы“,—и Изяславъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ. Вслѣдъ затѣмъ явился другой претендентъ на Кіевскій столъ, въ лицѣ князя Юрія Владиміровича Суздальскаго. противъ исканій котораго Изяславъ выставляетъ слѣдующій доводъ: „ци самъ есмь сѣлъ Кыевѣ? посадили мя Кыяне“. Но видя что Юрій Владиміровичъ не оставляетъ своей претензіи, Изяславъ уступаетъ ему Кіевскій столъ, говоря: „не створи ми пакости, а се твой Кыевъ“,—и Кіевляне безъ всякаго сопротивленія принимаютъ на столъ князя Юрія (1). Другой характеръ принимало дѣло, если князь умѣлъ пріобрѣсти любовь и привязанность населенія; въ этомъ случаѣ въ борьбу вступалась сама волость, нерѣдко поголовно ополчаясь на защиту своего князя и своихъ правъ. Но вообще говоря народонаселеніе, по вѣрному замѣчанію профессора Соловьева, весьма неохотно принимало участіе въ княжескихъ усобицахъ (2); въ этихъ усобицахъ весьма часто являются дѣйствующими лицами однѣ лишь дружины княжескія. Отсюда вытекала необходимость болѣе тѣснаго общенія между княземъ и дружиною; вслѣдствіе этого князья ищутъ главной точки опоры уже не въ народонаселеніи, какъ было при первыхъ князьяхъ единовластителяхъ, но въ дружинѣ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что для князя теряетъ всякое значеніе воля населенія; мы предъ этимъ имѣли случай замѣтить, что она имѣетъ для него большое значеніе,—но только до тѣхъ поръ, пока князь сидѣлъ на извѣстномъ столѣ и былъ угоденъ народу. Безъ послѣднихъ условій князь, не имѣя вѣрной дружины, былъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ лишенъ возможности самостоятельнымъ образомъ добыть себѣ столъ и подвергался опасности сдѣлаться *изгоемъ*

---

(1) П. С. Р. Л. I. 148—149.

(2) Солов. И. Р. III. 5.

Такимъ образомъ въ теченіи удѣльнаго періода вырабатывается два элемента,—народонаселеніе волостей съ одной стороны и князья съ дружинами съ другой стороны, при чемъ князь и дружина тѣсно соединены между собою общностью интересовъ и другими матеріяльно—нравственными узами. Дружинники, ввѣряя судьбу свою князю, соединяя свои интересы съ интересами его, не могли отчуждаться отъ политики князя,—что вполнѣ естественно при шаткости отношеній, господствовавшей въ удѣльномъ періодѣ. Это было для нихъ дѣло личнаго интереса Вслѣдствіе этаго-то въ 1154 году люди Великаго Князя Ростислава, въ это время только что сѣвшаго въ Кіевѣ и не успѣвшаго еще урядиться съ гражданами, не допускаютъ его предпринимать военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока онъ не утвердится съ Кіевлянами: „поѣде лѣпле въ Кіевъ, же съ людьми утвердится“,—говорятъ они ему (1). Они въ правѣ были требовать, и дѣйствительно требовали, чтобы князья безъ ихъ вѣдома не предпринимали никакаго значительнаго предпріятія; князь, будучи человѣкомъ, легко могъ впасть въ ошибку,—а ошибка влекла нерѣдко ущербъ какъ для самого князя, такъ и для дружины его. Вслѣдствіе этаго очевидно, что въ разсматриваемомъ періодѣ совѣщанія князей съ дружиною не только не прекращались, но напротивъ, должны были имѣть мѣсто еще чаще прежняго. И дѣйствительно, дружинники, требуя отъ князя совѣщаній съ ними при всѣхъ наиболѣе выдающихся изъ ряда событіяхъ, начинаютъ смотрѣть на совѣщанія съ ними, какъ на свое неотъемлемое право, нарушеніе котораго со стороны князя является несправедливостью; они добровольно исполняютъ лишь тѣ требованія князя, которыя не противны ихъ личной волѣ, принимаютъ участіе лишь въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя имъ *вѣдомы*, которыя замыслены княземъ съ ихъ согласія и совѣта. Потому-то въ 1169 году лучшіе представители дружины Великаго Князя Владиміра Мстиславича отказываются участвовать въ распрѣ его съ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ; вотъ какъ передаетъ лѣтописецъ отказъ этотъ: „И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“. Вслѣдствіе этаго отказа разстраивается

(1) П. С. Р. Л. II. 76.

предпріятіе князя, такъ какъ Берендичи также отказываются помогать ему, въ виду того что Владиміръ ѣдетъ „одинъ и безъ мужей своихъ“ (1). Вообще дружинники зорко слѣдили за неприкосновенностью правъ своихъ; стремленіе князя къ ограниченію ихъ влекло за собою неудовольствіе со стороны первыхъ, а нерѣдко и полный разрывъ между княземъ и дружиною. Примѣръ видимъ на князѣ Андреѣ Боголюбскомъ. Этотъ человѣкъ представляется намъ княземъ гордымъ, честолюбивымъ, замыслявшимъ еще во второй половинѣ XII вѣка основать на сѣверо-востокѣ могущественное государство, достичь единовластія и соединить подъ рукою своею всѣ остальныя княженія. Съ этою цѣлью изгоняетъ онъ съ сѣвера братьевъ своихъ (2) и лелѣетъ мысль учредить самостоятельную Владимірскую митрополію (3). Понятно, что питая столь обширные замыслы, князь Андрей не могъ сочувствовать господствовавшимъ въ его время отношеніямъ дружины къ князю; онъ долженъ былъ видѣть препятствіе въ самостоятельности и свободѣ дружинниковъ. Андрею недоставало осторожнаго терпѣнія и политической мудрости послѣдующихъ Московскихъ князей. Его пылкій и энергическій характеръ стремился разомъ, въ нѣсколько ударовъ, сокрушить старый порядокъ и на обломкахъ его построить новое единодержавное государство; онъ сталъ неосторожно примѣнять слишкомъ энергическія мѣры къ обузданію свободы лучшихъ и сильнѣйшихъ дружинниковъ своихъ и, встрѣтивъ съ ихъ стороны упорную реакцію, палъ жертвою дворцовой революціи. „День того казнилъ, а насъ заутра“, говорили заговорщики, „а промыслимъ о князѣ семъ“! (4),—вотъ лучшее объясненіе причины разыгравшейся кровавой драмы.

Что касается совѣщаній князя съ дружиною,—то само современное общество считало ихъ необходимыми для мудраго управленія областью; этимъ объясняется почему лѣтописцы вмѣняютъ князьямъ въ добродѣтель частыя совѣщанія подобнаго

---

(1) П. С. Р. Л. II. 97.

(2) Солов. И. Р. III. 3.

(3) Карамзинъ: И. Г. Р. III. 34.

(4) П. С. Р. Л. II. 113.

рода. Мы видимъ, что въ 1188 году Галичскіе мужи возстали противъ князя своего Владиміра и заставили его оставить княженіе; какіе-же недостатки приписываетъ этому князю лѣтописецъ? А вотъ какіе: „бѣ бо любезнивъ питію многому, и думы не любяшеть съ мужми своими“ (1) Но не въ интересахъ однихъ только дружинниковъ были совѣщанія съ ними князей; не менѣе значенія имѣли они и для самихъ князей. Эти совѣщанія давали князьямъ возможность пользоваться совѣтами и житейскою мудростью людей опытныхъ, они предотвращали ихъ отъ многихъ заблужденій и ошибокъ, давали имъ возможность мудраго управленія землей; послѣднее объясняется какъ тѣмъ, что въ числѣ дружинниковъ княжескихъ были люди земскіе, вступившіе въ службу князя, такъ и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣляли это право на ряду съ дружинниками и лучшіе члены земщины. Хорошіе князья любили разумныхъ совѣтниковъ, выдвигали ихъ впередъ, жаловали ихъ; „гдѣ боярѣ *думающіе*, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный“? восклицаетъ Игорь Святославичъ, послѣ пораженія его Половцами, видя лежащихъ на полѣ перебитыхъ дружинниковъ (2). Съ другой стороны, совѣщанія князей съ дружинниками дѣлали солидарными интересы обѣихъ сторонъ. Князь не могъ въ случаѣ удачи приписывать лично себѣ иниціативу предпріятія, а слѣдовательно и пользоваться одному всѣми плодами и славою его; равнымъ образомъ въ случаѣ неудачи, онъ не отвѣчалъ передъ ними за неуспѣхъ предпріятія, какъ иниціатива, такъ и послѣдствія котораго были общія. При пораженіи въ 1177 году княземъ Всеволодомъ Рязанскаго князя Глѣба, послѣдній захваченъ былъ въ плѣнъ, а вмѣстѣ съ нимъ „и думцы его извязаша всѣ, и Бориса Жидиславича, и Олстина, и Дѣдилца, и инѣхъ множество“ (3). Этою же общностью воли князя и дружины объясняется и то явленіе, что всякія насильственныя мѣры предпринимаемыя противъ князя, распространялись всегда и противъ дружины его.

---

(1) П. С. Р. Л. II. 136.

(2) Ibid. II. 131.

(3) Ibid. I. 162.

Совокупность лицъ, созванныхъ княземъ для совѣщанія объ извѣстномъ предметѣ, составляла *думу княжескую*; слово *дума* обозначаетъ равнымъ образомъ и самый процессъ совѣщанія. Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ мы безчисленное множество указаній на случаи созыванія думы княжеской. Всматриваясь внимательнѣе въ эти случаи, мы замѣчаемъ, что они не всѣ носятъ одинаковый характеръ, что ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи, хотя и не совсѣмъ легко разграничить ихъ рѣзкими, опредѣленными чертами.

На первомъ мѣстѣ поставимъ мы *думу князя съ народомъ*, выражающуюся въ формѣ вѣча. Этотъ родъ совѣщаній имѣлъ мѣсто при обсужденіи различнаго рода важнѣйшихъ событій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ самому населенію, или при обсужденіи предпріятій, исполненіе которыхъ требовало содѣйствія силъ народныхъ. Понятно, что такаго рода совѣщанія или вѣча созывались по иниціативѣ самаго князя, который наравнѣ съ народомъ призывалъ къ участію въ совѣщаніяхъ и свою дружину. Таково вѣче созванное Ярославомъ для сообщенія Новгородцамъ угрожающей ему отъ Святополка опасности и для обсужденія мѣръ къ отклоненію ея (1); оно окончилось, какъ извѣстно, единодушнымъ рѣшеніемъ населенія постоять за князя своего. Равнымъ образомъ въ 1147 году Великій Князь Изяславъ отдаетъ приказаніе созвать на вѣче Кіевлянъ для сообщенія имъ *лести* князей Черниговскихъ (2); въ томъ же году Изяславъ, замышляя въ союзѣ съ другими князьями походъ на дядю своего Юрія Суздальскаго, сзываетъ бояръ своихъ, дружину и Кіевлянъ для сообщенія имъ своего намѣренія, такъ какъ для приведенія его въ исполненіе требовалось участіе земскаго ополченія. Результатъ этаго совѣщанія былъ неблагопріятенъ для Изяслава; Кіевляне совѣтовали ему примириться съ Юріемъ и не связываться съ предлагавшими ему содѣйствіе Олеговичами, но, видя настойчивость князя, категорически отказали ему въ содѣйствіи, вслѣдствіе чего Изяславу пришлось ограничиться одними охотниками. Со времени покоренія русской земли Татарами, этотъ видъ думы княжеской постепенно исчезаетъ.

---

(1) П. С. Р. Л. I. 61.

(2) Ibid. II. 32.

Ко второй категоріи отнесемъ мы *думу княжескую въ собственномъ смыслѣ этаго слова*, собиравшуюся въ княжескомъ дворцѣ для обсужденія всѣхъ вообще текущихъ дѣлъ управленія, законодательства и дѣлъ междукняжеской политики,— тѣхъ дѣлъ, причастными которымъ не представлялось надобности дѣлать все народонаселеніе. Дума княжеская собиралась не только въ мирное время, но и во время походовъ,—для обсужденія образа веденія войны, плана военныхъ дѣйствій, условій мира и т. п., принимая въ данномъ случаѣ характеръ военнаго совѣта. Что касается княжеской думы собиравшейся въ мирное время,—то можно съ большою вѣроятностію предполагать, что княжеская дума имѣла характеръ постояннаго учрежденія, явленія болѣе или менѣе обыденнаго, въ чемъ и лежитъ одно изъ отличій ея отъ разсмотрѣннаго передъ этимъ совѣщанія въ формѣ вѣча, представляющагося явленіемъ исключительнымъ, чрезвычайнымъ. Владиміръ Мономахъ, говоря въ своемъ „Поученіи дѣтямъ“ о дневныхъ занятіяхъ князя, совѣтуетъ вставать отъ сна до восхожденія солнца и, воздавъ хвалу Богу и восходящему свѣтилу, „*сѣдше думати* съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣздити . . . или поѣздити, или лечи спать: спанье есть отъ Бога присуждено полудне“ (1). Здѣсь о думѣ съ дружиною Мономахъ говоритъ какъ о явленіи постоянномъ, обыденномъ, стоящемъ въ порядкѣ теченія княжескихъ занятій. Думу съ дружиною ставитъ онъ на первомъ планѣ; лишь за отсутствіемъ предметовъ совѣщаній рекомендуетъ онъ другого рода занятія и развлеченія, и наконецъ за полнымъ отсутствіемъ дѣлъ — полуденный отдыхъ. Наконецъ „Поученіе“ указываетъ и на время собранія думы княжеской— *утро*; съ этимъ вполнѣ согласно одно мѣсто, находящееся въ Житіи св. Ѳеодосія, въ которомъ говорится что Ѳеодосій однажды на утренней зарѣ встрѣтилъ бояръ, ѣдущихъ къ князю на думу (2). Относительно самаго *порядка совѣщанія* въ думѣ княжеской слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи личное убѣжденіе и свобода мысли членовъ ея ничѣмъ не стѣснялись; каждый открыто могъ предъявить свое мнѣніе отно-

(1) П. С. Р. Л. I. 103.

(2) Бестужевъ—Рюминъ. Рус. Ист. I. 204.

сительно разсматриваемаго вопроса, не опасаясь навлечь на себя гнѣвъ княжескій. Совѣтники могли даже предъявлять мнѣнія, прямо противоположныя мнѣнію князя, могли оспаривать его. Такого рода оспариваніе княжескаго мнѣнія носило техническое названіе *встрѣчи*; къ этимъ встрѣчамъ не всѣ князья относились равнодушно, по крайней мѣрѣ въ концѣ разсматриваемаго періода. До Московскаго періода встрѣча князю была явленіемъ весьма обыкновеннымъ и нерѣдко даже влекла за собой оставленіе княземъ того намѣренія, относительно котораго возникало препирательство. Такъ, въ 1093 году, князь Святополкъ вынужденъ былъ отказаться отъ намѣреваемаго похода на Половцевъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые „смысленіи совѣтники“ высказались противъ этаго похода (1). Случай *встрѣчи* противъ князя, хотя и не увѣнчавшійся успѣхомъ, представляется въ 1103 году на совмѣстной думѣ князей относительно похода на Половцевъ; впрочемъ неудача произошла здѣсь не вслѣдствіе преклоненія передъ авторитетомъ князя, а вслѣдствіе того что „не могоша отвѣщати дружина“ (2). Въ эпоху завершенія дѣла Московской централизаціи, въ особенности подъ вліяніемъ государственныхъ идей перенесенныхъ въ княженіе Ивана III изъ Византіи, начинаютъ встрѣчаться ограниченія свободы мысли въ княжеской думѣ. При рѣшеніи въ княжеской думѣ извѣстнаго вопроса не требовалось непремѣнно рѣшенія единогласнаго; въ большинствѣ случаевъ голоса раздѣлялись за и противъ, при чемъ князь, выслушавъ доводы обѣихъ сторонъ, склонялся къ тому или другому мнѣнію, если думавшіе въ концѣ концевъ не приходили *къ одиначеству*. Возраженіе одной стороны на доводы другой носило названіе *отвѣта*; цѣль преній для каждой стороны клонилась къ тому, чтобы поставить другую сторону въ невозможность *отвѣчать*, слѣдовательно признать справедливость доводовъ противниковъ.

Болѣе усложненный видъ княжеской думы представляется въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько князей съѣзжаются вмѣстѣ для обсужденія вопросовъ имѣющихъ общій для нихъ интересъ. Въ подобныхъ случаяхъ вмѣстѣ съ князьями

---

(1) П. С. Р. Л. I. 93.

(2) Ibid. I. 118.

пріѣзжаютъ на думу и дружинники ихъ, такъ что въ сущности является совокупность нѣсколькихъ князей и думъ ихъ, собравшихся для обсужденія извѣстнаго вопроса. Такъ въ 1103 году князья Святополкъ и Владиміръ „снястася думати на Долобьскѣ“, для обсужденія вопроса о походѣ на Половцевъ. Вотъ какъ представляетъ намъ лѣтопись внѣшнюю форму этой думы: „сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею во единомъ шатрѣ. И начаша думати и глаголати дружина Святополка“... Сущность мнѣнія дружины Святополка заключалась въ доказательствѣ неудобности и безвременья весенняго похода. Противъ этаго мнѣнія возражаетъ Владиміръ, доказывая, что для весеннихъ сельскихъ работъ выгоднѣе предпринятіе похода и сопряженный съ нимъ сельско хозяйственный ущербъ, нежели окончательное разореніе населенія отъ набѣговъ Половецкихъ. Противъ послѣднихъ доводовъ *„не могоша ошвѣщати“* дружина Святополка; видя согласіе дружины, „вста Святополкъ и и словами „се азъ готовъ уже“ изъявилъ свое личное согласіе (1). Равнымъ образомъ въ 1096 году князья Святополкъ и Владиміръ приглашаютъ князя Черниговскаго Олега на совѣтъ въ Кіевъ, положить порядъ о русской землѣ, какъ оборонить ее отъ Половцевъ, положить порядъ „предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людьми градскими“;—извѣстно, что Олегъ, по наущенію совѣтниковъ своихъ, отказался отъ участія въ этомъ совѣтѣ (2). Примѣръ совмѣстной думы князей и дружинъ ихъ видимъ мы равнымъ образомъ во время событій 1216 года въ Ростовско-Суздальской области, именно во время войны князей Юрія Владимірскаго и Ярослава Переяславскаго съ Ростовскимъ княземъ Константиномъ (3). Въ 1170 году, на думѣ Мстислава Изяславича съ братьею относительно мѣръ къ оборонѣ русскихъ торговыхъ путей отъ Половцевъ участвовали дружинники ихъ; это видно изъ того, что предложеніе Мстислава Изяславича предпринять военныя дѣйствія угодно было „всеѣ братьѣ и мужемъ ихъ“ (4).

---

(1) П. С. Р. Л. I. 118.
(2) Ibid. I. 98.
(3) Ibid. I. 212—213.
(4) Ibid. II. 97.

Что касается *личнаго состава княжеской думы*, то несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что преобладающимъ элементомъ являются въ ней лучшіе представители княжеской дружины. Но такъ какъ въ интересѣ князей было привлечь къ участію въ думѣ возможно болѣе лицъ опытныхъ и разумныхъ, и такъ какъ право призывать въ свою думу совѣтниковъ всецѣло принадлежало самому князю, то вслѣдствіе этаго въ составъ княжеской думы нерѣдко входили, какъ лучшіе земскіе люди, такъ и представители высшаго духовенства. Послѣдніе преимущественно призывались къ обсужденію предметовъ, касавшихся церковныхъ дѣлъ и обрядовъ; такъ, напримѣръ, въ 1159 году князь Святославъ Черниговскій совѣтуется съ мужами своими и съ епископомъ относительно похоронъ Кіевскаго Митрополита Константина (1). Во время походовъ, къ участію въ княжеской думѣ, носящей въ подобныхъ случаяхъ характеръ военныхъ совѣтовъ, допускаются наравнѣ съ дружиною и земскіе вои, а иногда даже вспомогательные инородческіе воины, напр. Половцы, Берендичи и Черные Клобуки (2). Впрочемъ послѣдніе допускались лишь къ обсужденію вопросовъ, касающихся плана военныхъ дѣйствій или преодолѣнія встрѣчающагося препятствія; мы не находимъ свидѣтельствъ, указывающихъ на участіе ихъ въ совѣщаніяхъ касающихся дѣлъ междукняжеской политики.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ профессора Сергѣевича, что число совѣтниковъ княжескихъ, въ силу естественнаго преобладанія фактической силы, не могло значительно розниться отъ числа лучшихъ мужей и бояръ, служащихъ князю, такъ какъ лучшіе мужи и бояре составляли основной фондъ княжеской думы (3); но понятно, что подобное предположеніе будетъ вѣрно лишь относительно совѣтниковъ, призываемыхъ изъ среды дружины. Самая компетентность и предполагаемая мудрость рѣшеній княжеской думы требовали чтобы количество совѣтниковъ княжескихъ не было слишкомъ мало; вслѣдствіе этаго нерѣдко слышатся жалобы на князей, ограничивающихъ количество совѣтниковъ своихъ.

---

(1) П. С. Р. Л. I. 149.

(2) Ibid. I. 145, 153. II. 35.

(3) Сергѣев. В. и К. 360—361.

Такъ лѣтописецъ осуждаетъ Великаго Князя Всеволода Ярославича за то, что онъ подъ старость началъ совѣтоваться съ молодыми дружинниками въ ущербъ старшимъ дружинникамъ, вслѣдствіе чего первые начали, пользуясь слабостью князя, интриговать противъ послѣднихъ (1). Въ 1180 году князь Святославъ Всеволодовичъ рѣшается сдѣлать нечаянное нападеніе на Давида Ростиславича, „сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ милостьникомъ своимъ и не повѣда сего *мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея*“ (2). Посмотримъ теперь, чѣмъ руководились князья, призывая тѣхъ или другихъ лицъ къ участію въ думѣ своей. Въ числѣ княжескихъ совѣтниковъ встрѣчаемъ мы преимущественно старшихъ дружинниковъ,—мужей и бояръ,—и это вполнѣ естественно, такъ какъ они составляли силу, игнорировать которою представлялось князю крайне рискованнымъ дѣломъ (3). Припомнимъ отказъ бояръ Великаго Князя Владиміра Мстиславича участвовать въ распрѣ его съ Мстиславомъ Изяславичемъ единственно потому только, что князь „о собѣ замыслилъ“ ее, не повѣдавъ имъ думы своей. Впрочемъ нѣтъ достаточнаго основанія предполагать чтобы князья призывали къ совѣту своему единственно только лучшихъ мужей своихъ; существуютъ свидѣтельства, хотя и рѣдкія, указывающія на совѣщанія князей даже съ одною меньшею дружиною, помимо большей (4). Далѣе, важнымъ руководящимъ началомъ для призыва княземъ къ участію въ думѣ совѣтниковъ служило *старшинство физическое*, въ смыслѣ *возраста*. Съ старѣйшимъ возрастомъ древне-русское воззрѣніе соединяло и предположеніе о большей опытности, о большей мудрости лица, вслѣдствіе чего людямъ пожилымъ, убѣленнымъ сѣдинами, считалось весьма приличнымъ засѣдать въ думѣ княжеской. Владиміръ Мономахъ, въ „Поученіи“ своемъ, учитъ дѣтей своихъ чтить „старыя яко отца“; подобнымъ же образомъ и князь Константинъ Всеволодовичъ Ростовскій, разсылая сыновей своихъ по столамъ, говоритъ имъ: „имѣйта послушаніе къ старѣй-

(1) П. С. Р. Л. II. 136.
(2) Ibid. II. 122.
(3) Сергѣевичъ. В. и К. 360.
(4) Ibid.

шимъ ваю, иже васъ на добро учать“ (1). Мы видимъ, что еще Владиміръ Святославичъ сзываетъ къ себѣ на совѣтъ вмѣстѣ съ боярами своими и старцевъ градскихъ, съ которыми, будучи язычникомъ, совѣтуется относительно жертвоприношеній богамъ и затѣмъ, желая принять Св. Крещеніе,—относительно намѣренія своего креститься (2). Участіе въ думѣ княжеской старѣйшихъ по лѣтамъ дружинниковъ считалось въ древней русской жизни столь естественнымъ и обычнымъ, что лѣтописецъ не упускаетъ случая, при видѣ нарушенія извѣстнымъ княземъ этаго обыкновенія, съ энергіей возставать противъ нарушителя и даже воскликнуть подъ 1015 годомъ: „Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любя вино пити съ гусльми и младыми совѣтники“ (3). Затѣмъ, подъ 1093 годомъ, лѣтописецъ осуждаетъ великаго князя Всеволода Ярославича, который „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними“ (4). Между старѣйшими по лѣтамъ дружинниками въ особенности выдѣляются дружинники служившіе предшественникамъ князей, состоявшимъ въ родовомъ старшинствѣ по отношенію къ князьямъ сидящимъ въ данное время на княженіи. Эти дружинники, встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ подъ названіемъ „дружины отней“, „дружины стрыя“,—пользовались особеннымъ почтеніемъ и вліяніемъ въ ряду остальной дружины князя. Игнорированіе этою дружиною, пренебреженіе къ ея совѣтамъ, всегда ставилось князю въ укоръ. Такимъ образомъ подвергся осужденію лѣтописца Великій Князь Святополкъ за то, что задержалъ пословъ Половецкихъ „не сдумавъ съ большею дружиною отнею и стрыя своего, но совѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ (изъ Турова на Кіевскій столъ)“ (5). Въ 1096 году князья Святославъ и Владиміръ зовутъ Олега положить порядъ о русской землѣ предъ „мужи отець наши“ (6). Въ числѣ княжескихъ совѣтниковъ выдѣляются нѣкоторыя личности, въ особенности пользующіяся расположеніемъ князя и вліяніемъ на него. Эти личности

(1) П. С. Р. Л. I. 102. 187.
(2) Ibid. I. 35, 45, 46.
(3) Ibid. I. 60.
(4) Ibid. I. 93.
(5) Ibid. I. 93.
(6) Ibid. I. 98.

постоянно окружаютъ князя, становятся его „*милостьниками*„ и преимущественно передъ другими получаютъ названіе— *думцевъ князя*. Такимъ лицемъ является напримѣръ Свѣнельдъ при князѣ Ярополкѣ Владиміровичѣ, милостьникъ Кочкарь при князѣ Святославѣ Всеволодовичѣ; при князѣ Рязанскомъ Глѣбѣ Святославичѣ думцы его: Борисъ Жидиславичъ, Ольстинъ, Дѣдилецъ и другіе; при князѣ Мстиславѣ Ростиславичѣ Ростовскомъ: Добрыня Долгій, Матѣяшъ Бутовичъ и другіе (1). Виновниками ослѣпленія Василька были думцы Давида Игоревича: Турякъ, Лазарь и Василь, и т. п.

Между княжескими совѣтниками не всѣ были безъ сомнѣнія равны по нравственнымъ и интеллектуальнымъ качествамъ. Сообразно этому и лѣтопись, кромѣ вышеуказаннаго различія молодыхъ и старыхъ, отцовскихъ и новыхъ дружинниковъ, говоритъ о совѣтникахъ *смышленныхъ*, *несмышленныхъ*, *безумныхъ*, *добрыхъ*, *злыхъ* и *корыстолюбивыхъ*. Такъ въ 1093 году „несмысленіи“ совѣтовали князю Святополку сбирать воевъ для войны съ Половцами, „смысленіи“ же отговаривали его, совѣтуя лучше обратиться за помощью къ брату Владиміру; князь принялъ совѣтъ послѣднихъ (2). Въ 1085 году Ярополкъ Изяславичъ предпринялъ враждебныя дѣйствія противъ Великаго Князя Всеволода „послушавъ злыхъ совѣтниковъ“; по внушенію же „злыхъ совѣтниковъ“, Олегъ отказывается въ 1096 году пріѣхать въ Кіевъ на совѣтъ съ князьями Святополкомъ и Владиміромъ. Въ 1289 году князь Юрій Львовичъ въѣзжаетъ въ Берестовъ и начинаетъ княжить въ немъ по совѣту „безумныхъ своихъ бояръ молодыхъ“ (3). Разсматривая приведенныя и другія свидѣтельства лѣтописей, мы не можемъ не замѣтить, что вліяніе дружинниковъ на князя, а слѣдовательно и на событія разсматриваемой эпохи, было весьма значительно Вліяніе дружинниковъ на событія удѣльнаго періода проглядываетъ въ большемъ количествѣ явленій этой эпохи, проглядываетъ въ отношеніяхъ между княземъ и дружиною, проглядываетъ наконецъ въ самомъ способѣ

(1) П. С. Р. Л. I. 32, II. 136, I. 161, 162.
(2) Ibid. I. 93, см. также I. 94.
(3) Ibid. I. 88, 98. II. 223.

выраженія лѣтописцевъ. Мы не сдѣлаемъ натяжки, допустивъ, что большая часть княжескихъ распрей и усобицъ была слѣдствіемъ интригъ и вліянія дружинниковъ, что они были двигателями большей части кровавыхъ произшествій удѣльнаго періода. Вспомнимъ что первая распря между первыми удѣльными князьями Олегомъ и Ярополкомъ Святославичами, была слѣдствіемъ интригъ дружинника Ярополкова Свѣнельда, желавшаго отомстить Олегу за смерть сына; лѣтописецъ свидѣтельствуетъ что „молвяше всегда Ярополку Свѣнельдъ: поиде на братъ свой и прими волость его". Потому то Ярополкъ, со слезами указывая на убитаго во время распри брата, сказалъ ему: „вижь сего ты, еже еси хотѣлъ" (1). Вліяніе дружинниковъ на междукняжескія отношенія весьма часто проявляется и въ послѣдующее время Такъ по смерти Владиміра Святаго, дружинники уговариваютъ Бориса, воспользовавшись находящеюся въ его рукахъ военною силою, занять Кіевскій столъ подъ вокняжившимся тамъ Святополкомъ; Борисъ отказывается поднять руку на старшаго брата и тѣмъ избѣгаетъ предстоявшей распри. Извѣстно что нарушеніе мира послѣ Любечскаго съѣзда 1097 года, ослѣпленіе Василько и слѣдовавшая за нимъ кровавая распря между русскими князьями была слѣдствіемъ интригъ дружинниковъ князя Давида Игоревича. По наущенію дружинниковъ же отнимаетъ въ 1149 году Великій князь Изяславъ Мстиславичъ волость у Ростислава Юрьевича и перехватываетъ имѣніе и дружину его; слѣдствіемъ этаго поступка была распря Изяслава съ отцемъ обиженнаго, Суздальскимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ, въ которой приняли участіе многіе русскіе князья и которая закончилась изгнаніемъ Изяслава съ Кіевскаго княженія (2). Въ 1150 году бояре отговариваютъ князя Юрія Владиміровича отъ намѣренія предоставить брату Вячеславу Кіевскій столъ, вслѣдствіе чего Юрій даетъ ему Вышгородъ, выведя изъ послѣдняго сына своего Андрея. Наконецъ въ 1227 году бояре, хотя и неуспѣшно, подговариваютъ князя Даніила Романовича занять городъ Луцкъ подъ княземъ Ярославомъ. Лѣтописецъ называетъ бояръ Ростовскихъ князей

(1) П. С. Р. Л. I. 32.

(2) Ibid. I. 57, 109, 113, 139.

Мстислава и Ярополка Ростиславичей *злыми человѣками*, *„иже не хотятъ межи братьею добра“* (1). По совѣту бояръ, Городецкій князь Андрей Александровичъ въ 1281 году интригуетъ противъ старшаго брата своего Димитрія, желая подъискать подъ нимъ Великое Княженіе (2). Нѣкоторые князья до такой степени подчиняются вліянію думцевъ своихъ, что иногда слѣпо исполняютъ волю ихъ. Такъ, напримѣръ, сейчасъ только упомянутые нами князья Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ корыстолюбивыхъ бояръ своихъ, а бояре „учахуть я на многое имѣнье“. Результатомъ вліянія бояръ было отобраніе князьями у церкви Св. Богородицы Владимірской ключей отъ ея сокровищницъ, изъ которыхъ было взято принадлежавшее ей золото и серебро; вмѣстѣ съ тѣмъ отобраны были церковныя дани и города, пожалованные князем Андреемъ Боголюбскимъ. Между тѣмъ какъ бояре черезъ посредство князя распоряжались подобнымъ образомъ во Владимірѣ, разосланные князьями по волости посадники изъ дѣтскихъ, пользуясь слабостью князей, грабили и угнетали населеніе. Неурядицы окончились изгнаніемъ изъ Ростовской земли князей Мстислава и Ярополка (3).

Оканчивая обозрѣніе княжеской думы въ собственномъ смыслѣ слова, замѣтимъ, что княжеская дума имѣла особенное значеніе при князьяхъ малолѣтнихъ.

Часто случалось, что князья получали столы въ весьма раннихъ лѣтахъ, лѣтъ десяти и даже моложе; понятно, что такой малолѣтній князь могъ управлять волостью только номинально, тогда какъ вся правительственная власть въ сущности сосредоточивалась въ рукахъ окружавшихъ его дружинниковъ—думцевъ.

Насъ не должно смущать то обстоятельство, что лѣтописи, говоря о событіяхъ имѣвшихъ мѣсто въ княженіе подобнаго малолѣтняго князя, говорятъ о немъ, какъ бы о князѣ вполнѣ самостоятельно управляющемъ; точно такимъ же образомъ говорятъ онѣ и о первыхъ годахъ княженія Великаго Князя Ивана IV Васильевича, лишившагося

(1) П. С. Р. Л. I. 141, II. 167, I. 160.

(2) Карамзинъ. И. Г. Р. IV. 131.

(3) П. С. Р. Л. I. 159.

отца въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, тогда какъ несомнѣнно извѣстно, что именемъ его всецѣло управляла боярская дума и правительница—мать. Извѣстно, что великій князь Всеволодъ далъ Новгородцамъ въ князья сына своего Святослава-Гавріила, бывшаго въ то время еще младенцемъ; другаго сына своего, десятилѣтняго Ярослава-Ѳеодора, послалъ онъ на княженіе въ Переяславль Южный. Нельзя не согласиться съ предположеніемъ Карамзина, который полагаетъ что Великіе Князья, давая столы столь малолѣтнимъ князьямъ, окружали ихъ опытными боярами, руководившими ими въ управленіи (1). Подобно этому, въ малолѣтство князя Галицкаго Даніила Романовича, послѣдній управлялъ лишь по имени, тогда какъ вся сила правленія сосредоточивалась въ рукахъ бояръ; могущество бояръ этихъ было такъ велико, что они, вопреки волѣ князя, заставили выѣхать въ Бельзъ вдовствовавшую мать его (2). Въ 1218 году князь Константинъ Всеволодовичъ Ростовскій, отправляя сыновей своихъ на княженія, учитъ ихъ слушаться добрыхъ совѣтовъ старѣйшихъ „понеже еще еста въ младоденьствѣ“,— говоритъ онъ имъ (3). При малолѣтнихъ князьяхъ встрѣчаемъ мы *пѣстуновъ* или *кормильцевъ*, имѣвшихъ попеченіе и непосредственный надзоръ за ними (4). Лица эти имѣли значительную долю власти надъ своими питомцами; такъ въ 1151 году кормилецъ князя Владиміра Андреевича не пускаетъ послѣдняго въ битву, „зане младъ бѣ въ то время“ (5). Пѣстуны или кормильцы избирались, по всей вѣроятности, изъ лучшихъ и знатнѣйшихъ дружинниковъ; въ одномъ мѣстѣ Волынской лѣтописи говорится о двухъ сыновьяхъ пѣстуновъ, какъ о лицахъ значительныхъ, вліятельныхъ (6). Эти пѣстуны или кормильцы назначались къ молодому князю отцемъ его; такъ Новгородскій князь Мстиславъ Ростиславичъ, умирая, приказалъ малолѣтняго сына своего Вла-

---

(1) Карамзинъ: И. Г. Р. III. 109.

(2) Ibid. III. 170.

(3) П. С. Р. Л. I. 187.

(4) Ibid. I. 23. 143, II. 100.

(5) Ibid. I. 143.

(6) Карамзинъ: И. Г. Р. III, примѣч. 119.

диміра нѣкоему Борису Захарьевичу (1). Имѣя въ виду важное значеніе кормильцевъ и ту роль какую играли они около князя, можно съ большею вѣроятностью допустить предположеніе, что они пользовались вполнѣ довѣріемъ своихъ питомцевъ и занимали первенствующее мѣсто въ княжеской думѣ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію *внутренняго устройства княжеской дружины*, мы замѣчаемъ что весьма рано, уже при первыхъ князьяхъ нашихъ, является рѣзкое разграниченіе всей массы дружинниковъ на двѣ группы,—на *старшихъ и младшихъ дружинниковъ*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уже дружинники, пришедшіе съ братьями-князьями изъ за-моря, не представляли однообразной массы, что изъ среды ихъ выдѣлялись личности, или по происхожденію, или по фактической силѣ, занимавшія первенствующее мѣсто, стоявшія ближе къ особѣ князя. Эти первенствующіе лучшіе дружинники были вѣроятно тѣ *мужи княжескіе*, которымъ раздавались города при первыхъ князьяхъ русскихъ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминаются *свѣтлые бояре*, „*иже суть подъ рукою его*“, а въ предварительныхъ мирныхъ условіяхъ—князья стоящіе подъ Олегомъ и сидящіе по городамъ. Равнымъ образомъ и въ договорѣ Игоря съ Греками упоминаются *бояре его*. До нашего времени дошли также свѣдѣнія объ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ лучшихъ дружинниковъ, стоявшихъ около первыхъ князей нашихъ; таковы были Аскольдъ, Диръ, Свѣнельдъ, Асмудъ—кормилецъ Святослава, воевода Претичъ и многіе другіе, извѣстные намъ лишь по исчисленію ихъ въ текстахъ договоровъ съ Греками (2). Дѣленіе дружинниковъ на высшихъ и нисшихъ, старшихъ и младшихъ,—послѣдовательно проводится въ теченіе всего удѣльнаго періода, притомъ, чѣмъ болѣе приближаемся мы къ періоду Московскому, тѣмъ рельефнѣе и осязательнѣе представляется оно. Для обозначенія этого дѣленія встрѣчаемъ мы въ лѣтописяхъ слѣдующіе термины: *дружина молодшая*, *дружина малая*, *дружина старѣйшая*, *лѣпшіе мужи*, *передніе мужи*, *передняя дружина* (3).

---

(1) П. С. Р. Л. II. 120.

(2) Ibid. I. 9, 10, 13, 20, 23, 28.

(3) Ibid, I. 58, 59, 113, III. 35, II 20, 21.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ дѣленій дружины отдѣльно. *Старшая или передняя дружина* состояла изъ *бояръ* и *мужей княжескихъ*. Кромѣ бояръ и мужей состоящихъ на службѣ княжеской, мы видимъ равнымъ образомъ бояръ и мужей земскихъ, не входящихъ въ составъ дружины (1); отсюда невольно раждается вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ находились эти бояре и мужи служебные къ боярамъ и мужамъ земскимъ, не были ли лица эти тѣже самые, только съ прибавленіемъ эпитета *княжескихъ* лишь въ случаѣ временнаго служенія князю? На послѣдній вопросъ слѣдуетъ дать отвѣтъ, съ одной стороны отрицательный, съ другой утвердительный. Въ княжеской дружинѣ находились лучшіе мужи и бояре принадлежавшіе къ той земщинѣ, надъ которою княжилъ извѣстный князь; въ ней находились лучшіе мужи и бояри не принадлежавшіе къ земщинѣ, чуждые ей, которые, слѣдуя за княземъ своимъ, приходили въ управляемую имъ область. Такъ, въ 1289 году, князь Мстиславъ Даніиловичь, по смерти брата своего Владиміра, пріѣзжаетъ княжить во Владиміръ Волынскій съ *боярами своими и съ слугами*. Вслѣдъ затѣмъ видимъ мы около него, кромѣ этихъ собственныхъ бояръ его, и бояръ покойнаго брата, продолжавшихъ службу свою Мстиславу за смертью стараго князя (2). Относительно происхожденія княжескихъ бояръ можно представить слѣдующее соображеніе. Званіе боярина не было первоначально званіемъ пріобрѣтаемымъ службою княжескою; это было ничто иное, какъ фактическое названіе человѣка, которому въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ удавалось стать выше окружающихъ его (3). Это вполнѣ подтверждается и этимологіей слова: древнѣйшее произношеніе его не бояринъ, а *болярinъ*,—происшедшее очевидно отъ сравнительной степени *болій*-большій;—слѣдовательно *болярinъ* есть ничто иное какъ человѣкъ большій, человѣкъ лучшій сравнительно съ другими. Слово бояринъ, употребляясь постоянно для обозначенія извѣстнаго фактическаго состоянія, мало по малу обращается въ терминъ; оно начи-

(1) Сѣргѣевичъ: В. и К. 355. 356.

(2) П. С. Р. Л. II. 223.

(3) Сергѣевичъ: В. и К. 34.

нaетъ обозначать сильнаго и вліятельнаго человѣка, въ силу своего превосходства рѣзко выдающагося изъ всей массы народонаселенія. Понятно, что при такомъ значеніи слова бояринъ, обозначавшемъ состояніе фактическаго преобладанія, не удивительнымъ должно казаться, что оно весьма рано примѣнено было и къ лучшимъ дружинникамъ княжескимъ, которые, пользуясь *большимъ* значеніемъ сравнительно съ другими, и получали названіе *боляръ* или бояръ. Такимъ образомъ въ лѣтописяхъ удѣльнаго періода находимъ мы двоякое значеніе слова *бояре*: упоминаются бояре *земскіе* и бояре *княжескіе*. Въ особенности рѣзкія указанія на земскихъ бояръ находимъ мы въ лѣтописномъ повѣствованіи о событіяхъ въ Суздальской землѣ въ 1176—1177 г. г.; приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1176 году Владимірцы, недовольные своими корыстолюбивыми князьями, посылаютъ явить обиду свою Ростовцамъ и Суздальцамъ, послѣдніе-же „словомъ суще по нихъ (т. е. Владимірцахъ), а дѣломъ далече суще, а боляре (т. е. Ростовскіе и Суздальскіе) князю того держахуся крѣпко“. Въ связи съ этимъ находимъ слѣдующее выраженіе лѣтописца по поводу отношеній Владиміра, Ростова и Суздаля: „а здѣ (въ землѣ Ростовско-Суздальской) городъ старый Ростовъ и Суздаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити (т. е. первенство этихъ городовъ), не хотяху створити правды Божья“. Затѣмъ Суздальцы, оправдываясь передъ княземъ Михалкомъ въ участіи земли ихъ въ распрѣ съ нимъ, говорятъ: „мы, княже, на полку томъ съ Мстиславомъ не были, но были съ нимъ боляре (т. е. масса народонаселенія не принимала участія въ распрѣ, но только лучшіе, сильнѣйшіе земцы-боляре)“. Наконецъ, въ 1177 году „приведоша *Ростовцы и боляре* Мстислава Ростиславича изъ Новагорода“ и т. п. (1). Съ другой стороны встрѣчаемъ мы указанія на бояръ собственно княжескихъ, связанныхъ непосредственно съ личностью даннаго князя, слѣдующихъ за нимъ изъ однаго княженія въ другое, смотря по судьбѣ господина своего. Этаго рода бояре отличаются прибавленіемъ къ нимъ эпитета *княжескихъ*, или соотвѣствующаго слова; такъ напр., встрѣчаемъ выраженія: „съ своими

(1) П. С. Р. Л. I. 159—161.

боярами", „съ боярами брата", „мои бояре", „его бояре" и т. д (1). Боярство въ земскомъ общественномъ быту пріобрѣталось, какъ мы знаемъ, путемъ фактическимъ; такимъ же образомъ пріобрѣталось оно и на службѣ княжеской: кому больше благоволилъ князь, кому отдавалъ преимущество передъ другими и первенствующее мѣсто въ рядахъ дружины своей, наконецъ кому въ матеріальномъ отношеніи службою князю удавалось лучше обставить себя сравнительно съ другими, тотъ становился *больше* другихъ, —дѣлался боляриномъ или бояриномъ. Понятно что въ этомъ отношеніи много зависѣло отъ воли князя. Такъ мы знаемъ, что еще Владиміръ въ видѣ награды сдѣлалъ „великими мужами" отрока, поборовшаго на единоборствѣ богатыря Печенѣжескаго, и отца его (2). Мы уже упоминали выше объ отказѣ старшей дружины Великаго Князя Владиміра Мстиславича участвовать въ распрѣ послѣдняго съ Мстиславомъ Изяславичемъ, такъ какъ распря была предпринята безъ думы съ нею; лѣтопись слѣдующимъ образомъ передаетъ отвѣтъ, сдѣланный Великимъ Княземъ на отказъ этотъ: „Володимеръ же рѣче, воззрѣвъ на дѣцски: а се будутъ мои бояре" (3) Замѣтимъ, что изъ этого свидѣтельства неосновательно было бы сдѣлать предположеніе, будто Великій Князь могъ однимъ словомъ пожаловать дѣтскихъ своихъ боярами; боярство не было въ эту эпоху чиномъ,—это было лишь фактическое состояніе; слѣдовательно не могло быть жаловано именно *боярство*; но справедливо то, что Князь могъ поставить дѣтскихъ своихъ въ тѣ условія, при которыхъ они, выдѣляясь изъ остальной массы дружинниковъ, могли бы сдѣлаться больше другихъ, могли бы сдѣлаться боярами (4). Кромѣ пріобрѣтенія боярства путемъ службы княжеской, можетъ быть представленъ еще другой путь появленія служилыхъ бояръ. Путь этотъ заключался въ поступленіи на службу княжескую лицъ, пріобрѣтшихъ состояніе боярства во время пребыва-

(1) П. С. Р. Л. I. 54, 78, 94, 136, 146, 186, II 207, 223, 224 и др.

(2) Ibid. I. 53.

(3) Ibid. II. 97.

(4) Сергѣевичъ: В. и К. 357.

нія своего въ земщинѣ, т. е. помимо службы, и уже боярами вступившими въ ряды дружины княжеской; такія лица, не теряя это состояніе, изъ бояръ земскихъ становились боярами княжескими Для князей было весьма выгодно привлекать на службу свою бояръ земскихъ, такъ какъ они, дѣлая такимъ образомъ солидарными съ собою лучшихъ, сильнѣйшихъ земцевъ, пріобрѣтали большій авторитетъ и крѣпче расчитывали сидѣть на княженіяхъ своихъ. Замѣтимъ наконецъ, что земскимъ боярамъ и не вступавшимъ въ дружину приходилось иногда нести службу князю; это бывало въ тѣхъ именно случаяхъ, когда по вѣчевому приговору за дѣло князя ополчалась сама земщина.

Мужи и бояре княжескіе составляли центръ и основу всей дружины, какъ по собственному своему могуществу и значенію, такъ и по болѣе или менѣе значительному вліянію на князя. Обладая значительными имущественными средствами и большимъ количествомъ слугъ, лучшіе мужи и бояре образовывали вокругъ себя собственныя дружины, вмѣстѣ съ которыми несли службу князю; въ особенности относится это къ служилымъ земскимъ боярамъ. Мы знаемъ, что еще во времена Игоря, у воеводы послѣдняго Свѣнельда была собственная дружина, содержавшаяся средствами, предоставляемыми ей господиномъ ея; равнымъ образомъ знаемъ мы что у Яна Вышатича, дружинника Святослава Ярославича, были вооруженные отроки, которые ходили съ нимъ для сбора съ населенія дани. Въ „Поученіи дѣтямъ“ Великій Князь Владиміръ Мономахъ говоритъ слѣдующее: „куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ“; здѣсь подъ этими чужими отроками, противополагаемыми княжескимъ, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, подразумѣвать отроковъ, принадлежащихъ дружинникамъ. Собственную дружину и отроковъ видимъ мы въ 1095 году у нѣкоего Ратибора; собственнаго отрока видимъ мы и у Новгородца Гюраты Роговича (1). Вліяніе лучшихъ дружинниковъ на князя проявлялось въ совѣщаніяхъ съ ними князей, о чемъ было говорено уже выше. Замѣтимъ здѣсь, что дума княжеская, въ которой первоначально принимала участіе почти вся дружина, съ теченіемъ времени

(1) П. С. Р. Л. I. 23, 75, 97, 107.

начинаетъ ограничивать количество своихъ членовъ. Нисшіе дружинники мало по малу отстраняются отъ участія въ думѣ княжеской, членами ея преимущественно становятся старшіе дружинники, между которыми первое мѣсто занимаютъ бояре. Результатомъ подобнаго направленія въ развитіи думы княжеской было принятіе ею чиновно-аристократическаго характера, въ связи съ чѣмъ находится и измѣненіе самаго названія ея: съ Ивана III она получаетъ названіе *думы боярской*. На это измѣненіе имѣло рѣшительное вліяніе усиленіе власти Великаго Князя Московскаго. Бояре, какъ служилые люди, не смѣшиваются въ остальною массою слугъ княжескихъ; они весьма рельефно выдѣляются изъ остальной массы людей служилыхъ, – и чѣмъ ближе приближаемся мы къ концу удѣльнаго періода, тѣмъ осязательнѣе становится это различіе. Въ лѣтописяхъ постоянно встрѣчаемъ мы выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „вси 6 князей кождо съ своими боляры и слуги придоша“, „множество бояръ и слугъ плакахуся лишенья своего князя“, „посласта лучшіе своѣ бояре и слуги воевати съ“... „а бояромъ и слугамъ вольнымъ воля (1)“ Это противоположеніе бояръ и слугъ указываетъ на почетъ и значеніе, которыми пользовались первые въ ряду остальныхъ дружинниковъ княжескихъ. Съ другой стороны, бояре и сами по себѣ не составляли однообразной массы. Съ половины XIII вѣка въ ряду бояръ появляется градація, является раздѣленіе ихъ на *большихъ* и *меньшихъ*, *лучшихъ* и *худшихъ*, *старѣйшихъ* и *молодшихъ*. Это дѣленіе бояръ на старшихъ и младшихъ, подобно противоположности бояръ и остальныхъ слугъ, рѣзко очерчивается въ эпоху усиленія Московскаго Великаго Княженія. Такъ въ 1392 году Великій Князь Василій Дмитріевичъ отправляется въ Нижній-Новгородъ, и съ нимъ „бояре его старѣйшіе“ (2). Въ 1406 году митрополитъ Кіевскій Кипріанъ, умирая, оставляетъ благословеніе свое князьямъ, духовенству и „боярамъ, великимъ же и меньшимъ, и съ женами, и съ дѣтьми“ (3). Очень вѣроятно, что дѣленію бояръ

(1) П. С. Р. Л. I. 186, 200, II, 207. Собр. Госуд. Грам. и Догов. (догов. грамоты), и др.

(2) Лѣтописецъ содерж. Рос. Ист., 2-е Син. изд. М. 1853. стр. 134, также 149

(3) Ibid. 157.

на *большихъ* и *меньшихъ* соотвѣствуетъ другое дѣленіе ихъ, на *большихъ* и *путныхъ*, указаніе на которое находимъ мы въ 1388 году въ договорной грамотѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ (1) вотъ это указаніе: „А коли мнѣ взяти дань на своихъ боярѣхъ на *большихъ* и на *путныхъ*, тогда ти взяти на своихъ также по *кормленію* и по *путемъ*“. Отсюда видимъ, что *большіе бояре* противуполагаются *путнымъ* или *меньшимъ боярамъ*, стоящимъ въ отношеніи старшинства ниже первыхъ, т. е. большихъ бояръ. Этому различію въ старшинствѣ соотвѣтствуютъ и различные способы вознагражденія за службу: большіе бояре получали кормленья безъ ограниченія послѣднихъ по роду,—меньшіе бояре получали въ кормленья лишь *пути*, т. е. опредѣленнаго рода княжескія промышленныя поселенія. Для обозначенія тѣхъ изъ лучшихъ дружинниковъ, которые, благодаря особенно близкому отношенію къ князю, пользовались наибольшею силою и значеніемъ, употреблялось выраженіе *вельможи*. Такъ въ 1177 году взяты въ плѣнъ и приведены во Владиміръ вельможи Рязанскаго князя Глѣба; изъ предшествующаго повѣствованія можно видѣть, что эти вельможи (Борисъ Жидиславичъ, Ольстинъ, Дѣдилецъ и др.) были думцами князя своего (2).

Мы видѣли, что первоначально слово *бояринъ* употреблялось для обозначенія извѣстнаго фактическаго состоянія, что оно не было названіемъ опредѣленнаго чина. Со второй половины удѣльнаго періода, т. е. со времени покоренія русской земли татарами, слово бояринъ стремится пріобрѣсти опредѣленное юридическое значеніе, стремится получить значеніе высшаго служилаго чина. Когда и какъ установилось понятіе о боярствѣ, какъ о чинѣ, врядъ ли можно сказать утвердительно; пріобрѣтеніемъ подобнаго значенія боярство обязано безъ сомнѣнія государственнымъ идеямъ, развивавшимся въ усиливающемся Московскомъ Великомъ Княженіи. Сдѣлавшись юридическимъ состояніемъ, боярство могло быть уже жалуемо непосредственно волею Великаго Князя; въ это состояніе становился тотъ, кого князь *сказывалъ бояриномъ*. Понятіе о боярствѣ, какъ о чинѣ, выра-

(1) С. Г. Гр. и Д. I. № 33.

(2) П. С. Р. Л. I. 162—163.

батывается уже довольно опредѣленно въ теченіи XIV вѣка. Такъ уже въ 1332 году Великій Князь Иванъ Даниловичъ „даде болярство на Москвѣ“ кіевскому выходцу Родіону Несторовичу (1),—слѣдовательно уже въ эту эпоху существовало понятіе о боярствѣ, какъ о чинѣ.

Переходимъ къ обозрѣнію *состава младшей дружины*.

Въ младшей дружинѣ княжеской встрѣчаемъ мы нѣсколько родовъ младшихъ дружинниковъ; здѣсь упоминаются *отроки*, *дѣтскіе*, *гриди*, *пасынки*, *мечники*, *дѣти боярскіе*. Врядъ-ли представляется какая либо возможность опредѣленнымъ образомъ возстановить значеніе каждаго изъ этихъ разрядовъ младшихъ дружинниковъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ. Упоминаются они большею частью вскользь, нѣкоторые даже въ весьма немногихъ мѣстахъ памятниковъ; къ тому же и самыя обязанности ихъ являются почти тождественными. Но изъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ можно видѣть, что послѣдній, нисшій разрядъ составляли *отроки* княжескіе.

Отроки не имѣли исключительно военнаго назначенія; это были слуги, въ тѣсномъ смыслѣ этаго слова, состоявшіе при князѣ для исполненія различнаго рода дѣлъ и порученій,—слѣдовательно къ этому разряду могли относиться и несвободные люди—холопы (2). Отроки исполняли различнаго рода служебныя обязанности во дворѣ княжескомъ: „въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите: не зрите на тивуна, *ни на отрока*, да не посмѣются приходящіе къ вамъ и дому вашему“; „Еже было творити *отроку моему*, то самъ есмь створилъ дѣла“, говоритъ Владиміръ Мономахъ дѣтямъ своимъ (3). *Отроки Ольги* прислуживаютъ пирующимъ Древлянамъ; *отроки Святослава* прячутъ дары, присланные ему императоромъ Греческимъ (4) изъ *отроковъ* выбирали князья своихъ тіуновъ и посельскихъ. Съ другой стороны, отроки въ случаѣ надобности вооружались и такимъ образомъ являлись съ характеромъ воиновъ, дѣлались *отроками оруж-*

---

(1) Погодинъ. Древ. Рос. Аристократія, Москвит. 1847 г. I. 98.

(2) Сергѣевичъ: В. и К. 353.

(3) П. С. Р. Л. I. 102, 104.

(4) Ibid I. 24, 30.

ными. Такъ въ 1256 году Даніилъ Галицкій, во время похода на Ятвяговъ, нарядилъ полки а самъ „ѣха въ малѣ отрокъ оружныхъ". Въ 1095 году Ратиборъ „пристрои отроки въ оружьи, истобку пристави истопити имъ" (Итларю съ дружиною). Въ 1071 году Янъ-Вышатичъ, отправляясь къ волхвамъ, велитъ вооружиться двѣнадцати отрокамъ своимъ (1).

Иной характеръ носитъ другой разрядъ младшихъ дружинниковъ—*дѣтскіе*; по мнѣнію профессора Сергѣевича отличіе ихъ отъ отроковъ заключается въ томъ, что дѣтскіе по преимуществу люди свободнаго происхожденія, тогда какъ въ числѣ отроковъ находились и рабы (2). Но кромѣ этого различія можно допустить и другое,—основанное на кругѣ обязанностей тѣхъ и другихъ.

Дѣтскіе носятъ исключительно военный характеръ, между тѣмъ какъ отроки ополчались лишь въ случаѣ надобности,—главное назначеніе ихъ хозяйственно-дворцовая служба князю; послѣднее различіе довольно ясно вытекаетъ изъ снесенія различныхъ мѣстъ лѣтописей. Дѣтскимъ давали князья и различныя административныя должности: такъ, напримѣръ, дѣтскихъ посылали они посадниками по городамъ (3). Этими двумя разрядами, — отроками и дѣтскими, — исчерпывается весь составъ меньшей дружины; за ними стояли уже мужи и бояре, составлявшіе старшую или переднюю дружину. Дѣтскіе не всѣ были безъ сомнѣнія равны по достоинству и значенію; нѣкоторые стояли ближе къ князю, другіе дальше. Мы полагаемъ что эти лучшіе дѣтскіе, находившіеся при князѣ, окружавшіе и всюду сопровождавшіе его и назывались *мечниками* или *меченошами*; они составляли переходную ступень къ мужамъ и боярамъ, т. е. отъ молодшей къ передней дружинѣ. Это подтверждается и самымъ наименаніемъ ихъ. Извѣстно, что въ воинственную эпоху жизни, мечь считался у всѣхъ народовъ, а равныхъ образомъ и у др.: Русскихъ, символомъ силы и могущества; существовалъ особый обрядъ опоясанія мечемъ; западно-европейскіе государи посредствомъ троекратнаго удара мечемъ посвящали воиновъ въ рыцари; мечь былъ, наконецъ, символомъ высшей государственной

---

(1) П. С. Р. Л. II. 192, 93, I. 75.

(2) Сергѣевичъ: В. и К. 353.

(3) П. С. Р. Л. I. 159.

власти. Такъ лѣтописецъ, говоря о Великомъ Князѣ Андреѣ Боголюбскомъ, замѣчаетъ: „князь бо не туне носитъ мечь, Божій бо слуга есть.“ (1) Поэтому *мечниками* весьма естественно было называться тѣмъ изъ молодшихъ дружинниковъ, которыхъ князь отличалъ отъ другихъ, особенно приближая къ особѣ своей, но которые тѣмъ не менѣе не принадлежали къ числу переднихъ дружинниковъ. Ипатьевская лѣтопись свидѣтельствуетъ намъ подъ 1149 годомъ, что Болеславъ Польскій, пришедшій въ помощь къ Изяславу Владиміровичу, опоясалъ мечемъ многихъ сыновъ боярскихъ (2). Къ сожалѣнію лѣтописи почти вовсе не даютъ намъ указаній, по которымъ можно бы было возстановить значеніе мечниковъ; мы имѣемъ впрочемъ одно интересное свидѣтельство Ипатьевской лѣтописи, изъ котораго можно заключить, что мечники пользовались особеннымъ довѣріемъ князя и занимали видное значеніе въ ряду остальныхъ дружинниковъ. Именно, въ 1174 году, Великій Князь Андрей Боголюбскій посылаетъ къ Рюрику и Давиду Ростиславичамъ и къ Мстиславу Изяславичу посломъ мечника своего Михна, которому даетъ слѣдующее порученіе: „ѣдь къ Ростиславичемъ, рци ты имъ: не ходите въ моей воли,—ты же, Рюриче, поиди въ Смольнскъ къ брату во свою отцину; а Давыдови рци: а ты пойди въ Берладъ, а въ Русской земли не велю ти быти; а Мстиславу молви: въ тобѣ стоитъ все, а не велю ти въ русской землѣ быти“. Важность даннаго порученія говоритъ уже за тотъ фактъ, что посолъ Михнъ не могъ быть лицомъ незначительнымъ; послѣднимъ объясняется и то, что Мстиславъ Изяславичъ не ограничивается отсылкою посла назадъ, но велитъ остричь ему голову и бороду,—наноситъ ему безчестіе (3). Въ 1210 году, при Великомъ Князѣ Всеволодѣ Чермномъ Черниговскомъ, видимъ *меченошу его* Кузьму Ратшича, котораго онъ посылаетъ съ полкомъ въ походъ въ качествѣ воеводы,—что указываетъ намъ на видное положеніе лица этаго (4).

---

(1) П. С. Р. Л. II. 115.
(2) Ibid. II. 46.
(3) Ibid. II 109.
(4) Ibid. VII. 117.

Относительно *гридей* или *гридьбы* замѣчаемъ мы, что подъ словомъ этомъ не разумѣется отдѣльный, опредѣленный разрядъ дружинниковъ; это было общее названіе всей молодшей дружины, подъ которымъ разумѣлись и отроки, и дѣтскіе. Такимъ образомъ общій составъ дружины княжеской можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Дружина княжеская.

Передняя дружина.	Молодшая дружина или гридьба	
Бояре и лучшіе мужи	Дѣтскіе.	Отроки.
	Мечники. Дѣтскіе	

Сказанное нами подтверждается тѣмъ, что въ лѣтописяхъ находятся случаи полнаго противопоставленія бояръ и гридьбы,—этимъ двумя выраженіями лѣтописецъ какъ-бы хочетъ исчерпать весь составъ дружины княжеской. Такъ про Владиміра Святаго лѣтописецъ говоритъ что онъ „устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити *боляромъ* и *гридемъ*, и сотскимъ, и десятскимъ и нарочитымъ мужемъ, при князѣ и безъ князя (1)“; сотскіе, десятскіе и нарочитые мужи,—это земцы, слѣдовательно дружинники исчислены здѣсь двумя словами,—*бояре* и *гриди*. Равнымъ образомъ Мстиславъ Ростиславичъ въ 1177 году отправляется во Владиміръ „совокупивъ Ростовцы и *боляре*, *гридьбу* и пасынки, и всю дружину (2)“. Пасынки, какъ увидимъ ниже, не были собственно княжескими дружинниками, слѣдовательно понятіе о дружинѣ, за исключеніемъ отсюда Ростовцевъ и пасынковъ,—опять таки исчерпывается словами *бояре* и *гридьба*. Мы знаемъ, что при Владимірѣ Новгородцы платили Кіеву ежегодную дань въ двѣ тысячи гривенъ, „а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху“ (3). Это вознагражденіе, платимое гридямъ, было установленіемъ существовавшимъ со временъ Олега, который, поселясь въ Кіевѣ, уставилъ Новгородцамъ платить ежегодно оставленнымъ имъ въ этомъ городѣ для

(1) П. С. Р. Л. I. 54.
(2) Ibid. I. 161.
(3) Ibid. I. 55.

защиты ихъ Варягамъ триста гривенъ „мира дѣля“, т. е. съ тѣмъ, чтобы эти оставленные въ Новгородѣ дружинники доставляли имъ *миръ*, защищая отъ сосѣдей. Такимъ образомъ гриди эти, составлявшіе какъ бы гарнизонъ города, были ничто иное, какъ княжескіе дружинники, и конечно дружинники молодшіе, такъ какъ все что было въ дружинѣ лучшаго сосредоточивалось около самого князя.

Въ приведенномъ нѣсколько строкъ выше свидѣтельствѣ лѣтописи (1) встрѣчается терминъ *пасынки*. Относительно слова этаго лѣтописи не даютъ намъ рѣшительно никакихъ указаній. Карамзинъ въ пасынкахъ видитъ дружинниковъ боярскихъ, слѣдовательно лицъ, входившихъ въ составъ дружинниковъ княжескихъ не непосредственно, но черезъ посредство предводителей своихъ, которые въ свою очередь служили въ дружинѣ княжеской (2). Подобное предположеніе весьма вѣроятно, тѣмъ болѣе, что оно дѣлаетъ понятнымъ тотъ фактъ, что лѣтописи почти и не упоминаютъ о пасынкахъ;—приведенное мѣсто есть единственное, въ которомъ нашли мы терминъ этотъ.

Какъ слово *гридьба* для обозначенія всей молодшей дружины, такъ и слово *дѣтскіе* для обозначенія высшаго разряда младшихъ дружинниковъ, рано выходятъ изъ употребленія. Первое слово употреблено въ лѣтописи въ послѣдній разъ, если не ошибаемся, въ 1177 году (3); относительно времени исчезновенія втораго термина мы не можемъ представить точныхъ данныхъ,—можно только съ большею вѣроятностью предположить, что оно вышло изъ употребленія уже ко времени покоренія русской земли татарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ XII вѣка возникаютъ два новыхъ служилыхъ термина: *дворъ княжескій* и *дѣти боярскіе*. Терминъ *дѣти боярскіе* сталъ употребляться въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреблялся терминъ *дѣтскіе*, т. е. для обозначенія высшаго разряда младшихъ дружинниковъ. Что касается слова *дворъ княжескій* и происшедшаго отъ него термина *дворянинъ*, *дворяне*,—относительно его слѣдуетъ замѣтить, что оно не обозначало опредѣленнаго извѣстнаго разряда дружин-

(1) Именно П. С. Р. Л. I. 161.

(2) Карамзинъ: Ист. Госуд. Рос. III. примѣч. 227.

(3) П. С. Р. Л. I. 161.

никовъ. Подъ названіемъ *двора*, *дворянъ*, разумѣлась совокупность дружинниковъ, непосредственно окружавшихъ князя, жившихъ, если и не буквально на одномъ съ нимъ дворѣ, то по крайней мѣрѣ непосредственно причисленныхъ къ нему и жившихъ въ стольномъ городѣ, въ противуположность *засадамъ*,—дружинамъ городовымъ, расположеннымъ по другимъ городамъ. Что подобнаго рода городовыя дружины дѣйствительно существовали, на это имѣемъ мы прямыя указанія лѣтописей. Такъ въ 1164 году епископъ Антоній, подговаривая Святослава Всеволодовича занять Черниговскій столъ, пишетъ ему: „стрый ти умеръ, и по Олга ти послали, а *дружина* ти по *городамъ далече*, а поѣди вборзѣ, Олегъ ти еще не въѣхалъ“. Такъ въ 1289 году, по смерти Владимірскаго князя (Южнаго) Владиміра Васильевича, братъ его Мстиславъ, пріѣхавъ наслѣдовать столъ его, „нача разсылати засаду по всимъ городамъ“ (1). Мы знаемъ равнымъ образомъ, что еще князь Олегъ, переселясь въ Кіевъ, оставилъ въ Новгородѣ часть дружины своей, обязавъ Новгородцевъ давать ей содержаніе.

Терминъ *дворъ*, *дворяне*, возникшій впервые въ землѣ Ростовско-Суздальской, встрѣчается въ лѣтописи въ первый разъ подъ 1175 годомъ, въ повѣствованіи объ убіеніи князя Андрея Боголюбскаго (2). Относительно времени происхожденія термина *дѣти боярскіе* нельзя представить точныхъ данныхъ, можно только съ большею долею вѣроятности утверждать, что онъ появился не ранѣе конца XII вѣка, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, о которомъ говоримъ мы. Изъ понятія о дѣтяхъ боярскихъ, какъ о высшемъ разрядѣ младшихъ дружинниковъ, вытекаетъ уже то, что они не должны были быть всѣ причислены непремѣнно ко двору, быть дворянами. Тѣ изъ нихъ, которые состояли при князѣ непосредственно, которые приписаны были къ стольному городу его, дѣйствительно входили въ составъ двора и наравнѣ съ другими дружинниками составляли дворъ княжескій; но вмѣстѣ съ тѣмъ другая часть дѣтей боярскихъ находилась по городамъ и носила названіе *городовыхъ дѣтей боярскихъ*. Это различіе дѣтей боярскихъ дворовыхъ и дѣтей боярскихъ го-

(1) П. С. Р. Л. II, 92. 223.

(2) Ibid. I. 157.

родовыхъ особенно рѣзко проявляется въ концѣ разсматриваемаго періода, когда они пріобрѣли особый характеръ подъ вліяніемъ вновь установляющихся государственныхъ отношеній.

Для большихъ и серьезныхъ войнъ не достаточно было, какъ извѣстно, дружины княжеской; въ подобныхъ случаяхъ главную силу составляли земскіе полки, вооружавшіеся по вѣчевымъ рѣшеніямъ. Весьма естественно, что въ теченіи удѣльно-вѣчеваго періода каждый князь могъ лишь настолько располагать земскимъ ополченіемъ, на сколько военное предпріятіе князя являлось популярнымъ въ глазахъ вѣча, или на сколько представляло оно интересъ для самой земщины.

Таковы были основы организаціи служилаго класса въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ русской исторіи.

БИБЛИОТЕКА

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Измѣненіе основъ организаціи служилаго класса въ Московскомъ государствѣ.

Съ конца XIII вѣка или, правильнѣе говоря, съ начала XIV вѣка, начинаетъ слагаться новое направленіе въ ходѣ развитія русской государственной жизни: въ Сѣверо-Восточной Руси замѣчается постепенное усиленіе незначительнаго до того времени удѣльнаго города Москвы. Управляемая цѣлымъ рядомъ талантливыхъ и въ высшей степени ловкихъ князей, Москва проявляетъ стремленіе округлять свои предѣлы на счетъ сосѣднихъ удѣльныхъ княжествъ, а значительныя матеріальныя средства накоплявшіяся въ рукахъ князей Московскихъ, давали имъ возможность увеличивать посредствомъ купли массу владѣній своихъ,—хотя купля земель и не составляла единственнаго средства расширенія территоріи княжества Московскаго. Сдѣлавшись съ 1327 года великимъ княженіемъ, Москва своею политикою относительно другихъ русскихъ княжествъ начертываетъ основанія весьма знаменательнаго періода русской исторіи, извѣстнаго подъ названіемъ *періода развитія Московской централизаціи*. Разсмотрѣніе условій при которыхъ развивалась русская государственная жизнь въ теченіе этого періода и обстоятельствъ способствовавшихъ уси-

ленію Великаго Княженія Московскаго повлекло бы насъ за предѣлы предпринятой нами задачи. Для нашихъ цѣлей достаточно только указать на общій принципъ, проникавшій въ эту эпоху развитіе государственнаго строя Великаго Княженія Московскаго. Принципъ этотъ сводится къ постепенному освобожденію русской государственной жизни отъ свободныхъ договорныхъ началъ, которыми, какъ мы выше видѣли, была проникнута вся древне-русская жизнь и къ стремленію закрѣпостить всѣ государственные элементы подъ верховною властью государя Московскаго. Стремленіе къ государственному единодержавію является въ эпоху Московской централизаціи не впервые въ сознаніи князей русскихъ. Будучи впервые навѣяно византійскими идеями, принесенными греческимъ духовенствомъ еще въ эпоху крещенія русской земли, оно неоднократно проявлялось въ сознаніи нѣкоторыхъ князей русскихъ; такъ мы видѣли выше стремленія Андрея Боголюбскаго, желавшаго „единъ быти властель“, основать единодержавіе въ землѣ Ростовско-Суздальской. Но всѣ стремленія подобнаго рода не только не могли увѣнчаться въ то время успѣхомъ, но не могли даже вполнѣ явственно и послѣдовательно проводиться, такъ какъ они шли въ разрѣзъ со всѣми основными началами государственно-общественной жизни, не могли примириться съ господствовавшими договорными отношеніями ея. Чтобы проложить себѣ путь къ самодержавію, княжеская власть должна была убить автономію вѣча народнаго, стѣснявшаго слишкомъ широкое распространеніе абсолютной воли ея. Но такая смѣлая задача была не подъ силу удѣльнымъ князьямъ русскимъ. Трудно сказать, удалась ли бы она имъ когда нибудь, и, если бы удалась, то цѣною какой крови, если бы не подоспѣла къ нимъ на помощь внѣшняя сила. Этою внѣшнею силою явилось Татарское завоеваніе вообще и сила хановъ Ордынскихъ въ частности. Сдѣлавъ русскую землю своимъ улусомъ, ханы Ордынскіе не вступали въ непосредственныя отношенія къ самому народу русскому. Посредниками между собою и русскимъ народонаселеніемъ поставили они князей русскихъ, носившихъ такимъ образомъ характеръ какъ-бы намѣстниковъ ханскихъ. Для полученія извѣстнаго стола князю нечего уже было заботиться о согласіи съ народонаселеніемъ; главною задачею для него было заручиться расположеньемъ и милостью

хана и затѣмъ добыть отъ него ярлыкъ на княженіе. Личная сила князя получала вслѣдствіе этого въ союзники силу хана, и противудѣйствіе, оказываемое населеніемъ князю, принимало характеръ противодѣйствія власти ханской. Понятно что значеніе вѣча, потерявшаго вслѣдствіе этого новаго порядка вещей самостоятельное значеніе, было постепенно сводимо до нуля, а мало по малу и самое учрежденіе это пало и наконецъ вовсе уничтожилось. Но при этомъ новомъ порядкѣ вещей князья Московскіе не сидѣли сложа руки. Заручившись расположеніемъ хановъ, они получили первенствующее значеніе въ системѣ княжествъ русскихъ, постепенно усиливались, обогащались, увеличивали свою территорію и довели Великое Княжество Московское до такой степени силы, что оно вступаетъ въ открытую борьбу съ Ордою и освобождаетъ русскую землю отъ ея господства. Хотя по освобожденіи русской земли отъ ига Орды и была уничтожена главная причина убившая до-татарскія основы государственной жизни, но возвращеніе къ прежнему порядку вещей сдѣлалось уже не возможнымъ. Эта невозможность обусловливалась съ одной стороны значительнымъ усиленіемъ Москвы, усиленіемъ, основанномъ на началахъ діаметрально-противоположныхъ старому договорному началу, а съ другой стороны и тѣмъ, что старый порядокъ вещей былъ уже слишкомъ расшатанъ, получивъ рядъ ударовъ, отъ которыхъ уже не могъ оправиться.

Въ ряду этихъ фактовъ, основанныхъ на противоположныхъ древнему договорному началу принципахъ и послужившихъ къ усиленію Московскаго Великаго Княженія, видное мѣсто занимаетъ стремленіе къ новой организаціи служилаго класса. Къ разсмотрѣнію этой новой организаціи служилаго класса мы въ настоящее время и переходимъ.

Мы уже видѣли, что относительно свободныхъ членовъ народонаселенія русскихъ княжествъ въ эпоху до-Татарскую не существовало обязательной службы князьямъ. Каждый воленъ былъ служить или не служить, притомъ воленъ былъ служить по собственному выбору своему тому или другому князю, смотря по тому, чья служба представлялась ему наиболѣе выгодною. Служба сводилась къ личному интересу самого служащаго лица. Если и замѣчается въ эту эпоху до нѣкоторой степени постоянная и крѣпкая служба извѣстному князю,—то это явленіе обусловливается не существо-

ваніемъ какого либо государственнаго основанія службы, но связью чисто нравственною, зависящею большею частью отъ личныхъ качествъ самого князя и отъ отношеній его къ служащимъ ему лицамъ. Мы знаемъ также что въ томъ случаѣ, когда для военныхъ цѣлей недостаточнымъ являлось единичной силы дружины княжеской и когда извѣстное военное предпріятіе являлось популярнымъ, само вѣче давало князю войско, составляя приговоръ о земскомъ ополченіи. Такимъ образомъ служба княжеская зиждилась на чисто договорныхъ началахъ. Эта свободная договорная система княжеской службы сдѣлалась невозможной со времени покоренія русской земли татарами и съ усиленіемъ власти и значенія великихъ князей Московскихъ. Усилившееся Великое Княженіе Московское, которое стремилось къ объединенію всей русской земли подъ верховною властью Великаго Князя своего, не могло твердо идти къ достиженію цѣлей централизаціи и самодержавія безъ постояннаго и правильно устроеннаго класса служилыхъ людей, интересы которыхъ были бы въ тѣсной связи съ интересами князей Московскихъ и которые считали-бы въ рядахъ своихъ лучшихъ представителей русской земщины. Съ другой стороны, съ паденіемъ автономіи вѣча, невозможнымъ сдѣлалось и обязательное земское ополченіе, собиравшееся по вѣчевымъ приговорамъ. Словомъ—въ зарождающемся Московскомъ государствѣ явилась потребность реорганизаціи устройства служилаго класса на основаніяхъ болѣе прочныхъ, нежели простой договоръ, который могъ быть во всякое время нарушенъ. Великіе Князья Московскіе шли двумя путями къ реорганизаціи служилаго класса. Первый путь нашли они въ томъ, что связали съ правомъ землевладѣнія повинность нести обязательную службу въ пользу государства; каждый, кто владѣлъ землею, тѣмъ самымъ подчинялся обязанности служить. Государямъ Московскимъ не трудно было подняться до признанія этого начала,—оно явилось необходимымъ послѣдствіемъ развивающагося сознанія государственныхъ идей; каждый поземельный собственникъ имѣетъ большой интересъ въ безопасности государственнаго союза, а отсюда вытекаетъ не только обязанность, но и право его принять личное участіе въ его защитѣ. Это такъ называемая *служба съ вотчинъ*. Но владѣніе землей на правѣ вотчинномъ составляло не единственное основаніе обязательной службы черезъ посредство землевладѣнія; суще-

ствовала еще *служба съ помѣстій*, т. е. съ недвижимыхъ имуществъ предоставляемыхъ государствомъ частнымъ лицамъ подъ условіемъ обязательнаго несенія службы. Эта служба съ помѣстій носитъ двоякій характеръ. Съ одной стороны она носитъ характеръ тожественный съ характеромъ службы съ вотчинъ, т. е. признаніе обязанности каждаго землевладѣльца участвовать въ защитѣ интересовъ государственнаго союза,—слѣдовательно въ этомъ смыслѣ обязательная служба является послѣдствіемъ владѣнія землею. Съ другой стороны, служба съ помѣстій является результатомъ не только сознанія этого принципа государственнаго строя, но и непосредственнымъ послѣдствіемъ самой дачи помѣстья; помѣстье для того именно и дается, чтобы облегчить извѣстному лицу отбываніе службы. Другой путь нашли Великіе Князья Московскіе въ *ограниченіи* весьма широкаго въ прежнее время *права отъѣзда* служилыхъ людей отъ одного князя къ другому.

Разсмотримъ эти основанія реорганизаціи служилаго класса въ отдѣльности, именно 1) установленіе обязательной службы черезъ посредство землевладѣнія и 2) уничтоженіе права свободнаго отъѣзда.

I. Установленіе обязательной службы чрезъ посредство землевладѣнія.

Вотчинное землевладѣніе было исконнымъ учрежденіемъ въ русской землѣ,—это видно изъ того, что въ русской землѣ въ древнѣйшее время встрѣчаемъ мы частную поземельную собственность. Существовала ли въ это время обязательная служба съ частныхъ вотчинъ,—объ этомъ не находится въ древнѣйшихъ памятникахъ никакихъ свѣдѣній. О службѣ вотчинниковъ—дружинниковъ, обладавшихъ вотчинами въ удѣлѣ князя своего, весьма наглядымъ представляется то предположеніе, что собственный интересъ ихъ побуждалъ ихъ служить дѣлу ихъ князей, такъ какъ безопасность собственности этихъ дружинниковъ зависѣла отъ крѣпкаго сидѣнія князя на столѣ того удѣла, въ которомъ находились вотчины ихъ; мы выше имѣли случай указать на то весьма обыкновенное явленіе, что дружинники изгнаннаго съ княженія князя лишались земель своихъ наравнѣ съ остальнымъ имуществомъ,—конечно при томъ условіи, если они оставались вѣрными князю своему. Такимъ обра-

зомъ хотя въ данномъ случаѣ и не было обязанности служить съ вотчинъ, что было даже невозможно при господствовавшей шаткости отношеній, но тѣмъ не менѣе собственный интересъ побуждалъ дружинниковъ-вотчинниковъ крѣпко стоять за дѣло князя своего. Но легко возникаетъ слѣдующій вопросъ: не существовала ли обязательная служба частныхъ поземельныхъ собственниковъ при земскомъ ополченіи, собиравшемся по вѣчевому приговору? Можно съ большою вѣроятностью предположить что, какъ при раскладкѣ различнаго рода денежныхъ сборовъ и повинностей обращалось вниманіе на „животы и промыслы“, на имущественное благосостояніе членовъ населенія, такъ и при отправленіи земской служебной повинности обращалось вниманіе на большую или меньшую зажиточность лица. А такъ какъ главное богатство заключалось въ землѣ, то весьма вѣроятно что частные землевладѣльцы не избѣгали обязанности являться въ земское ополченіе, причемъ болѣе значительные землевладѣльцы представляли и болѣе значительныя служебныя силы въ распоряженіе вѣча, напримѣръ являлись въ лучшемъ вооруженіи, съ большимъ количествомъ сыновей, слугъ, лошадей и т. п. Но существовала ли во всѣхъ этихъ распорядкахъ какая-либо правильность и постоянство,—объ этомъ приходится промолчать за отсутствіемъ историческихъ указаній.

Послѣ покоренія русской земли татарами, съ усиленіемъ княжеской власти въ Московскомъ Великомъ Княженіи и съ усвоеніемъ послѣднимъ болѣе твердыхъ основъ государственнаго быта, постепенно выясняется тотъ принципъ, что владѣніе на правѣ собственности отдѣльною частью государственной территоріи неминуемо влечетъ за собою обязанность собственника ея содѣйствовать личными силами защитѣ этой территоріи, является слѣдовательно установленіе болѣе или менѣе твердаго понятія объ обязательной службѣ съ вотчинъ. Великіе Князья Московскіе подмѣтили этотъ принципъ государственной жизни и обратили его въ одно изъ средствъ образованія правильнаго служилаго класса. Земля получаетъ характеръ служебный. Не только вотчинники являются обязанными нести службу государству,—но и самая земля становится какъ-бы въ служебное подчиненіе ему, земля сама по понятіямъ того времени какъ-бы служитъ государству; такимъ образомъ вотчинникъ является

только лицомъ, въ которомъ выражается служебная сила земли. Переставъ быть вотчинникомъ, можно сложить съ себя служебную повинность,—и наоборотъ, сдѣлавшись вотчинникомъ, принимаетъ на себя обязанность служить и лицо неслужилое. Связь службы вотчинниковъ съ самими вотчинами особенно рельефно высказывается въ многочисленныхъ случаяхъ перехода удѣльныхъ князей южно-русскихъ въ службу Московскихъ Великихъ Князей; почти всѣ они передаются въ ихъ службу съ землями своими, причемъ лѣтописецъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ повѣствуетъ о подобномъ событіи: „И князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тое для нужи принялъ князя Семена и князя Василія въ службу и *съ вотчинами*“; или „прислалъ. . . . . бити челомъ князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій о томъ, чтобъ его пожаловалъ князь и *съ вотчиной* взялъ въ службу“; или „оттолѣ пошелъ Яковъ Захарьичь къ князю, привелъ ихъ къ крестному цѣлованію на томъ, что имъ служити великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси и *своими отчинами*“ (1). Весьма характеристичны также выраженія, въ которыхъ передаетъ лѣтописецъ слова Императора Іанна Палеолога, сказанныя имъ передъ Флорентинскимъ соборомъ папѣ Евгенію: „ . . . . высшее хрестьянство Бѣлая Русь, въ нихъ же есть Государь братъ мой, Василій Васильевичь, ему же восточные цари прислухаютъ и велиціи князи съ землями служатъ ему . . .“ (2). Указанные переходы южнорусскихъ князей подъ Московскую державу совершались обыкновенно подъ вліяніемъ гоненія Литовскихъ князей на православіе и „нужи“ къ переходу въ Латинскую вѣру, которое особенно свидѣтельствовало въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ. Передаваясь великимъ князьямъ Московскимъ, эти князья били имъ обыкновенно челомъ вотчинами своими; Великій Князь съ своей стороны жаловалъ ихъ ихъ-же вотчинами. Такъ напримѣръ въ 1493 году передался Великому Князю князь Михаилъ Романовичъ Мезецкій, и Великій Князь велѣлъ ему служить себѣ и пожаловалъ его его-же вотчиною. Главная служебная обязанность этихъ новыхъ служилыхъ людея заключалась, кажется, въ защитѣ

---

(1) П. С. Р. Л. VI, 45, 46 и др.

(2) Ibid. VI, 153.

нашихъ южныхъ украйнъ отъ набѣговъ Крымцевъ и другихъ непріятелей (1). Но могло случиться, что передавшіеся Москвѣ князья не имѣли фактической возможности передаться, или, выражаясь технически, „*отстати*“ вмѣстѣ съ вотчинами своими; въ такомъ случаѣ. Великіе Князья Московскіе, принимая ихъ въ службу, сами назначали имъ вотчины. Такъ въ 1482 году прибѣжалъ изъ Литвы къ Великому Князю Ивану Васильевичу князь Ѳ. И. Бѣльскій, причемъ нетолько не могъ передаться съ вотчиною, но не успѣлъ даже захватить съ собою жену свою, и Великій Князь пожаловалъ его, „далъ городъ Демонъ въ вотчину, да Мореву и со многими волостьми“ (2). Иногда даже Великіе Князья Московскіе давали перешедшимъ подъ державу ихъ южно-русскимъ князьямъ военную силу для отнятія отъ Литвы родовыхъ вотчинъ ихъ; такъ въ 1503 году В. К. Иванъ Васильевичъ посылаетъ князя И. М. Козельскаго (отъѣхавшаго къ Москвѣ въ 1490 г.) съ войскомъ отнять у Литвы родовыя вотчины его.

Изъ этого служебнаго значенія земли весьма естественно вытекаетъ забота князей Московскихъ о томъ, чтобы земля не выходила изъ службы. Забота эта ведетъ за собой цѣлый рядъ опредѣленій, послѣдовательно проводимыхъ во всѣхъ договорныхъ грамотахъ великихъ князей Московскихъ съ остальными князьями русскими, о запрещеніи, какъ самимъ князьямъ, такъ и боярамъ ихъ, покупать земли другъ у друга въ удѣлахъ; ограниченіе это встрѣчается уже въ первой дошедшей до насъ договорной грамотѣ В. К. Семена Ивановича съ братьями 1341 года (3). Запрещеніе это очень понятно: удѣльный князь или бояринъ его, пріобрѣтая землю въ предѣлахъ территоріи В. К. Московскаго и продолжая служить прежнему великому князю своему, тѣмъ самымъ лишалъ служебной производительности землю эту,—что было очевидно невыгодно для могущества Москвы. Если и разрѣшалась купля такого рода, то не иначе какъ съ вѣдома того князя, въ удѣлѣ котораго состоитъ покупаемая земля.

---

(1) П. С. Р. Л. VI. 260.

(2) Ibid. VI. 35.

(3) С. Г. Гр. и Дог. I, № 23, 27 и др.

Далѣе находимъ мы въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ обязательство со стороны удѣльныхъ князей не принимать на службу свою московскихъ служебныхъ князей съ вотчинами. Опредѣленія подобнаго рода, изъ которыхъ первое встрѣчается въ 1328 году (1), установляются какъ относительно удѣльныхъ князей, входящихъ въ составъ одного великаго княженія, такъ и между отдѣльными великими княженіями, въ послѣднемъ случаѣ обязательство это является обоюднымъ. Такимъ образомъ служебные князья, переходя со службы Великаго Князя на службу удѣльныхъ князей его, или со службы одного Великаго Князя на службу другаго Великаго князя, теряли право собственности на вотчины свои (2). Нѣтъ основаній предполагать чтобы опредѣленія эти относились исключительно только къ захудѣвшимъ удѣльнымъ князьямъ восточно-русскимъ. Подъ служебными князьями разумѣются здѣсь конечно и князья южнорусскіе, отсѣвшіе отъ Литвы (3) и князья инородческіе, служившіе Великимъ Князьямъ Московскимъ (4). Дѣйствительно, въ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ князей находимъ мы указанія на различныхъ инородческихъ князей, служащихъ съ вотчинами своими Великимъ Князьямъ Московскимъ; подобныя указанія имѣемъ мы напримѣръ о князьяхъ Арскихъ, Мордовскихъ, Мещерскихъ (5). Что касается до права обыкновенныхъ служилыхъ людей—вотчинниковъ на переходъ въ службу другаго удѣльнаго князя, то до начала XVI вѣка мы не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы вотчинники эти, отъѣзжая на службу другаго князя, лишались вотчинъ своихъ находящихся въ удѣлѣ прежняго князя ихъ. Напротивъ, въ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ князей постоянно встрѣчаемъ мы условія, обезпечивающія за отъѣхавшими служилыми людьми сохраненіе вотчинъ ихъ. Такимъ образомъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича съ В. К. Тверскимъ Михаиломъ Александрови-

---

(1) С. Г. Гр. и Дог. I, № 43.

(2) Ibid. I. № 43, 49, 52, 56, 60 и др.

(3) Ibid. I. № 121.

(4) Ibid. I. № 115.

(5) Ibid. I. № 115, 144.

чемъ (1368 г.) находимъ мы слѣдующіе постановленіе: „Кто бояръ или слугъ отъѣдетъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тобѣ къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ Твери, *въ тѣ села намъ и тобѣ не вступатися*“ (1). Или въ договорной грамотѣ В. К. Василія Васильевича съ В. К. Тверскимъ Борисомъ Александровичемъ (1451 г.) читаемъ: „А боярамъ и слугамъ межъ насъ вольнымъ воля; *а домы имъ свои вѣдати*, а намъ ся въ нихъ не вступатися“ (2). Условія подобнаго рода заключались какъ между Великими Князьями съ одной и удѣльными князьями съ другой стороны, такъ и между самими Великими Князьями. Такъ было по крайней мѣрѣ de jure. Ниже увидимъ мы, что князья Московскіе насильственнымъ образомъ противодѣйствовали иногда свободному праву отъѣзда,—тѣмъ менѣе могли они стѣснять ся условіемъ о сохраненіи вотчинъ за отъѣхавшими служилыми людьми. Нѣтъ сомнѣнья что условія этого рода, какъ и самые договоры вообще, имѣли юридическую силу только противъ удѣльныхъ князей; за великими князьями Московскими было фактическое превосходство силы и значенія, и они не слишкомъ стѣснялись условіями договоровъ, коль скоро строгое исполненіе послѣднихъ не согласовалось съ интересами ихъ. Независимо отъ указанныхъ договорныхъ условій, князья иногда взаимно обязуются каждый блюсти служилыхъ людей другаго князя, живущихъ въ удѣлѣ ихъ, наравнѣ съ собственными служилыми людьми; впрочемъ послѣднее обязательство установлялось только между удѣльными князьями, входившими въ составъ одного и того же великаго княженія (3).

Послѣ всего сказаннаго нами естественно возникаетъ вопросъ: по чему же отъѣздъ обыкновенныхъ служилыхъ людей не влекъ за собою, по крайней мѣрѣ юридически, лишенія вотчинъ, тогда какъ подобное лишеніе имѣло мѣсто въ подобныхъ же случаяхъ относительно князей служебныхъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Опредѣленія перваго рода составляютъ очевидно наслѣдіе предшествовавшаго періода, остатокъ свободныхъ формъ государ-

---

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 28.

(2) Ibid. I. № 77, 119.

(3) Ibid. I. № 43, 46, 49, 52, 56, 60 и др.

ственной жизни, господствовавшихъ въ теченіе его. По древнерусскому воззрѣнію служба въ дружинѣ княжеской предоставлялась личному усмотрѣнію каждаго; каждый служилъ тому князю, которому хотѣлъ служить, не лишаясь вслѣдствіе этого имущества, состоящаго въ удѣлѣ другаго князя. Если мы и видимъ что одинъ князь овладѣваетъ имуществомъ дружинника другаго князя при овладѣніи удѣломъ послѣдняго,—то это составляетъ явленіе военнаго времени, составляетъ явленіе времени, неподходящаго подъ уровень постояннаго порядка вещей. Эти остатки началъ государственной жизни перваго періода слишкомъ вошли въ русскую жизнь, чтобы исчезнуть скоро и безслѣдно; много борьбы пришлось употребить государямъ Московскимъ для подавленія ихъ,—и вотъ мы видимъ что Великіе Князья Московскіе, видя невозможность нанести рѣшительный ударъ этимъ традиціямъ удѣльно-вѣчеваго періода, узаконяютъ ихъ въ договорахъ своихъ съ другими князьями русскими, фактически подготовляя окончательное ослабленіе и уничтоженіе ихъ. Только въ началѣ XVI вѣка Московскій Великій Князь считаетъ возможнымъ открыто признать старый порядокъ вещей недѣйствительнымъ, по крайней мѣрѣ относительно Ярославскихъ служилыхъ людей; именно въ духовной грамотѣ В. К. Ивана III Васильевича (1504 г.) въ первый разъ читаемъ слѣдующее постановленіе: „а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына отъ Василья не отъѣхати никому никуда; а кто отъѣдетъ, и земли ихъ сыну моему; а служатъ ему, и онъ у нихъ въ ихъ земли не вступается“ (1). Почему въ договорныхъ грамотахъ встрѣчается противоположное опредѣленіе относительно служебныхъ князей, лишеніе которыхъ вотчинъ въ случаѣ отъѣзда признается вполнѣ открыто,—объяснить трудно, не выходя изъ области гипотезъ. Очень вѣроятно, что опредѣленія подобнаго рода имѣли мѣсто вслѣдствіе особаго отношенія служебныхъ князей къ Великимъ Князьямъ; кромѣ простой служебной связи существовала между ними болѣе крѣпкая нравственная связь, основанная на клятвѣ. По крайней мѣрѣ въ договорной грамотѣ В. К. Василія Васильевича съ В. К. Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 144.

(1451 г.) встрѣчается выраженіе наводящее на эту мысль, а именно: „А кто моихъ князей отъѣдетъ къ тебѣ служебныхъ, и въ тѣхъ ти вотчины не вступатися, кого *ми Богъ поручилъ*, ни твоимъ дѣтямъ, ни твоей братьѣ молодшей (1). Причина по которой служебные князья были обязываемы клятвою можетъ быть объяснена временемъ происхожденія этого класса служилыхъ людей. Служебные князья впервые появляются въ Московскомъ государствѣ уже въ эпоху значительнаго усиленія Москвы,—слѣдовательно составляли новое учрежденіе, не имѣвшее примѣра въ періодѣ удѣльно-вѣчевомъ. Новизна этого класса и могла побудить великихъ князей Московскихъ, принимая ихъ съ вотчинами въ службу, требовать отъ нихъ клятвеннаго обѣщанія въ вѣрности, изъ опасенія чтобы они впослѣдствіе не ослабили территорію Московскую переходомъ съ вотчинами на службу другаго князя. Примѣняя требованіе клятвы ко вновь возникшему разряду лицъ и признавая свободное право отъѣзда безъ потери вотчинъ для обыкновенныхъ служилыхъ лицъ,— Великіе Князья не нарушали старины, не давали повода къ нареканіямъ на себя. Такимъ образомъ цѣлью клятвы служебныхъ князей была неотчуждаемость вотчинъ ихъ; отказавшись отъ послѣдней служебный князь былъ свободенъ отъѣхать къ кому угодно. Клятва подобнаго рода существенно отличается отъ клятвенныхъ и поручныхъ записей, которыя со второй половины XV вѣка стали требовать отъ служилыхъ людей государи московскіе и о которыхъ подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ; между тѣмъ какъ записи эти имѣли своею непосредственною цѣлью закрѣпленіе за Московскимъ государствомъ самой личности служилаго человѣка, указанная нами клятва закрѣпляла за Москвою только вотчину его, но не личность. Независимо отъ опредѣленій о судьбѣ вотчинъ лицъ, отъѣхавшихъ съ Московской службы, впослѣдствіе времени встрѣчаемъ мы различнаго рода ограниченія вотчинниковъ вообще относительно распоряженія вотчинами ихъ, причемъ весьма послѣдовательно проводится въ Московскомъ законодательствѣ различіе вотчинъ родовыхъ, выслуженныхъ или пожалованныхъ и купленныхъ. Всѣ эти опредѣленія вытекали изъ того же

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 77.

принципа служебнаго значенія поземельной собственности,— но объ этомъ скажемъ ниже.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію основаній *обязательной службы съ помѣстій*. Подъ помѣстьемъ разумѣлась недвижимая собственность, представляемая государствомъ частному лицу подъ условіемъ обязательнаго отбыванія съ нея службы. Такъ какъ земля по понятіямъ того времени считалась мѣриломъ служебной силы извѣстнаго лица и средствомъ, дававшимъ ему возможность нести службу въ пользу государства, и такъ какъ не всѣ лица, услуги которыхъ могли бы быть полезны государству, обладали недвижимою собственностью на правѣ вотчинномъ,—то понятнымъ дѣлается стремленіе государства воспользоваться службою этихъ лицъ, предоставивъ имъ средства для осуществленія этой службы, средства, заключавшіяся въ обладаніи поземельною собственностью. И вотъ государство, стремясь къ этой цѣли, восполняетъ недостатокъ поземельной собственности у подобныхъ лицъ, предоставляя имъ помѣстья, т. е. поземельныя владѣнія подъ обязательствомъ службы. Таково возникновеніе помѣстій. Но спрашивается теперь, когда возникла помѣстная система? Въ разрѣшеніи этого вопроса легко прійти къ ошибочнымъ выводамъ, если не выяснить предварительно различіе существующее между *кормленіемъ* и *помѣстьемъ*. Оба понятія эти не только не тожественны, но, напротивъ, между ними существуетъ ощутительное различіе. *Помѣстье* дается какъ средство для отбыванія службы, слѣдовательно дача помѣстья является основаніемъ службы. *Кормленіе*-же соединяется съ самою службою, притомъ здѣсь основаніемъ отношенія, возникающаго между частнымъ лицемъ и государствомъ, является сама служба; вознагражденіе за эту службу непосредственно вытекаетъ изъ самой службы, является актомъ, неразрывно связаннымъ съ самымъ отправленіемъ ея. Объяснимъ примѣромъ. Государство представляетъ частному лицу владѣніе поземельнымъ участкомъ подъ условіемъ обязательной службы съ этой земли, т. е. при помощи матеріальныхъ средствъ, извлекаемыхъ имъ изъ этого владѣнія,—здѣсь является очевидно дача помѣстья. Государство предоставляетъ извѣстному лицу отправленіе какой либо должности съ правомъ взиманія на свое содержаніе извѣстныхъ доходовъ отъ самой должности этой, напримѣръ въ видѣ натуральныхъ

поборовъ съ управляемыхъ, въ видѣ поземельныхъ, судебныхъ, брачныхъ пошлинъ, и т. п.; здѣсь является очевидно дача кормленія. Въ первомъ случаѣ основаніемъ извлеченія матеріальныхъ средствъ является хозяйственная дѣятельность лица,—но это извлеченіе матеріальныхъ средствъ обязуетъ помѣщика обязательною службою. Во второмъ случаѣ основаніемъ и способомъ извлеченія матеріальныхъ средствъ служитъ отправленіе кормленщикомъ извѣстныхъ служебныхъ функцій. Съ первыхъ страницъ русской исторіи встрѣчаемъ мы указанія лѣтописей на то, что князья сажали дружинниковъ своихъ по городамъ; договоры съ Греками свидѣтельствуютъ о существованіи по городамъ мужей, подвластныхъ князьямъ Кіевскимъ; подобныя указанія имѣются и относительно позднѣйшихъ временъ. Очевидно, что въ этихъ свидѣтельствахъ идетъ рѣчь о кормленіяхъ, но никакъ не о раздачѣ помѣстій. И такъ кормленія современны основанію русскаго государства, помѣстная-же система возникла несравненно позже. Мы въ предшествовавшемъ очеркѣ имѣли уже случай указать причины, по которымъ не могло возникнуть въ русской землѣ поземельныхъ отношеній между князьями и ихъ дружинниками въ эпоху первыхъ князей русскихъ, и что вслѣдствіе этого древнерусская государственная жизнь, сложившись вполнѣ оригинальнымъ образомъ, приняла совершенно противоположное направленіе сравнительно съ западно-европейскими государствами. Мы указали также на причины, по которымъ не могло возникнуть твердыхъ поземельныхъ отношеній между князьями и дружинниками и въ періодъ удѣльно-вѣчевой. Помѣстная система въ собственномъ смыслѣ этого слова впервые возникла въ русской землѣ послѣ погрома татарскаго, когда постепенно усиливающаяся Москва вступаетъ въ преслѣдованіе задачи своей—объединенія земли русской подъ единодержавіемъ государей Московскихъ. Къ установленію этой системы привела потребность въ постоянномъ и правильно организованномъ служиломъ классѣ, а осуществленію ея способствовало сосредоточеніе въ рукахъ Великихъ Князей Московскихъ значительной массы недвижимой собственности. Конечно и въ теченіи удѣльно-вѣчеваго періода могли встрѣчаться частные случаи пожалованія князьями въ пользованіе дружинникамъ принадлежавшихъ имъ земель, но дѣло

въ томъ, что лишь въ эпоху усиленія Москвы получаетъ государственное и самостоятельное значеніе подобная раздача, развиваясь мало по малу въ обширную помѣстную систему. Первымъ дошедшимъ до насъ извѣстіемъ о дачѣ помѣстій слѣдуетъ считать слѣдующее свидѣтельство духовной грамоты Ивана Даниловича Калиты (1328 г.): „А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Борису Ворчкову, аже имѣть сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не имѣть ли служити дѣтямъ моимъ, село отоимуть“ (1). Это свидѣтельство интересно и въ томъ отношеніи, что оно подтверждаетъ сказанное нами объ обстоятельствѣ, способствовавшемъ развитію помѣстной системы—сосредоточеніи въ рукахъ князей поземельной собственности; Иванъ Даніиловичъ даетъ въ помѣстье землю, пріобрѣтенную имъ именно посредствомъ купли. Изъ духовной грамоты Верейскаго Князя Михаила Андреевича (1486 г.) видимъ мы, что въ его время помѣстная система является уже учрежденіемъ вполнѣ развитымъ; въ грамотѣ этой читаемъ мы: „А которыя селы и деревни въ Новгородѣ Нижнемъ за моими князьями, и за бояры, и за дѣтьми за боярскими, за кѣмъ нибуди, и то все сыну же моему Василію“ (2). Въ Судебникѣ Великаго Князя Ивана III упоминается о *помѣщикахъ*; здѣсь помѣщикомъ названъ тотъ, „за которымъ земли великаго князя“ (3). Первымъ вполнѣ опредѣленнымъ свидѣтельствомъ о раздачѣ служилымъ людямъ помѣстій слѣдуетъ считать приговоръ 1550 г. Царя Ивана IV Васильевича и бояръ о дачѣ боярамъ, окольничимъ и дѣтямъ боярскимъ помѣстій. Этимъ приговоромъ опредѣлено раздать въ окружности Москвы, верстъ на 60 и 70 отъ города, помѣстья лучшимъ изъ служилыхъ людей указанныхъ чиновъ, именно тѣмъ, у которыхъ нѣтъ помѣстій и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ. На основаніи этого приговора даны помѣстья 28 боярамъ и окольничимъ въ размѣрѣ 200 четвертей на человѣка. Дѣти боярскіе для дачи имъ помѣстій раздѣлены на три статьи. Въ первую статью отчислено 33 человѣка дѣтей боярскихъ, которымъ данъ ок-

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 22.

(2) Ibid. I. № 121.

(3) Владим.-Будан. Христ: по ист. р п. II. 94.

ладъ равный окладу бояръ и окольничихъ, т. е. по 200 четвертей; во вторую статью отчислено 79 человѣкъ съ окладомъ по 150 четвертей; въ третьей статьѣ положено дать окладу по 100 четвертей. Дѣтямъ боярскимъ Новгородскимъ, Псковскимъ, Торопецкимъ, Ржевскимъ и Луцкимъ велѣно верстать помѣстья по двумъ статьямъ: въ первой статьѣ (7 человѣкъ) по 150 четвертей, во второй—по 100 четвертей. Всего на основаніи этого приговора верстаны помѣстья 1078 служилымъ людямъ; роздано-же имъ 151200 четвертей земли (1). Помѣстья служилымъ людямъ не всегда давались землями; такъ иногда въ качествѣ помѣстій давались дворы или различныя угодья и оброчныя статьи, напр. оброчныя бобровыя рѣки и озера, съ которыхъ и отбывалась Государева служба (2).

Такимъ образомъ установилась въ Московскомъ государствѣ обязательная служба съ вотчинъ и помѣстій.

При такомъ государственномъ значеніи вотчинъ и помѣстій понятнымъ дѣлается стремленіе Московскаго правительства къ постоянной регламентаціи не только помѣстныхъ, но и вотчинныхъ отношеній. Еще во второй четверти XV вѣка встрѣчаемъ уже ограниченія относительно права купли земель у нѣкоторыхъ лицъ; такъ въ договорныхъ грамотахъ князей встрѣчаемъ мы постоянно условіе о не покупкѣ земель „Ордынцевъ и дѣлюевъ“ (3). Изъ одной дополнительной статьи къ Судебнику Ивана IV видимъ мы, что въ правленія Ивана III и затѣмъ Василія Ивановича были установлены нѣкоторыя ограниченія относительно права распоряженія вотчинами. Именно, въ городахъ Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, Бѣлоозерѣ и Рязани вотчинникамъ дозволено было продавать свои вотчины только лицамъ, живущимъ по этимъ городамъ; помимо ихъ, на сторону, не дозволялось отчужденіе вотчинъ. Равнымъ образомъ запрещено Суздальскимъ, Ярославскимъ и Стародубскимъ князьямъ безъ вѣдома Государя продавать кому либо вотчины свои „мимо вотчичъ“, т. е. помимо родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдовать въ этихъ вот-

(1) Др. Рос. Вивл. VIII. 1.

(2) А. А. Э. I. № 236.

(3) С. Г. Г. и Д. I. № 45, 60, 71, 78, 84 и др.

чинахъ. Подтверждая эти постановленія, Иванъ IV Васильевичъ опредѣляетъ, что въ случаѣ совершенія подобной купли-продажи покупщикъ лишается денегъ, уплаченныхъ имъ за вотчину, а продавецъ—самой вотчины (которая отбиралась вѣроятно на Государя). (1)

Въ Судебникѣ Царя Ивана IV Васильевича опредѣляется, что если вотчина будетъ продана собственникомъ,—то дѣти и внучата послѣдняго не имѣютъ право выкупа. Право выкупа вотчины изъ чужаго рода предоставляется лишь братьямъ, сестрамъ или племянникамъ продавшаго, но и то только въ томъ случаѣ, если лица эти не находились въ числѣ свидѣтелей совершенія сдѣлки; въ противномъ же случаѣ они, какъ соучаствовавшіе въ отчужденіи, лишаются права выкупа отчужденной въ чужой родъ вотчины. При этомъ право выкупа отчужденной вотчины ограничивается сорокалѣтнимъ срокомъ. Лицо выкупившее вотчину въ теченіи установленнаго срока, не имѣетъ права снова отчуждать ее въ чужой родъ, но обязано передать ее въ своемъ родѣ,—только не родственникамъ бывшимъ свидѣтелями перваго договора продажи (2). Болѣе подробное свидѣтельство регламентаціи вотчинныхъ отношеній даетъ *Приговоръ 1562 года Царя Ивана IV Васильевича съ боярами о вотчинахъ*. Прежде всего этотъ приговоръ устанавливаетъ ограниченія для *служилыхъ князей*, потомковъ князей удѣльныхъ, въ распоряженіи родовыми „старинными“ вотчинами ихъ. Князьямъ этимъ воспрещается продавать, мѣнять или давать въ приданое за дочерьми и сестрами вотчины свои. Если служилый князь умретъ не оставивъ сыновей, вотчина его отбирается въ Государеву казну. Лица женскаго пола безусловно отстраняются въ наслѣдованіи вотчинами этими; дочерямъ и роднымъ сестрамъ дозволяется наслѣдовать только изъ „животовъ“, т. е. изъ движимаго имущества покойнаго. Если же умирающій и не оставляющій сына служилый князь пожелаетъ передать вотчину свою родственнику мужескаго пола, то онъ можетъ передать ему ее, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы получающій вотчину находился къ передающему въ такой степени родства, въ какой воспрещает-

---

(1) Судебникъ ц. Іоанна IV, изд. Башилова. Доп. Указъ № 120.

(2) Ibid. ст. 84.

ся между родственниками вступленіе въ бракъ; далѣе этой степени родства вотчина переходить не можетъ. Но и для наслѣдованія въ предѣлахъ этихъ степеней требуется чтобы государь учинилъ о томъ указъ свой, причемъ принимается во вниманіе качество самой вотчины, содержаніе духовнаго завѣщенія и *служба наслѣдующаго*. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вотчина считается выморочною и идетъ на Государя. Если служилый князь продастъ кому нибудь свою родовую вотчину, (исключая лицъ, имѣющихъ право на наслѣдство въ этой вотчинѣ),—въ такомъ случаѣ продажа считается недѣйствительною и вотчина отписывается также на Государя. Служилому князю, умирающему бездѣтнымъ дозволяется завѣщать вотчину на прожитокъ женѣ своей до самой смерти ея, по наступленіи которой вотчина отписывается на Государя. Если оставляемая вдовѣ на прожитокъ вотчина будетъ такъ велика, что превосходитъ мѣру потребности ея,—въ такомъ случаѣ Государь „о той вотчинѣ указъ учинитъ“. Если умретъ бездѣтнымъ *боярин* или *сынъ боярскій*, не оставивъ близкихъ родственниковъ,—въ такомъ случаѣ вотчина его отписывается на Государя, причемъ послѣдній выдаетъ изъ этой вотчины вдовѣ умершаго на прожитокъ „какъ ей можно прожити“, а также и на поминовеніе души покойнаго (1). Далѣе, въ 1573 году составленъ былъ „Приговоръ *о наслѣдованіи въ вотчинахъ Государева данья*“, т. е. жалованныхъ. Здѣсь разсматриваются два случая, различающихся на основаніи того, дана ли на пожалованную вотчину грамота, или не дана. Въ первомъ случаѣ предписывается слѣдовать смыслу самой жалованной грамоты: если въ грамотѣ сказано что вотчина дается въ наслѣдственную собственность —то она подчиняется общимъ постановленіямъ о наслѣдованіи; если вотчина жалована только до смерти жалуемаго, то послѣ него идетъ на Государя. Во второмъ случаѣ, т. е. если на вотчину не была дана грамота, вотчина идетъ по смерти вотчинника во всякомъ случаѣ на Государя, хотя бы послѣ умершаго и оставались дѣти. Въ этомъ же приговорѣ находимъ мы запрещеніе отдавать вотчины въ монастыри богатые землями; если же въ такой монастырь будетъ завѣщана вотчина, то запрещается записывать ее за

(1) А. И. I. № 154 (XVIII).

монастыремъ, но предписывается отдавать служилымъ людямъ, родственникамъ умершаго, „чтобы въ службѣ убытка не было *и земля бы изъ службы не выходила*“. Въ монастыри же небогатые дозволяется давать вотчины, но не иначе какъ съ доклада Государю и по приговору бояръ (1). Ограниченія права вотчинниковъ отдавать вотчины „по душамъ“ въ монастыри безъ докладу Государю были установляемы и ранѣе, именно еще при Иванѣ III и за тѣмъ при Васильѣ Ивановичѣ (2). Монастырямъ, архіепископамъ и епископамъ запрещалось не только принимать жертвуемыя имъ вотчины, но даже и пріобрѣтать ихъ куплей. Въ 1557 году состоялся Приговоръ Царя и всего освященнаго Собора, по которому монастырямъ и духовенству запрещалось покупать, а „князьямъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людямъ“ продавать имъ вотчины; будучи совершена, подобная купле-продажа признавалась недѣйствительною и влекла для покупщика потерю покупной суммы, а для продавца потерю вотчины, отбиравшейся на Государя (3). При этомъ было опредѣлено, что волости, села, рыбныя ловли, оброчныя деревни и всякія угодья, данныя боярами монастырямъ и духовенству послѣ смерти В. К. Василія Ивановича, возстановляются въ прежнее состояніе, „какъ было при Великомъ Князѣ Васильѣ“ (4). Въ 1581 году состоялся Соборный Приговоръ, въ которомъ подтверждено запрещеніе монастырямъ и духовенству пріобрѣтать вотчины. Если вотчинникъ желаетъ отдать вотчину свою „по душѣ“ въ монастырь, то послѣднему позволяется брать лишь цѣну ея; самая-же вотчина идетъ родственникамъ, хотя бы и далекимъ; если же и послѣднихъ не окажется,—то вотчина отбирается на Государя, а цѣна ея уплачивается монастырю изъ казны (5). Въ видахъ исправнаго отправленія службы съ вотчинъ, установлены при Иванѣ IV льготы для лицъ, закладывающихъ вотчины свои подъ обезпеченіе долга, съ предо-

---

(1) А. И. I. № 154 (XIX).

(2) Судебн. Іоанна IV, изд. Башил. Доп. Ук. № 129.

(3) Ibid. № 123.

(4) Ibid. № 126.

(5) А. А. Э. I. № 308.

ставленіемъ заимодавцу взамѣнъ процентовъ права воздѣлыванія земли въ этой вотчинѣ,—что было очевидно невыгодно для матеріальнаго благосостоянія служилаго человѣка. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства въ 1558 году велѣно было возвращать заложенныя такимъ образомъ вотчины въ пользованіе собственниковъ ихъ, съ разсрочкою уплаты долга на пятилѣтній срокъ; только въ случаѣ неуплаты долга въ теченіе этого срока вотчина снова поступала въ хозяйственное распоряженіе кредитора (1).

Относительно регламентаціи помѣстныхъ отношеній сохранилось до нашего времени мало свидѣтельствъ отъ XVI вѣка. Помѣстье по смерти помѣщика могло переходить къ сыну его, но только при томъ условіи, чтобы послѣдній способенъ былъ къ опредѣленной съ помѣстья службы; если же онъ оказывался неспособнымъ къ службѣ, то помѣстье къ нему не переходило, но опредѣлено было „въ то мѣсто прибрати иного“ (2). Данное разъ помѣстье не выходило тѣмъ самымъ изъ подъ наблюденія правительства; напротивъ, оно постоянно наблюдало, чтобы помѣстье было въ соотвѣтствіи со службою служилаго человѣка. Одна изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику Ивана IV предписываетъ пересмотрѣть, не владѣютъ ли нѣкоторые служилые люди уже слишкомъ значительнымъ количествомъ земель, а съ другой стороны, не оскудѣли ли другіе до степени несоотвѣтственности несомой ими службы съ помѣстьями и вотчинами ихъ. Для уничтоженія неравномѣрности подобнаго рода повелѣно было произвести посредствомъ замлемѣрія уравненіе въ помѣстьяхъ, находящихся въ рукахъ служилыхъ лицъ, причемъ велѣно „учинити каждому, что достойно“; земли оставшіяся за передѣломъ свободными предписано раздать въ помѣстья неимущимъ (3). Если оказывалось что помѣстье данное служилому человѣку приходило въ несоотвѣтствіе со службою его, то ему нерѣдко производилось уравненіе черезъ прибавку къ помѣстью его какихъ либо угодій, напримѣръ, бобровыхъ ловель въ

(1) Судебн. Іоанна IV, изд. Башил. Доп. Ук. № 141.

(2) Др. Рос. Вивл. VIII. 2,

(3) Судебн. Іоанна IV, изд. Баш. Доп. Ук, № 104.

рѣкахъ и озерахъ ([1]). Равнымъ образомъ постоянно заботилось правительство и о томъ, чтобы помѣстья не были оставляемы въ рукахъ лицъ недостойныхъ владѣть ими. Такимъ образомъ встрѣчаемъ опредѣленія объ отнятіи въ видѣ наказанія вотчинъ и помѣстій за нѣкоторыя преступленія; въ подобномъ случаѣ отобранныя вотчины и помѣстья раздавались родственникамъ преступника, а если таковыхъ не оказывалось,—то безпомѣстнымъ служилымъ людямъ ([2]).

Въ началѣ развитія помѣстной системы, пока дача помѣстій представляла лишь частные случаи и слѣдовательно не составляла никакой особенной трудности, дѣло это возлагалось князьями на *дворскихъ*, какъ на лицъ, завѣдовавшихъ недвижимою собственностью князей ([3]). Но съ учащеніемъ случаевъ раздачи помѣстій, съ обращеніемъ ихъ постепенно въ правильную и на государственныхъ началахъ обоснованную систему, является для завѣдыванія помѣстными дѣлами особый *Помѣстный Приказъ*, въ первый разъ упоминаемый въ источникахъ, если не ошибаемся, въ 1573 году подъ названіемъ Помѣстной Избы ([4]). Впрочемъ еще раньше этого года (въ 1563 г.) упоминается о дьякахъ, которымъ *приказаны были* помѣстныя дѣла ([5]). Этому же приказу поручено было и вѣданіе вотчинными отношеніями, на которыя распространенъ былъ контроль правительства. Какъ относительно вотчинъ, такъ и относительно помѣстій, Помѣстный Приказъ имѣлъ слѣдующій кругъ дѣлъ: 1) велъ списки всѣхъ вотчинъ и помѣстій; 2) слѣдилъ за движеніемъ ихъ какъ между казною и частными лицами, такъ и между послѣдними: ни одна сдѣлка по отношенію къ вотчинамъ и помѣстьямъ не могла быть совершена безъ вѣдома этого приказа; 3) завѣдывалъ жалованьемъ вотчинъ и помѣстій и отобраніемъ ихъ у частныхъ лицъ и 4) вѣдалъ всѣ тяжбы и споры по вотчиннымъ и помѣстнымъ дѣламъ. Для безопасности и упроченія оборота, на владѣніе какъ вотчинами,

---

([1]) А. А. Э. I. № 326.

([2]) А. И. I. № 154 (XX).

([3]) Сергѣев. В. и К. 378,

([4]) А. И. I, № 154 (XIX).

([5]) Неволинъ, Сочин. VI. 162.

такъ и помѣстьями, установлены были особыя грамоты, выдача которыхъ составляла одинъ изъ предметовъ вѣдомства Помѣстнаго приказа ( ).

И такъ мы видимъ что уже къ концу XVI вѣка вотчинныя и помѣстныя отношенія, принявъ вполнѣ государственное значеніе, образовали правильную систему, служившую твердымъ основаніемъ организаціи служилаго класса Московскаго государства. Перейдемъ теперь къ обозрѣнію *дальнѣйшаго развитія вотчинной и помѣстной системы по памятникамъ XVII вѣка.*

Въ теченіе всего XVII вѣка организація помѣстныхъ и вотчинныхъ отношеній не переставала быть предметомъ ревностныхъ попеченій Московскаго правительства, вызывая множество законодательныхъ опредѣленій, причемъ Московское правительство, взявъ на себя заботу о правильной организаціи этихъ отношеній, продолжаетъ имѣть въ виду служебное значеніе вотчинъ и помѣстій.

Мы видѣли что еще Иванъ IV роздалъ служилымъ людямъ въ окрестностяхъ Москвы до 151200 четвертей земель въ помѣстья. Въ XVII вѣкѣ надѣлъ служилыхъ людей помѣстьями имѣлъ обширное примѣненіе въ предѣлахъ всего царства русскаго. Каждый молодой человѣкъ, достигшій служебной зрѣлости, при наличности нѣкоторыхъ другихъ условій, получалъ право а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность быть зачисленнымъ въ число служилыхъ людей и получить помѣстье. Эта служебная зрѣлость предполагалась не ранѣе какъ съ достиженіемъ пятнадцатилѣтняго возраста. Надѣлъ помѣстьями и денежными окладами, или, выражаясь технически, *верстаніе помѣстьями* и денежными окладами, производилось черезъ посредство присяжныхъ *окладчиковъ*, которые относили *новиковъ* т. е. лицъ, впервые подлежащихъ помѣстному надѣлу, смотря по служебной ихъ годности, къ одной изъ установленныхъ для этой цѣли статей. Окладчиками при верстаньи должны были быть служилые люди тѣхъ городовъ, къ которымъ приписаны были лица подлежащія верстанію. Эти окладчики обязывались крестнымъ цѣлованіемъ и крестоцѣловальною записью не дружить и не мстить никому исполненіемъ своей обязанности, не брать взятокъ за неправильное верстанье, говорить по правдѣ, кто изъ

---

(1) Уложенія 1649 г. XVII. 25.

новиковъ уже служитъ и кто изъ нихъ еще не находится въ службѣ, хотя и *поспѣлъ* къ ней; затѣмъ они обязаны были доставлять свѣдѣнія о томъ, сколько въ ихъ городѣ недорослей и какихъ лѣтъ, сколько за каждымъ или за родителями его помѣстій и вотчинъ, кто изъ новиковъ годенъ и кто изъ нихъ не годенъ къ службѣ, и, если годенъ, то по какой статьѣ можетъ быть верстанъ и т. п. Окладчики выбирались тѣми самыми городами, новиковъ которыхъ должны были верстать; если старые окладчики выбывали— города должны были избрать новыхъ изъ лучшихъ людей, давая выборныя записи за подписями избирателей. Окладчикамъ запрещалось верстать дѣтей неслужилыхъ отцевъ, но только такихъ, отцы которыхъ служили въ дѣтяхъ боярскихъ, притомъ верстать новиковъ дозволялось лишь окладами низшими сравнительно съ окладами отцовъ и старшихъ братьевъ ихъ. Верстаніе дѣтей неслужилыхъ отцовъ угрожало окладчикамъ великою опалою Государя. Порядокъ самаго верстанія изображенъ подробно въ „Наказѣ о верстаніи во всѣхъ городахъ дѣтей боярскихъ и недорослей, способныхъ къ службѣ, помѣстными и денежными окладами", 1652 года (1). Для руководства и высшаго надзора за производствомъ верстанія назначался кто либо изъ старшихъ или среднихъ чиновъ служилыхъ лицъ съ придачею ему въ помощь дьяка или подъячаго для завѣдыванія письмоводствомъ; такъ, напримѣръ, для верстанія 1652 года назначенъ былъ окольничій князь Долгоруковъ и дьякъ Тимашевъ (2). Разсмотримъ условія, постановленныя въ этомъ наказѣ для верстанія новиковъ.

Норма верстанія было не одинакова, смотря по городамъ, къ которымъ приписаны были тѣ или другіе новики; притомъ новикамъ уже служащимъ назначаются большіе оклады, нежели новикамъ, не служившимъ еще. Такъ, напримѣръ, въ городахъ Тулѣ, Коширѣ, Калугѣ и др. назначены оклады *новикамъ служилымъ* по четыремъ статьямъ, именно: *по первой статьѣ*—350 четвертей помѣстнаго оклада при 12 рубляхъ денежнаго оклада, *по второй статьѣ*—300 четвертей помѣстнаго оклада и 10 рублей денежнаго, *по третьей*

(1) П. С. Р. З. I. № 86.

(2) См. также ibid. I. № 615.

статьѣ—250 четвертей помѣстнаго и 9 рублей денежнаго оклада, *по четвертой статьѣ*—200 четвертей помѣстнаго и 7 рублей денежнаго оклада. *Новикамъ неслужилымъ* назначено: *по первой статьѣ*—300 четв. помѣстнаго и 10 рублей денежнаго оклада, *по второй статьѣ*—250 четвертей помѣстнаго и 8 рублей денежнаго, *по третьей статьѣ*—200 четв. помѣстнаго и 7 рублей денежнаго, а *по четвертой статьѣ*—150 четв. помѣстнаго и 5 рублей денежнаго оклада. Подобные же оклады назначены въ 1675 году и для верстанія новиковъ въ городахъ Суздалѣ, Владимірѣ, Ниж. Новгородѣ, Гороховцѣ и Арзамасѣ, съ незначительными измѣненіями по нѣкоторымъ статьямъ только въ денежныхъ окладахъ; существенное отличіе здѣсь только то, что для обоихъ разрядовъ новиковъ прибавлена еще пятая статья, именно: для *служилыхъ новиковъ* 150 четвертей помѣстнаго и 6 рублей денежнаго, а для *неслужилыхъ новиковъ* 100 четвертей помѣстнаго и 5 рублей денежнаго оклада. Здѣсь же установляется и размѣръ верстанія помѣстій для *новиковъ изъ казаковъ*, по тремъ статьямъ, именно для *служилыхъ* новиковъ-казаковъ установлено давать *по первой статьѣ*—200 четв. помѣстнаго и 7 рублей денежнаго, *по второй статьѣ*—150 четв. помѣстнаго и 5 или 6 руб. денежнаго, *по третьей статьѣ*—100 четв. помѣстнаго и 5 рубл денежнаго оклада; для *неслужилыхъ* новиковъ-казаковъ *по первой статьѣ*—150 четв. помѣстнаго и 5 руб. денежнаго, *по второй статьѣ*—100 четв. помѣстнаго и 5 руб. денежнаго, *по третьей статьѣ*—80 четв. помѣстнаго и 4 руб. денежнаго оклада (1). При верстаніи новиковъ обращается вниманіе на помѣстные оклады отцовъ ихъ; сообразно съ послѣдними подвергается модификаціи назначеніе нормальныхъ новичныхъ окладовъ. Въ этомъ отношеніи приведенный выше наказъ 1652 года представляетъ слѣдующія данныя: если у служилаго отца отъ 3 до 5 сыновей новиковъ, а помѣстья за нимъ 500 четвертей и болѣе, то двое младшихъ сыновей записываются въ службу съ отцовскаго помѣстья, старшіе же получаютъ полные помѣстные оклады; денежные оклады назначаются всѣмъ братьямъ „*поспѣвшимъ*“ въ службу безъ различія. Если за отцомъ менѣе 500 четвер-

(1) П. С. Р. З. I. № 615.

тей помѣстнаго оклада, то на службу съ его помѣстья записывается только одинъ сынъ. Если у служащаго лица отъ 2 до 5 сыновей, а помѣстья за нимъ отъ 100 до 300 четвертей, то на отцовское помѣстье записывается одинъ только сынъ, остальнымъ же назначаются полные помѣстные оклады; денежные оклады даются всѣмъ братьямъ безъ различія. Если отъ 2 до 4 братьевъ живутъ на прожиточныхъ помѣстьяхъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 500 четвертей, то на этихъ помѣстьяхъ оставляются 2 брата, остальные-же подлежатъ новичному верстанію, если достигли служебной зрѣлости; денежные же оклады назначаются всѣмъ. Если на прожиточныхъ помѣстьяхъ живетъ по одному сыну и если размѣръ этихъ помѣстьевъ отъ 50 до 200 четвертей, то лица эти, если они „добры и служатъ", подлежатъ верстанію по соображенію служебной годности ихъ. Если отъ 2 до 3 братьевъ живутъ на прожиточномъ помѣстьи въ 300 четвертей и менѣе и, достигши служебной зрѣлости, бьютъ челомъ о верстаніи ихъ помѣстьями, то они верстаются по соображенію годности ихъ, если только они „добры и въ службу поспѣли". Дѣти боярскіе живущіе съ вотчинъ своихъ, но не верстанные еще помѣстными окладами и не служившіе, подлежатъ верстанію, если въ состояніи отбывать службу; равнымъ образомъ подлежатъ верстанію и новики безпомѣстные и безвотчинные, живущіе вслѣдствіе этого у родственниковъ своихъ, если окажется что отцы ихъ служили. Слѣдовательно во всѣхъ случаяхъ *служба отца служитъ непремѣннымъ условіемъ для верстанія новиковъ помѣстьями*; если же они сыновья неслужилыхъ отцевъ, то могутъ пріобрѣсти помѣстья не иначе, какъ за выслугу. Окладчикамъ запрещается верстать помѣстьями новиковъ *худыхъ и увѣчныхъ*, совершенно негодныхъ къ службѣ, затѣмъ *недорослей*, т. е. недостигшихъ служебной зрѣлости и наконецъ *дѣтей неслужилыхъ отцовъ*, какъ было замѣчено выше; при верстаніи окладчикамъ вмѣняется въ обязанность наблюдать, чтобы никто изъ новиковъ „подставомъ и инымъ никакимъ воровствомъ не верстался". По окончаніи процесса верстанія, окладчики должны были пересмотрѣть всѣхъ поверстанныхъ въ лице, объявить каждому назначенный ему окладъ и статью по которой онъ верстанъ. Затѣмъ по каждому городу составлялись *десятные списки* съ означеніемъ въ нихъ размѣровъ назначенныхъ новикамъ денежныхъ и помѣстныхъ окладовъ,

размѣра помѣстьевъ и вотчинъ числящихся за каждымъ изъ нихъ, съ означеніемъ количества въ послѣднихъ крестьянъ, затѣмъ каковъ кто по сказкѣ окладчиковъ на Государевой службѣ будетъ „коненъ, и оруженъ, и люденъ“, и съ указаніемъ наконецъ лицъ бывшихъ окладчиками при верстаніи. Десятни эти отсылались въ Разрядъ вмѣстѣ съ имянными списками самыхъ новиковъ.

Въ Уложеніи 1649 года встрѣчаемъ мы опредѣленія относительно размѣра помѣстій, назначаемыхъ служилымъ людямъ различныхъ чиновъ въ Московскомъ уѣздѣ. Такъ изъ количества полнаго помѣстнаго оклада служилаго человѣка опредѣлено давать въ Московскомъ уѣздѣ: боярамъ по 200 четвертей на каждаго; окольничимъ и думнымъ дьякамъ по 150 четвертей; стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, дьякамъ, головамъ Московскихъ стрѣльцовъ, степеннымъ и путнымъ ключникамъ по 100 четвертей; служащимъ по выбору городовымъ дворянамъ по 70 четвертей; жильцамъ, стремяннымъ конюхамъ и сотникамъ Московскихъ стрѣльцовъ по 50 четвертей; дворовымъ людямъ, стряпчимъ, сытникамъ, дѣтямъ боярскимъ „царицына чина“ опредѣлено назначать въ Московскомъ уѣздѣ по 10 четвертей на каждыя сто четвертей полнаго помѣстнаго оклада ихъ (1). Такъ какъ при надѣлѣ служилыхъ людей помѣстьями необходимо должна была существовать неравномѣрность участковъ вслѣдствіе различнаго качества верстаемыхъ земель, обусловливаемая тѣмъ, что въ одной мѣстности земля могла быть лучшаго качества нежели въ другой,—то поэтому при раздачѣ помѣстныхъ участковъ имѣло мѣсто *одобриваніе* раздаваемыхъ земель, уравненіе ихъ. Сущность одобриванія состояла въ томъ, что для составленія двухъ или болѣе помѣстныхъ дачъ равной цѣнности, къ худоземельному участку *наддавали*, т. е. прибавляли, лишнее количество земли до тѣхъ поръ, пока участокъ въ отношеніи цѣнности и доходности своей не сравнивался съ участкомъ доброземельнымъ. Одобриваніе земель основывалось на троякомъ разсортированіи земель, смотря по качеству ихъ, на земли *добрыя*, *середнія* и *худыя*. Въ Уложеніи 1649 года опредѣлены и

(1) Уложеніе, XVI. 1.

способы одобриванія земель, именно: для одобренія средней земли положено наддавать на каждыя 100 четвертей средней земли по 25 четвертей средней-же земли; для одобренія худой земли положено наддавать на каждые 100 четвертей по 50 четвертей худой же земли. Такимъ образомъ, въ качественномъ отношеніи, 100 четвертей доброй земли уравнивались 125 четвертямъ средней и 150 четвертямъ худой земли. Но одобриваніе помѣстныхъ земель было ограничено во первыхъ тѣмъ, что производить его дозволялось только изъ *примѣрныхъ земель*, которыя окажутся въ дачахъ помѣщиковъ,—если же такихъ земель не оказывалось, то земля не одобривалась, такъ какъ для одобренія ея пришлось бы убавлять величину сосѣднихъ дачъ; во вторыхъ, одобриваніе ограничивалось тѣмъ, что оно запрещалось примѣнительно къ землямъ переписываемымъ служилымъ людямъ въ награду за службу изъ помѣстій въ вотчины ([1]).

Разъ установленные помѣстные оклады не оставались неизмѣнными для пожалованныхъ ими лицъ. Прежде всего увеличивался помѣстный окладъ съ переходомъ служилаго человѣка съ нисшей ступени чиновной іерархіи на высшую,—и это весьма понятно, такъ какъ высшимъ служилымъ чинамъ соотвѣтствовали и высшіе оклады. Далѣе производилась *наддача* къ помѣстнымъ окладамъ въ награду за службу ([2]), за участіе въ посольствахъ, отправляемыхъ въ чужіе края ([3]), на излеченіе ранъ, полученныхъ на службѣ Царской ([4]). Повышеніе помѣстныхъ окладовъ имѣло мѣсто и въ ознаменованіе какого либо радостнаго событія; такъ въ 1667 году, по случаю празднованія совершеннолѣтія Царевича Алексѣя Алексѣевича, прибавлено было къ помѣстнымъ окладамъ различныхъ служилыхъ чиновъ, смотря по значительности послѣднихъ, отъ 50 до 100 четвертей земли ([5]). Нерѣдко увеличивались помѣстные оклады прибавленіемъ къ нимъ тѣхъ или другихъ угодій, напримѣръ оброчныхъ боб-

---

([1]) Улож. XVI. 46. 48.

([2]) П. С. Р. З. I. № 11, 160, 264, 456 и др.

([3]) Котошихинъ. IV. 27.

([4]) П. С. Р. З. I. № 732.

([5]) Ibid. I. № 416.

ровыхъ и рыбныхъ рѣкъ и озеръ, лѣсныхъ дачъ, а иногда даже и совсѣмъ замѣнялись ими (1). Иногда помѣстные оклады дополнялись и даже замѣнялись денежными окладами; такъ въ 1654 году опредѣлено давать безпомѣстнымъ и безвотчиннымъ, а равнымъ образомъ и пустопомѣстнымъ служилымъ людямъ, т. е. такимъ, помѣстья которыхъ не были заселены крестьянами, по 15 рублей на человѣка наддачи; тѣмъ у которыхъ находилось отъ 1 до 14 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ велѣно также производить наддачу, но убавляя отъ нормальной наддачи въ 15 рублей по одному рублю за каждый наличный дворъ; имѣющимъ болѣе 15 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ не производилось никакой наддачи (2).

Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ производилась наддача служилымъ людямъ помѣстныхъ окладовъ, то въ другихъ случаяхъ оклады эти убавлялись и даже вовсе отбирались у нихъ. Прежде всего замѣтимъ что помѣстья, наравнѣ съ вотчинами, отбирались на Государя за государственную измѣну, за сообщеніе непріятелю вѣстей изъ русскаго лагеря, причемъ самъ измѣнникъ присуждался къ повѣшенію (3). Такъ какъ владѣніе помѣстьями обусловливалось службою, то поэтому побѣгъ со службы, равно какъ и всякое уклоненіе отъ послѣдней, влекли въ видѣ наказанія убавленіе или совершенное отнятіе помѣстья. Уложеніе 1649 года опредѣляетъ слѣдующія наказанія за побѣгъ со службы ратныхъ людей: за первый побѣгъ—тѣлесное наказаніе кнутомъ; за второй—тоже наказаніе съ присовокупленіемъ убавки 50 четвертей помѣстнаго оклада и денежнаго взысканія въ размѣрѣ одного рубля съ каждыхъ ста четвертей оклада; за третій побѣгъ слѣдовало тѣлесное наказаніе кнутомъ и отобраніе всѣхъ помѣстій. За побѣгъ служилаго человѣка съ боя опредѣляется убавлять до половины размѣръ помѣстнаго и денежнаго оклада его (4). Если служилый человѣкъ, желая избѣгнуть службы, будетъ отчуждать помѣстья или вотчины свои, то въ наказаніе за это онъ лишается послѣднихъ и онѣ

---

(1) А. А. Э. I. № 226, 236. Улож. XVI. 35. 36.

(2) П. С. Р. З. I. № 120. А. А. Э. III. № 238.

(3) Улож. VII. 20.

(4) Улож. VII. 8. 19. См. также П. С. Р. З. I. № 489.

отдаются другому контрагенту безвозмездно ([1]). Равнымъ образомъ влечетъ за собою потерю помѣстій и самовольное писаніе ихъ за собою вотчинами ([2]). Лице утаившее отцовское или свое собственное помѣстье прежней дачи съ тѣмъ, чтобы воспользоваться новою дачею, лишается въ наказаніе въ пользу уличившаго его челобитчика такого количества четвертей изъ вновь даннаго помѣстья, сколько четвертей утаено имъ изъ помѣстья старой дачи ([3]). Затѣмъ отобраніе помѣстій и вотчинъ являлось слѣдствіемъ наказанія служилаго человѣка ссылкою; причемъ даже и по возвращеніи изъ ссылки запрещалось возстановлять потерпѣвшему наказаніе помѣстья и вотчины его ([4]). Наконецъ лишеніе помѣстья могло воспослѣдовать и путемъ процессуальнымъ, такъ какъ помѣстье несостоятельнаго должника дозволялось обращать иногда на удовлетвореніе казны при взысканіи съ несостоятельнаго помѣщика казенныхъ пошлинъ и на удовлетвореніе исковъ, предъявленныхъ къ нему кредиторами. Въ приведенныхъ двухъ случаяхъ родственникамъ помѣщика предоставлялось право удержать помѣстье за собою, выплативъ ту сумму, въ которую оцѣнивалось предназначаемое на удовлетвореніе взысканій помѣстье ([5]). Замѣтимъ, что нѣкоторымъ служилымъ людямъ совершенно запрещалось давать помѣстья; къ числу ихъ принадлежали числившіеся въ вѣдомствѣ Земскаго Приказа *рѣшеточные прикащики*. Владѣніе помѣстьемъ тѣмъ самымъ дѣлало для нихъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ этой должности ([6]).

Служебная годность служилаго человѣка должна была съ лѣтами окончиться. Но это обстоятельство еще не влекло за собою отнятія отъ устарѣвшаго или отставленнаго за ранами и увѣчьемъ служилаго человѣка помѣстій его; Московское правительство заботилось о служилыхъ людяхъ своихъ и по окончаніи служебнаго поприща ихъ. Помѣстья оставлялись за помѣщикомъ устарѣвшимъ для службы, или вы-

---

([1]) Улож. XVI. 69.
([2]) Ibid. XVI. 51.
([3]) Ibid. XVI. 25.
([4]) П. С. Р. З. II. № 724.
([5]) Ibid. I. № 197.
([6]) Улож. XVI. 67.

бывшимъ изъ нея вслѣдствіе полученныхъ ранъ или увѣчья, при чемъ оно получало техническое названіе *прожитка* или *прожиточнаго помѣстья*, въ смыслѣ средства, предоставляемаго отставленному служилому человѣку для существованія *до живота*, т. е. до смерти его. При этомъ правительство бережно оберегаетъ эти прожиточныя помѣстья отъ всякаго сторонняго притязанія на нихъ; такъ, между прочимъ, Уложеніе 1649 года опредѣляетъ отказывать челобитчикамъ, просящимъ о передачѣ имъ помѣстья отставленнаго служилаго человѣка, съ оставленіемъ послѣднему на прожитокъ только части его, хотя бы они и мотивировали свое челобитье указаніемъ на значительную обширность помѣстья ([1]). Но, предоставляя отставленнымъ служилымъ людямъ въ прожитокъ помѣстья ихъ, правительство заботится вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, чтобы прожиточныя помѣстья эти не выходили изъ службы, что было бы очевидно невыгодно для него.

Разсмотримъ способы, которыми достигало Московское правительство послѣдней цѣли. Во первыхъ, достигало оно этой цѣли тѣмъ, что, освобождая устарѣвшихъ и увѣчныхъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ *полковой службы*, т. е. отъ службы полевой, назначало ихъ къ отправленію *городовой осадной службы*, т. е. гарнизонной, какъ службы болѣе легкой и покойной. Во-вторыхъ, достигало оно этой цѣли предоставленіемъ права служилымъ людямъ, бьющимъ челомъ о неспособности своей за старостью, увѣчьемъ или болѣзнями къ службѣ Царской, посылать вмѣсто себя безпомѣстныхъ и достигшихъ восемнадцатилѣтняго возраста дѣтей, братьевъ, племянниковъ и внучатъ своихъ „со всею своею службою и съ запасы“, если только лица эти не служатъ и не записаны ни въ какіе чины. Въ третьихъ, если обѣ указанныя мѣры не могли быть примѣнены въ данномъ случаѣ, правительство обязывало помѣщиковъ выставлять со своихъ помѣстій опредѣленное число *даточныхъ людей*, или, если они не пожелаютъ выставлять послѣднихъ натурою, уплачивать взамѣнъ ихъ опредѣленное количество такъ называемыхъ *задаточныхъ денегъ* ([2]). Наконецъ, въ четвертыхъ, правительство дозволяло отставленному служилому человѣку

([1]) Улож. XVI. 8. 61.

([2]) т. е. денегъ *за даточныхъ* людей. Ibid.

сдавать свое прожиточное помѣстье родственнику, напр. брату или племяннику, на котораго и переходили всѣ служебныя обязанности по этому помѣстью. Сдача помѣстья совершалась посредствомъ составленія особаго рода крѣпостнаго акта—*сдаточной записи*. Но для дѣйствительности сдѣлки недостаточнымъ считалось одной лишь послѣдней формальности: требовалось еще челобитье Государю и записка совершающейся передачи въ Помѣстномъ Приказѣ. Если не соблюдены предписанныя для сдачи помѣстья формальности, въ такомъ случаѣ несетъ невыгоды не только получающій владѣніе, но и сдатчикъ, такъ какъ помѣстье, не доставаясь ни одному изъ этихъ лицъ, переходитъ къ любому челобитчику, указавшему на обходъ закона. Въ „Новоуказныхъ статьяхъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ“ (1677 года) встрѣчаемъ нѣсколько новыхъ опредѣленій касательно сдачи помѣстій. Запрещается, напримѣръ, служилымъ людямъ сдавать болѣе половины своихъ помѣстій; здѣсь идетъ очевидно рѣчь о сдачѣ помѣстій лицами еще способными къ службѣ. Глухимъ, слѣпымъ и нѣмымъ безусловно дозволяется сдавать свои помѣстья; здѣсь имѣются очевидно въ виду интересы самой службы. Людямъ глупымъ и пьяницамъ совершенно запрещается сдавать помѣстья (1). Въ 1676 году издано узаконеніе, имѣвшее очевидно цѣлью ограничить случаи сдачи помѣстій съ единственною цѣлью временно избѣжать личнаго отправленія служебной повинности: опредѣляется что служилый человѣкъ, сдавшій помѣстье свое, этимъ самымъ навсегда лишаетъ себя права на полученіе новаго помѣстья (2). Въ сдаточную запись весьма часто включалось условіе объ обязанности новаго помѣщика давать передавшему помѣстье содержаніе до самой смерти его, „кормити до его живота“; ненарушимость послѣдняго условія строго охранялась законодательствомъ, угрожавшимъ нарушителю возстановленіемъ сдатчику переданнаго имъ владѣнія (3).

Въ теченіе разсматриваемаго нами періода времени *помѣстья все болѣе и болѣе сближаются съ вотчинами;* это можно видѣть, съ одной стороны, изъ допущенія со стороны

(1) П. С. Р. З. II. № 700.

(2) Ibid. № 633.

(3) Улож. XVI. 12. 9.

законодательства весьма значительной степени юридической обращаемости ихъ, изъ примѣнимости къ нимъ многихъ юридическихъ сдѣлокъ чисто частнаго характера, съ другой стороны, изъ стремленія законодательства къ тому, чтобы помѣстья удерживались во владѣніи членовъ одного и того же рода, и притомъ членовъ, стоящихъ на болѣе близкихъ степеняхъ родства съ первоначальнымъ помѣщикомъ. Къ помѣстьямъ примѣнялась въ весьма обширныхъ размѣрахъ *сдѣлка мѣны*, причемъ дозволялось мѣнять не только помѣстье на помѣстье, но даже помѣстье на вотчину. Для дѣйствительности мѣны требовалось составленіе *мѣновой записи* и челобитье о *росписк*ѣ помѣстій или помѣстья и вотчины за новыми владѣльцами въ Помѣстномъ Приказѣ. Законодательство установило и нѣкоторыя ограниченія мѣны помѣстій; такъ мѣняться дозволялось только участками земли одинаковой величины, дозволялось мѣнять только *четверть на четверть*; такимъ образомъ нельзя было мѣняться дачами не съ равнымъ количествомъ земли. Затѣмъ разрѣшалось мѣнять жилое помѣстье на жилое-же или пустое на пустое; мѣнять жилое помѣстье на пустое воспрещалось. Для нѣкоторыхъ помѣщиковъ существовали ограниченія права мѣнять свои помѣстья; такъ помѣщикамъ Бѣлозерскимъ дозволялось мѣняться помѣстьями только между собою, такъ что Бѣлозерецъ не могъ мѣняться помѣстьемъ съ помѣщикомъ другихъ областей. При мѣнѣ помѣстья на вотчину, или наоборотъ, дозволялось бить челомъ о перемѣнѣ самаго значенія мѣняемыхъ земель такъ, что помѣстная земля становилась вотчинною, а вотчинная обращалась въ помѣстную; при этомъ требовалось соблюденіе указанныхъ выше объективныхъ условій мѣны (1). Замѣтимъ, что въ законодательствѣ встрѣчаются опредѣленія о томъ, что помѣстья, принадлежащія одному классу служилыхъ людей, не могутъ переходить къ служилымъ людямъ другихъ классовъ. Такъ помѣстья русскихъ людей не могутъ быть даваемы инородцамъ и, обратно, помѣстья инородцевъ не могутъ переходить къ русскимъ; подобныя опредѣленія находимъ мы относительно помѣстій Татаръ, Мордвы, Чувашей, Черемисовъ, Вотяковъ, Башкировъ. Равнымъ образомъ воспрещается, какъ мы видѣли, переходъ

(1) Улож. XVI. 2. 7. 49.

бѣлозерскихъ помѣстій къ людямъ изъ другихъ областей и дача ихъ кому бы то ни было, исключая Бѣлозерцевъ (1).

Со смертью помѣщика, помѣстье его получало названіе *вымороченнаго* и, если у него оставались жена и дѣти, то изъ этого помѣстья давался прожитокъ женѣ и дочерямъ и помѣстныя дачи сыновьямъ. Оставшійся за этими выдѣлами излишекъ шелъ въ помѣстье безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ членамъ того же рода, а если таковыхъ въ родѣ не окажется, то онъ шелъ и въ чужіе рода, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что помѣстья Московскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ шли непремѣнно Московскимъ же служилымъ людямъ, а городовыхъ— городовымъ (2) Но могло случиться и такъ что, по выдѣлу помѣстныхъ окладовъ дѣтямъ, отъ вымороченнаго помѣстья не только не оставалось излишка, но самое помѣстье оказывалось сыновьямъ недостаточнымъ для отправленія съ него службы, напр. находилось въ городѣ раззоренномъ непріятелемъ. Въ этомъ случаѣ допускалось челобитье о дачѣ новаго помѣстья и, если оказывалось что челобитчикамъ дѣйствительно не съ чего служить, просьба ихъ удовлетворялась, при томъ впрочемъ условіи, чтобы дѣти не утаивали этихъ раззоренныхъ помѣстій; вообще утайка отцовскихъ помѣстій и своихъ собственныхъ помѣстій прежнихъ дачь, съ цѣлью воспользоваться новою дачею, строго преслѣдовалась закономъ (3). Уложеніе 1649 года предусматриваетъ между прочимъ случай, когда во время смерти отца сынъ его былъ въ непріятельскомъ плѣну и слѣдовательно ничего не получилъ изъ помѣстья отца своего, которое роздано было другимъ лицамъ; въ этомъ случаѣ сыну по возвращенію его изъ плѣна, хотя бы онъ пробылъ въ немъ 25 лѣтъ, возстановляется владѣніе отцовскимъ помѣстьемъ (4). Крайне интереснымъ является въ опредѣленіяхъ русскаго законодательства XVII вѣка одно узаконеніе, показывающее что русскому юридическому быту не чуждо было понятіе о *postumit'ѣ*, развитое, какъ извѣстно, римскимъ правомъ. Въ 1649 году встрѣчаемъ опредѣленіе о томъ, что если вдова остается послѣ смерти мужа беременною и родитъ сына, то появленіе на

(1) Улож. XVI. 14. 41. 43. 49.

(2) Ibid. XVI. 13.

(3) Улож. XVI. 24. 25. П. С. Р. З. II. № 694.

(4) Улож. XVI. 29.

свѣтъ младенца, postitum'a, уничтожаетъ невыгодныя для него измѣненія въ имущественныхъ отношеніяхъ, воспослѣдовавшія въ промежутокъ времени отъ смерти отца до рожденія его; именно, розданное въ родъ помѣстье умершаго отца поворачивается на новорожденнаго (1).

Посмотримъ теперь, въ какихъ размѣрахъ предоставляется прожитокъ вдозамъ и дочерямъ изъ помѣстій умершихъ мужей и отцовъ ихъ. Въ этомъ отношеніи русское законодательство различало три случая. Если дворянинъ или сынъ боярскій убитъ на Государевой службѣ „*въ полкѣхъ*“, т. е. во время военныхъ дѣйствій, то изъ помѣстнаго оклада его давалось на прожитокъ женѣ 20 четв., а дочерямъ по 10 четв. съ каждыхъ ста четвертей оклада убитаго. Если онъ естественною смертью умиралъ на Государевой службѣ, но опять таки во время военныхъ дѣйствій,—въ такомъ случаѣ давалось изъ его оклада женѣ 15 а дочерямъ по 7 четвертей съ осьминой съ каждыхъ ста четвертей. Если наконецъ, служилый человѣкъ, умретъ „*дома*“ т. е. не при отправленіи службы Царской,—въ этомъ случаѣ на прожитокъ женѣ и дочерямъ его выдѣлялось всего менѣе, а именно женѣ 10, а дочерямъ по 5 четвертей съ каждыхъ ста четвертей помѣстнаго оклада скончавшагося (2). Но могло случиться, что умиралъ служилый человѣкъ пользовавшійся помѣстьемъ покойнаго отца своего, будучи самъ еще не верстанъ. Такъ какъ въ данномъ случаѣ помѣстный окладъ умершаго не былъ опредѣленъ, то, имѣя въ виду что онъ долженъ былъ быть верстанъ по новичному окладу—законодательство съ этого-то оклада и выдѣляло прожитокъ женѣ и дочерямъ его; а именно, если служилый человѣкъ былъ убитъ или умеръ при отправленіи службы, въ такомъ случаѣ принимался въ соображеніе новичный окладъ большой или средней статьи, если же онъ умеръ дома, принимался новичный окладъ средней и меньшей статьи (3). Если жена принесла мужу за собою въ приданое имѣніе, то по смерти мужа это имѣніе и давалось ей на прожитокъ; если же мужъ при жизни своей промѣнялъ это приданное имѣніе, то на прожитокъ получала она то именно имѣніе, которое

(1) П. С. Р. З. I. № 14.

(2) Улож. XVI. 30. 32.

(3) Ibid. XVI. 33.

вымѣнено на него. Если приданнаго имѣнія, или имѣнія вымѣненнаго на него, оказывалось недостаточнымъ для прожитка, то оно добавлялось изъ мужнина помѣстнаго оклада, а въ случаѣ недостаточности и его—изъ вотчинъ мужа, но съ правомъ владѣнія только до новаго замужества, до постриженія въ монахини или до смерти, притомъ съ обязательствомъ не закрѣплять этой вотчинной земли никакими крѣпостями (1). Вдова и дочери умершаго служилаго человѣка получали полное право распоряженія прожиточными помѣстьями своими наравнѣ съ помѣщиками вообще. Такъ между прочимъ предоставлялось имъ и право сдачи помѣстья своего, съ обязательствомъ принимающаго „кормить ихъ до живота“; но дочерямъ—дѣвицамъ предоставлялось право сдачи прожиточнаго помѣстья не ранѣе какъ по достиженіи 15 лѣтняго возраста (2). При выходѣ замужъ вдовамъ и дочерямъ дозволялось приносить жениху прожиточныя помѣстья свои въ приданое, о чемъ должно было быть предъявлено челобитіе до свадьбы; въ противномъ случаѣ прожиточное помѣстье совершенно отбиралось отъ нихъ. Если прожиточное помѣстье вдовы и дочери было нераздѣльно, то при выходѣ одной изъ нихъ замужъ, справлялась за женихомъ только ея собственная доля, доля же второй оставалась неприкосновенною (3).

Вотъ въ общихъ чертахъ основы помѣстной системы, дѣйствовавшей въ теченіе всего Московскаго періода русской государственной жизни. Мы ограничимся приведенными нами свѣдѣніями. Полная разработка постановленій Московскаго законодательства касательно помѣстныхъ отношеній, которыми такъ изобилуетъ Уложеніе 1649 года и переполнены первые томы Полнаго Собранія Законовъ, представляетъ громадный и трудный матеріалъ, способный быть предметомъ отдѣльныхъ изслѣдованій и спеціальной разработки.

Обращаясь къ обозрѣнію *основъ вотчинныхъ отношеній* Московскихъ служилыхъ людей *въ теченіе XVII в.*,—мы считаемъ долгомъ оговориться, что не будемъ во всѣхъ подробностяхъ разсматривать этотъ вопросъ, во первыхъ пото-

(1) П. С. Р. З. II. № 633.
(2) Улож. XVI. 10. 11.
(3) Ibid. XVI. 17. 20.

му, что обширность подобной задачи потребовала бы слишкомъ много времени и, во-вторыхъ потому, что обозрѣніе вотчинныхъ отношеній болѣе входитъ въ сферу гражданскаго, нежели государственнаго права.

Замѣтимъ прежде всего, что по отношенію къ вотчинному праву Московское законодательство строго проводило различіе между вотчинами *старинными* (родовыми) и *выслуженными* (жалованными) съ одной стороны и *вотчинами купленными* съ другой. Этимъ различіемъ обусловливается и порядокъ наслѣдованія въ вотчинахъ. Такъ еще при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1628 и 1629 гг. установлено было, что если послѣ вотчинника останется бездѣтная жена и родственники его въ боковыхъ линіяхъ, то родовыя и выслуженныя вотчины его переходятъ къ послѣднимъ, т. е. къ родственникамъ въ боковыхъ линіяхъ, вдовѣ-же умершаго не дается права наслѣдовать въ этихъ вотчинахъ; она получаетъ изъ наслѣдства лишь $^1/_4$ движимаго имущества и свое приданое. Конечно не можетъ быть и рѣчи о томъ что, въ случаѣ наличности ихъ, прямыми наслѣдниками являются сыновья покойнаго. Если остаются сыновья и дочери, то вотчины переходятъ къ первымъ; дочери же получаютъ только указную часть на прожитокъ изъ оставшагося помѣстья. Но если братья умрутъ—сестры получаютъ право наслѣдованія въ вотчинахъ. Если послѣ вотчинника останутся только дочери или замужнія сестры, то имъ дозволяется бить челомъ о введеніи ихъ въ наслѣдство вотчинами. Слѣдовательно непосредственными наслѣдниками родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ являются сыновья, за отсутствіемъ послѣднихъ дочери, а если не остается ни сыновей, ни дочерей—то ближайшіе по степени родства боковые родственники, съ обязательствомъ внести за вотчины эти деньги на вѣчное поминовеніе умершаго. Что касается купленныхъ вотчинъ, то онѣ переходятъ ко вдовамъ вотчинниковъ на полномъ правѣ собственности и „вольно ей въ той вотчинѣ, какъ похочетъ, нѣтъ до нея никому дѣла“ (1). Вдова могла завѣщать такую вотчину кому захочетъ, но въ 1676 году опредѣлено было, что если по смерти ея не окажется никакого завѣщанія, въ такомъ случаѣ оставшаяся вотчина переходила въ родъ умершаго мужа ея, но отнюдь не къ родственникамъ покойной (2).

---

(1) Уложеніе. XVII. 1—2.
(2) П. С. Р. З. II. № 634.

Узаконенія Михаила Ѳеодоровича нѣсколько измѣнены въ Уложеніи 1649 года. Такъ между прочимъ опредѣлено, что если послѣ служилаго человѣка не остается ни помѣстій, ни купленныхъ вотчинъ, а между тѣмъ остается мать его или бездѣтная жена, не обладающія прожиточными имѣніями, то послѣднимъ по соображенію обстоятельствъ дозволяется давать на прожитокъ и изъ выслуженныхъ вотчинъ умершаго,—но съ обязательствомъ не продавать, не закладывать и не отдавать въ приданое и „по душѣ“ подобную прожиточную долю. Въ случаѣ замужества, постриженія или смерти владѣтельницы послѣдней, эта вотчинная доля возвращается въ родъ по общимъ положеніямъ о наслѣдованіи въ выслуженныхъ вотчинахъ (1). Если послѣ умершаго вотчинника остается жена и дѣти отъ различныхъ браковъ, а между тѣмъ наслѣдство состоитъ только изъ купленной вотчины (которая, какъ извѣстно должна была бы перейти къ женѣ), въ такомъ случаѣ эта купленная вотчина дѣлится по долямъ между вдовою и всѣми оставшимися дѣтьми (2). Если извѣстное лице покупало у родственниковъ своихъ родовую или выслуженную вотчину, то послѣдняя не теряла этого качества по переходѣ своемъ къ новому вотчиннику и вслѣдствіе этого, какъ вотчина родовая или выслуженная, не переходила къ женѣ умершаго, но отдавалась въ родъ его. Если же вотчинникъ пріобрѣталъ себѣ посредствомъ купли въ вотчину помѣстье свое, то такая купленная вотчина переходила къ бездѣтной вдовѣ его до замужества, постриженія или смерти ея, притомъ безъ права отчужденія и съ поворотомъ ея, по наступленію одного изъ указанныхъ обстоятельствъ, въ родъ мужа (3). Московское законодательство предусмотрѣло и тотъ случай, когда послѣ вотчинника вотчина его оставлена будетъ нѣсколькимъ сыновьямъ его „*вопче*“, т. е. нераздѣльно. Въ этомъ случаѣ установляется общее право собственности съ обязательствомъ каждаго изъ собственниковъ не продавать и не закладывать имѣнія безъ согласія остальныхъ; если же окажется необходимымъ продать или заложить вотчину для уплаты оставшихся послѣ

---

(1) Улож. XVII. 2.

(2) Ibid. XVII. 5.

(3) Ibid. XVII. 8

отца долговъ, то подобное распоряженіе предпринимается лишь съ согласія всѣхъ братьевъ. Если старшій братъ, воспользовавшись малолѣтствомъ остальныхъ, продастъ или заложитъ общую вотчину для собственныхъ нуждъ своихъ, то послѣднимъ съ достиженіемъ зрѣлаго возраста дозволяется бить челомъ на старшаго брата своего; вслѣдствіе подобнаго челобитья отъ покупщика или залогопринимателя отбираются и возстановляются челобитчикамъ проданныя или заложенныя доли ихъ, исключая доли отчуждавшаго брата, убытки же перваго доправляются на старшемъ братѣ сполна. Но младшимъ братьямъ дозволяется, если пожелаютъ, выкупить и долю старшаго брата, которая и переходитъ въ ихъ владѣніе. Если одинъ изъ братьевъ, владѣющихъ вотчиною на общемъ правѣ собственности, пожелаетъ произвести отчужденіе своей доли, то ему предоставляется право сдѣлать это, выдѣливъ предварительно долю свою; но при этомъ остальнымъ братьямъ предоставляется право, если они не желаютъ дробить вотчину, преимущественной покупки отчуждаемой доли (1). Наконецъ законодательство беретъ подъ свое попеченіе и интересы глухихъ и нѣмыхъ дѣтей, по отношенію къ наслѣдству оставшемуся послѣ отца ихъ; именно, оно опредѣляетъ произвести раздѣлъ по долямъ наслѣдства этого, если братья и сестры будутъ обижать ихъ и оттѣснять отъ наслѣдства (2).

Стремленіе московскаго законодательства точно регулировать вотчинныя отношенія весьма наглядно проглядываетъ во множествѣ указовъ и приговоровъ, изданныхъ въ теченіи XVII вѣка; съ другой стороны, эти-же памятники даютъ замѣтить, что правильная и твердая регламентація ихъ составляла неразрѣшимую задачу для Московкаго правительства. Укажемъ наиболѣе интересные частные случаи, предусмотрѣнные въ Новоуказанныхъ статьяхъ. Въ Новоуказныхъ статьяхъ „О раздѣлѣ вотчинъ между родственниками“ (14 марта 1676 года) находимъ слѣдующія опредѣленія: Если у умершаго вотчинника *A* осталась дочь *B* и внука *C*, дочь умершаго сына его, и болѣе не осталось сыновей, то оставшаяся вотчина дѣлится пополамъ между теткою *B* и

(1) Улож. XVII. 13. 14.

(2) Ibid. XVII. 15.

племянницею *C*; если еще раньше раздѣла за дочерью *B* дана была какая либо другая вотчина въ приданое, то послѣдняя засчитывается при раздѣлѣ въ ея половину, а изъ наслѣдственной вотчины додается ей только столько, сколько слѣдуетъ ей по разсчету.

Если у умершаго вотчинника *A* остаются родные братья *B* и *C*, да кромѣ того дѣти *D* и *E* и внучата *F* и *G*, то братья его *B* и *C* устраняются отъ раздѣла наслѣдственной вотчины съ нисходящими родственниками умершаго вотчинника, вотчина идетъ нисходящимъ его мужескаго пола, а если таковыхъ не окажется, то и женскаго пола.

Если послѣ умершаго вотчинника *A* остается дочь *B* и внукъ *D* отъ умершаго сына его *C*, то наслѣдственная вотчина дѣлится пополамъ между теткою *B* и племянникомъ *D*. Этотъ случай, чисто исключительный, указываетъ намъ на шаткость опредѣленій Московскаго законодательства касательно наслѣдованія въ вотчинахъ, такъ какъ по общему правилу вотчина переходила всегда къ лицамъ мужескаго пола.

Весьма споренъ былъ слѣдующій случай: Если послѣ умершаго вотчинника *A*, оставались родные братья его *C* и *D* и дѣти умершаго брата *E* и *F*, то слѣдуетъ ли допускать раздѣлъ наслѣдственной вотчины между дядьями *C* и *D* и племянниками *E* и *F*? По новоуказнымъ статьямъ 14 марта 1676 года опредѣлено дѣлить вотчину между дядьями и племянниками, а если послѣднихъ нѣтъ, то и съ племянницами. Но въ томъ же году вышелъ указъ воспрещающій подобный раздѣлъ и опредѣляющій предоставлять вотчину дядьямъ, на томъ основаніи, что въ Уложеніи указано давать вотчину въ родъ „кто ближе“. Въ слѣдующемъ, т. е. 1677 году, снова допущенъ подобный раздѣлъ вотчинъ. Отсюда видно, какъ шатки были опредѣленія нашего законодательства по вотчиннымъ дѣламъ (1).

Самою характеристичною чертою родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ было *право выкупа* ихъ въ случаѣ отчужденія ихъ въ чужіе роды. Но право выкупа родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ не было безпредѣльно. Прежде всего ограничивалось оно только извѣстными лицами. Такъ нисхо-

(1) П. С. Р. З. II. № 637, 655, 700.

дящіе прямые родственники лица, произведшаго отчужденіе вотчины, какъ напримѣръ дѣти, внуки и правнуки, не имѣли права выкупа ея; въ лицѣ ихъ какъ бы осуществляется и продолжаетъ существовать воля его. Право это принадлежало лишь боковымъ родственникамъ, каковы братья и племянники, и то при томъ только условіи, если они не были въ числѣ свидѣтелей совершившагося отчужденія, не прикладывали рукъ къ купчей или закладной записи,—въ противномъ случаѣ лица эти, какъ соизволившія отчужденію, лишались права выкупа вотчины. Выкупъ вотчины допускался только въ цѣлости; „по четвертямъ“, т. е. по частямъ, запрещалось выкупать ее. При выкупѣ вотчины временный собственникъ ея вознаграждался по опредѣленному въ законѣ размѣру за всѣ улучшенія сдѣланныя имъ въ вотчинѣ за все время владѣнія его. Далѣе право выкупа отчужденной родовой или выслуженной вотчины ограничивалось опредѣленнымъ срокомъ: по Уложенію 1649 года срокъ этотъ опредѣляется въ сорокъ лѣтъ. Съ истеченіемъ этого срока исчезаетъ право выкупа вотчины, хотя бы и оставались въ наличности всѣ остальныя условія выкупа. Вотчина купленная не могла быть выкупаема ни въ какомъ случаѣ. Особыя опредѣленія существовали относительно вотчинъ отчуждаемыхъ лицами измѣнившими отечеству; такая вотчина не могла быть выкупаема родственниками измѣнника и она окончательно и безповоротно становилась собственностью пріобрѣтателя (1).

Государственное значеніе вотчинъ заключалось въ томъ, что владѣльцы ихъ обязаны были нести съ нихъ службу; такимъ образомъ каждый вотчинникъ, владѣя вотчиною, тѣмъ самымъ обязывался отбывать службу Государеву. Въ отношеніи обязательности службы съ нихъ, вотчины обсуживались наравнѣ съ помѣстьями. Предполагалось что каждый вотчинникъ обязанъ былъ отбывать лично служебную повинность; если же онъ за страстью, ранами или болѣзнію не въ состояніи былъ отбывать ее лично, или, если онъ не требовался вмѣстѣ съ другими служилыми людьми на службу, въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ выставлять даточныхъ людей или натурою, или же уплачивать за нихъ за-

(1) Уложен. XVII. 27—29, 30, 31, 38, 39.

даточныя деньги (1). Обязательная служба существовала и съ прожиточныхъ вотчинъ; дворянъ и дѣтей боярскихъ, поспѣвшихъ къ службѣ и живущихъ на прожиточныхъ вотчинахъ, но не записанныхъ еще въ службу, предписывалось для записки ихъ въ число служилыхъ людей высылать въ Москву, передавая въ Разрядъ имянные списки ихъ (2).

Какъ помѣстныя земли давались служилымъ людямъ въ награду за службу, такъ точно съ подобною цѣлью жаловались имъ и вотчины. Такого рода вотчины и назывались выслуженными; вмѣстѣ съ дачею служилому человѣку выслуженной вотчины выдавалась жалованная грамота на нее, а самая дача записывалась въ Помѣстномъ Приказѣ. Въ эпоху Московской централизаціи пожалованіе вотчинъ, вмѣстѣ съ помѣстною системою, способствовало сосредоточенію въ распоряженіи Государей Московскихъ какъ лучшихъ служебныхъ силъ различныхъ русскихъ областей, такъ и многихъ чужеземцевъ, приходившихъ искать счастья на службѣ Московской. Раздача вотчинъ слѣдовала обыкновенно за всякимъ благопріятно окончившемся военнымъ предпріятіемъ. Самою обыкновенною и чаще всего встрѣчавшеюся формою пожалованія вотчинъ было пожалованіе въ вотчину части помѣстья, числившагося уже за служилымъ человѣкомъ (3).

Нерѣдко вотчина пріобрѣталась также путемъ купли ея у правительства. При этомъ могло случиться, что правительство продавало лицу въ вотчину землю, числившуюся уже за нимъ въ помѣстьи; но для подобнаго рода продажи непремѣннымъ условіемъ ставилось соизволеніе Государя, выраженное въ формѣ имяннаго указа (4). Въ 1628 году, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, установлено было продавать въ вотчины порожнія земли въ Московскомъ уѣздѣ,—что первопачально разрѣшено было еще въ 1573 году при Иванѣ IV. При этомъ порожнія земли, состоявшія въ вѣдомствѣ Помѣстнаго Приказа, опредѣлено продавать по рублю за три четверти въ полѣ „а въ дву потому-жъ“, слѣдовательно

(1) П. С. Р. З. I. № 158, 431. Улож. VII. 18.

(2) П. С. Р. З. I. № 102.

(3) Улож. XVII. 8. 19. П. С. Р. З. I. № 400, 450, 512, 631 II. № 640, 671 и др.

(4) Улож. XVII. 9.

по рублю за 9 четвертей; порожнія же земли дворцовыя установлено продавать по рублю за двѣ четверти земли доброй, средней и худой. Если послѣ смерти покупщика не останется никого изъ роду его,—въ такомъ случаѣ такая вымороченная вотчина отбиралась въ казну и шла въ число земель помѣстныхъ. По рублю за 9 четвертей разрѣшено было продавать порожнія земли въ вотчины и въ уѣздахъ Дмитровскомъ, Русскомъ и Звенигородскомъ. За такую-же цѣну предполагалось продавать пустыя помѣстныя земли и въ Новгородскомъ уѣздѣ. Если и въ уѣздахъ другихъ городовъ отысканы будутъ пустыя помѣстныя земли, которыхъ никто не береть въ помѣстье, то такія земли дозволялось продавать по той же цѣнѣ въ вотчины дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ верстаннымъ, притомъ тѣмъ именно, которые служатъ въ тѣхъ городахъ, въ уѣздахъ которыхъ находятся эти порожнія земли; вмѣстѣ съ тѣмъ лицамъ неверстнымъ и не служащимъ запрещено было пріобрѣтать подобнаго рода порожнія земли въ вотчины. Самую продажу порожнихъ земель опредѣлено производить въ размѣрѣ 100 четвертей на человѣка. Если объ одной и той же порожней землѣ поступятъ два челобитья, изъ которыхъ по одному испрашивается эта земля въ куплю, а по другому въ помѣстье, то удовлетворяется послѣднее, т. е. челобитье объ отдачѣ земли въ помѣстье (1). Очевидно, что всѣ эти узаконенія преслѣдовали одну цѣль,—приданіе землѣ, вышедшей изъ службы, служебнаго значенія; а такъ какъ достигнуть послѣдней цѣли возможно было двумя путями,—путемъ предоставленія земли въ вотчину и путемъ дачи ея въ помѣстье,—то правительство и предпочитало второй путь, какъ болѣе рельефно выражавшій связь владѣнія землею съ обязательною службою. Только въ томъ случаѣ, если никто не пожелаетъ взять эти порожнія земли въ помѣстье, дозволялось продавать ихъ въ вотчины (2).

Иногда у вотчинника въ видѣ наказанія отбирались вотчины, именно въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ, когда отбирались и помѣстья, какъ-то: въ случаѣ государственной измѣны, передачи непріятелю сообщеній изъ русскаго лагеря,

---

(1) Улож. XVII. 45—47.

(2) Ibid. XVII. 47.

отчужденія вотчины съ цѣлью избѣжанія службы съ нея, въ случаѣ наказанія ссылкою и т. п. ([1]).

Наконецъ встрѣчаемъ мы нѣкоторыя ограниченія въ правѣ распоряженія вотчинами, ограниченія, установленныя очевидно въ интересахъ государственной службы. Ограниченія эти, встрѣчающіяся еще въ половинѣ XVI вѣка, сводятся въ окончательномъ результатѣ своемъ къ тому, чтобы воспрепятствовать землѣ выходить изъ службы. Сюда относится, напримѣръ, запрещеніе умышленнаго отчужденія вотчины съ цѣлью избѣжанія государственной службы ([2]). Далѣе относится сюда-же запрещеніе пріобрѣтать вотчины людямъ не пользующимся полною правоспособностью въ сферѣ государственныхъ правъ; такъ запрещалось покупать и принимать въ закладъ вотчины боярскимъ и монастырскимъ слугамъ, подъ опасеніемъ отобранія такихъ вотчинъ для передачи ихъ въ помѣстье первому бившему челомъ по поводу подобной сдѣлки ([3]). Наконецъ сюда относится запрещеніе удерживать за собою вотчины лицамъ постригшимся въ монашество ([4]) и запрещеніе отчуждать вотчины монастырямъ и духовенству, притомъ вотчины не только родовыя и выслуженныя, но и купленныя. На этомъ основаніи монастырямъ и духовенству воспрещалось покупать послѣднія, принимать ихъ въ залогъ и даже получать ихъ по безвозмѣзднымъ основаніямъ, а Помѣстному Приказу запрещалось закрѣплять сдѣлки подобнаго рода. Всякая сдѣлка клонившаяся къ передачѣ монастырямъ или духовенству вотчинъ считалась недѣйствительною, а самыя вотчины безвозмездно отбирались на Государя ([5]).

Таковы были основныя положенія Московскаго законодательства касательно регламентаціи помѣстныхъ и вотчинныхъ отношеній, регламентаціи, имѣвшей главною цѣлью своею проведеніе принципа служебности земли и организацію постояннаго и правильнаго служилаго класса въ лицѣ

([1]) Улож. VII. 20, XVI. 69. П. С. Р. З. II. № 724.

([2]) Ibid. XVI. 69.

([3]) Ibid. XVII. 41.

([4]) Ibid. 43. 44.

([5]) Ibid. 42. 43.

землевладѣльцевъ—помѣщиковъ и землевладѣльцевъ—вотчинниковъ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли одинъ изъ путей которыми шло Московское государство къ организаціи у себя правильнаго и постояннаго служилаго класса. Второй путь которымъ шла Москва къ достиженію этой цѣли—состоялъ въ закрѣпленіи служилыхъ людей черезъ отмѣну права свободнаго отъѣзда, къ разсмотрѣнію чего мы въ настоящее время и переходимъ.

II. Стремленія Московскаго правительства къ ограниченію права свободнаго отъѣзда служилыхъ людей.

Мы уже видѣли выше что въ теченіе удѣльно-вѣчеваго періода русской исторіи не существовало обязательной службы; каждый воленъ былъ служить тому князю, которому желалъ. Вслѣдствіе этого переходъ служилаго человѣка со службы одного князя на службу другого не только не считался измѣною, но не влекъ даже за собою никакихъ ограниченій въ имущественныхъ правахъ по отношенію къ имуществу, оставленному въ удѣлѣ покинутаго князя. Служба носила договорный характеръ. Съ усиленіемъ Московскаго Великаго Княженія, когда въ русскую жизнь начинаютъ проникать основы болѣе правильной организаціи государственныхъ отношеній, это договорное начало службы сдѣлалось стѣснительнымъ для развитія государственнаго строя,—является стремленіе къ постепенному ограниченію и наконецъ совершенной отмѣнѣ его. Нѣтъ сомнѣнія что починъ этого новаго порядка вещей всецѣло принадлежалъ Московскому правительству, которое, съ самаго начала XIV вѣка, начинаетъ стремиться къ преслѣдованію той задачи объединенія русской земли и утвержденія въ ней единодержавія, полное выполненіе которой произошло лишь въ XVI вѣкѣ. Стремясь къ закрѣпленію служилыхъ людей своихъ, Московское правительство не могло разомъ разрушить старое договорное начало; оно сознавало вполнѣ, что осторожная и послѣдовательная политика, прикрывающаяся внѣшнею оболочкою легальности, легче и скорѣе всего могла привести его къ цѣли. И дѣйствительно, крайне ловкая, хотя подъ часъ и вѣроломная, политика Московская невольно вызываетъ удивленіе въ изслѣдователѣ интереснаго періода централизаціи. Этимъ то и объ-

ясняется то обстоятельство, что въ наше время не совсѣмъ ясно представляется поворотная точка политики Москвы къ новому порядку вещей. Не издается никакихъ законодательныхъ актовъ, узаконяющихъ начало этого новаго порядка вещей, а между тѣмъ послѣдній все болѣе и болѣе выясняется и принимаетъ опредѣленный обликъ,—все совершается какъ бы естественнымъ путемъ, логично вытекая изъ предшествовавшаго по законамъ причинности.

Не имѣя никакого легальнаго основанія разомъ объявить исконное право отъѣзда служилыхъ людей уничтоженнымъ, князья Московскіе нашли средство, которымъ отчасти достигалась цѣль прикрѣпленія служилыхъ людей, хотя и достигалась косвеннымъ образомъ. Средство это состояло въ предоставленіи служилымъ людямъ, взамѣнъ натуральнаго содержанія, вознагражденія посредствомъ предоставленіи земель въ пользованіе, т. е. въ помѣстной системѣ. Самая же цѣль достигалась тѣмъ, что было запрещено служилому человѣку вступать въ службу другого князя, владѣя помѣстьемъ въ великомъ княженіи Московскомъ. Но это не значило еще что помѣщикъ не могъ перейти на службу другого князя;—для совершенія такого перехода стоило ему только выйти изъ помѣстнаго отношенія къ государству. Понятно что помѣщику, получившему въ данной мѣстности осѣдлость и вступившему въ ней въ разнообразныя юридическія отношенія по помѣстью, уже не такъ легко было перейти на службу другого князя, какъ дружиннику удѣльно-вѣчеваго періода, такъ какъ подобный переходъ повлекъ бы за собою потерю помѣстья и лишеніе всѣхъ удобствъ, сопряженныхъ съ осѣдлымъ состояніемъ.

Въ противоположность помѣщикамъ, лица не связавшія себя съ правительствомъ поземельными отношеніями, равно какъ и лица владѣющія землею на полномъ правѣ собственности, не имѣли никакихъ ограниченій въ правѣ отъѣзда на службу другого князя,—имъ предоставлялось полное право выбора службы. Во всѣхъ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ князей находимъ мы пункты, обезпечивающіе за служилыми людьми свободное право отъѣзда, но только съ указаннымъ ограниченіемъ для помѣщиковъ. И такъ мы видимъ, что въ эпоху централизаціи Московскаго Государства, по крайней мѣрѣ до второй половины XV вѣка, de jure продолжало признаваться полное и свободное право отъѣзда; пра-

во это принадлежало и помѣщикамъ, но только съ ограниченіемъ, дѣлавшимъ неудобоисполнимымъ для нихъ примѣненіе этого права. „А боярамъ и слугамъ межи насъ *вольнымъ* воля“, или „кто поѣдетъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тобѣ къ намъ,—нелюбья не держати“—подобнаго рода соглашенья встрѣчаемъ мы въ любой договорной княжеской грамотѣ (1). Такимъ образомъ мы видимъ разрядъ служилыхъ людей *вольныхъ*, которымъ предоставлена полная свобода отъѣзда. Съ другой стороны въ договорныхъ же и духовныхъ грамотахъ встрѣчаемъ мы и указанія на служилыхъ лицъ *невольныхъ*, которымъ право отъѣзда предоставлялось лишь съ ограниченіями. Возьмемъ наиболѣе характеристичныя изъ подобныхъ указаній: „А которые слуги потягли *къ дворьскому* . . . . . тѣхъ ны въ службу не принимати . . . . . а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“; „а боярамъ и слугамъ, кто будетъ *не подъ дворьскимъ*, вольнымъ воля. А кто будетъ *подъ дворьскимъ* слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ . . . . . а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ или княгини моей, инъ земли лишенъ“ (2). Отсюда выводъ, что къ разряду служилыхъ людей противополагаемыхъ слугамъ вольнымъ, относятся служилые люди состоящіе подъ дворскимъ. Если мы примемъ въ соображеніе что дворскій завѣдывалъ недвижимою собственностью князя и ея раздачею, то дойдемъ до убѣжденія, что подъ дворскимъ состоятъ именно лица получившія помѣстья и такимъ образомъ ставшіе чрезъ эти помѣстья въ зависимое отношеніе къ правительству. Такимъ образомъ мы видимъ, что во второй половинѣ удѣльнаго періода, до конца XV вѣка, признается вообще полное право отъѣзда служилыхъ людей, съ тѣмъ однако ограниченіемъ для лицъ ставшихъ въ помѣстныя отношенія къ Верховной Власти, что отъѣздъ ихъ влекъ за собою лишеніе помѣстій. Выше видѣли мы что для служебныхъ князей существовало еще большее ограниченіе: они при отъѣздѣ лишались даже вотчинъ; мы пытались уже объяснить и причину подобнаго ограниченія.

Но теперь возникаетъ вопросъ: строго ли примѣнялись къ дѣйствительной жизни указанныя нами опредѣленія между-

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 23, 27, 28, 29 и др.

(2) С. Г. Г. и Д. I. № 27. 40.

8
БИБЛІОТЕКА

княжескихъ договоровъ относительно права свободнаго отъѣзда? Факты свидѣтельствуютъ намъ что практика расходилась въ этомъ отношеніи съ законодательными опредѣленіями, какъ скоро болѣе сильному князю представлялся интересъ въ нарушеніи послѣднихъ. Такъ мы имѣемъ примѣры нарушенія права свободнаго отъѣзда въ отношеніяхъ Углецкаго князя Дмитрія Юрьевича къ Великому Князю Московскому Василію Васильевичу. Въ 1447 году, въ посланіи россійскаго духовенства къ Дмитрію Юрьевичу, при исчисленіи всѣхъ неправдъ послѣдняго указывается и на нарушеніе имъ статей заключеннаго съ Василіемъ Васильевичемъ договора и, въ частности, опредѣленій касательно права отъѣзда. Духовенство указываетъ, что договоръ установляетъ право свободнаго отъѣзда вольныхъ служилыхъ людей и обезпечиваетъ безопасность имущества отъѣхавшихъ, между тѣмъ, когда многіе бояре и дѣти боярскіе отъѣхали къ Москвѣ, тогда Дмитрій Юрьевичъ, вопреки договорнымъ опредѣленіямъ „тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ у нихъ поотъималъ, и животы и състатки всѣ, и животину“; съ другой стороны самъ Дмитрій Юрьевичъ не стѣсняясь отзываетъ на свою службу людей Великаго Князя Московскаго (1). Извѣстно, что духовенство русское всегда содѣйствовало дѣлу Великихъ Князей Московскихъ и обращало духовное оружіе свое на помощь имъ. Такъ въ приведенномъ сейчасъ посланіи, русское духовенство, доказывая что освобожденіе отъ ига Татаръ связано съ самодержавіемъ В. К. Василія Васильевича, угрожаетъ Дмитрію Юрьевичу проклятіемъ, если онъ не покорится ему; въ 1451 году митрополитъ Іона хлопочетъ о томъ, чтобы В. К. Тверской помогъ В. К. Василію Васильевичу въ походѣ на Казань (2); въ 1454 году онъ-же призываетъ Смоленскаго епископа оказать свое вліяніе, чтобы отъѣхавшій князь Ив. Андр. Можайскій не причинилъ какого нибудь зла Великому Князю Московскому (3); тотъ же митрополитъ въ 1455—61 гг., въ посланіи

(1) А. И. I. № 40. стр 81.

(2) Ibid. № 51.

(3) Ibid. № 56.

къ Псковитянамъ, увѣщеваетъ ихъ быть вѣрными Москвѣ (1); въ 1486—89 гг. митрополитъ Геронтій угрожаетъ Вятичамъ проклятіемъ и церковнымъ отлученіемъ за непослушаніе и невѣрность В. К. Василію (2). Въ 1448 году, по поводу борьбы В. К. Московскаго съ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ, митрополитъ Іона издалъ окружную грамоту, въ которой принимаетъ энергическія мѣры для предупрежденія отъѣзда служилыхъ людей отъ Москвы къ князю Дмитрію. Именно, митрополитъ убѣждаетъ князей, бояръ, намѣстниковъ, воеводъ и „все христоименное Господне людство“ не приставать къ послѣднему; въ противномъ случаѣ угрожаетъ церковнымъ отлученіемъ (3). Затѣмъ интересный случай нарушенія права отъѣзда представляется въ 1479 году. Въ этомъ году отъѣхалъ князь Ив. Вл. Оболенскій-Лыко отъ Москвы къ князю Волоцкому Борису Васильевичу; послѣ двухъ неудавшихся попытокъ силою воротить его, В. К. Иванъ Васильевичъ велѣлъ тайно схватить отъѣхавшаго, котораго и привезли въ Москву въ оковахъ. Обиженный князь Борисъ Васильевичъ говоритъ по этому поводу брату своему князю Углечскому: „какову силу чинитъ надъ нами, что не вольно кому отъѣхати къ намъ..... кто отъѣдетъ отъ него къ намъ и тѣхъ безсудно емлетъ.... а духовные отца своего забылъ, какъ написано почему имъ жити.... ни доканчанія, что на чемъ кончали послѣ отца своего“.

Отъѣзжали не только служилые люди, но даже и удѣльные князья Великаго Княженія Московскаго, притѣсняемые и обижаемые Великими Князьями. Исторія представляетъ намъ довольно интересные примѣры подобныхъ отъѣздовъ. Такъ указанная выше обида, нанесенная В. К. Иваномъ III Волоцкому князю Борису Васильевичу своеволіемъ по поводу отъѣзда князя Оболенскаго-Лыко, имѣла послѣдствіемъ своимъ то, что оба брата, князья Борисъ и Андрей Васильевичи, оставляютъ свои удѣлы „пометавши города свои и собравшеся со всѣми людьми и поидоша къ Литовскому рубежу“. Не смотря на увѣщанія смутившагося этимъ Великаго Князя, они не возвращались и вступили въ переговоры

(1) А. И. I. № 60.

(2) Ibid. № 97, 98.

(3) Ibid. № 43.

съ королемъ; не помогли даже нѣкоторыя льготы, предложенныя имъ Великимъ Княземъ—и оба брата отъѣхали къ королю Казиміру. Примиреніе послѣдовало лишь въ слѣдующемъ году, причемъ Иванъ Васильевичъ придалъ къ удѣламъ обиженныхъ князей, Андрею—Можайскъ, а Борису—села Ярославичевы (1). Точно также въ 1483 году отъѣхалъ въ Литву князь Верейскій Василій Михайловичъ, вынужденный къ тому насиліемъ В. К. Ивана III, велѣвшаго отнять у него женино приданое; разгнѣванный Великій Князь объявилъ его лишеннымъ отцовскаго наслѣдства и запретилъ отцу его, князю Верейскому Михаилу Андреевичу, имѣть какія бы то не было сношенія съ отъѣхавшимъ сыномъ (2). Въ Литву же убѣжалъ и князь Иванъ Васильевичъ Боровскій, когда захваченъ былъ отецъ его Василій Ярославовичъ (3).

Въ теченіе періода удѣльно-вѣчеваго, а затѣмъ и въ періодъ московской централизаціи, пока въ русской землѣ существовало еще нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ княжествъ, служилые люди отъѣзжали обыкновенно отъ одного русскаго князя къ другому. Но когда самодержавіе Московскихъ Великихъ Князей достигло такой степени развитія, что самостоятельность прочихъ князей русскихъ сдѣлалась пустымъ звукомъ—тогда Литва дѣлается мѣстомъ, куда стекались отъѣзжающіе и недовольные Московскими порядками служилые люди. Выбору Литвы мѣстомъ отъѣзда содѣйствовало, съ одной стороны, самое географическое положеніе Литвы, какъ страны ближайшей отъ Москвы и не отдѣленной отъ нея никакими естественными преградами, съ другой стороны то, что въ Литвѣ жило значительное количество западно-русскаго, православнаго населенія, носившаго также названіе *русскихъ*, и наконецъ то обстоятельство, что короли Литовскіе, питая враждебныя отношенія къ Государямъ Московскимъ, охотно и радушно принимали къ себѣ русскихъ выходцевъ, думая уменьшить этимъ могущество Москвы. Просматривая современные историческіе памятники, въ особенности лѣтописи и родословные списки, изслѣдователь невольно поражается двумя явленіями:

---

(1) П. С. Р. Л. VI. 223—232.

(2) Ibid. 335.

(3) Временникъ М. Общ. И. и Д. X. 26.

съ одной стороны, огромнымъ наплывомъ лицъ, приходившихъ служить развивающемуся государству Московскому, а съ другой стороны, огромною массою служилыхъ лицъ, отъѣзжавшихъ изъ Москвы въ Литву. Отъѣзды въ Литву продолжались въ большемъ количествѣ и послѣ того времени, когда было окончательно отмѣнено право отъѣзда, хотя въ это время получаютъ они уже значеніе государственной измѣны. Отъѣзжали въ Литву по большей части лица именитыя, а что служило тому причиною—постараемся мы указать нѣсколько ниже. Особенно рельефно выдаются отъѣзды князей, перешедшихъ передъ тѣмъ только въ подданство Государей Московскихъ изъ Литвы. Относительно ихъ не трудно провести разграниченіе двухъ періодовъ: до 1515 года и послѣ 1515 года Въ первомъ періодѣ замѣчается весьма сильное стремленіе князей этихъ переходить на службу Государей Московскихъ; о причинахъ и результатахъ его скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Во второмъ періодѣ замѣчаемъ мы обратное движеніе: многіе князья отошедшіе къ Москвѣ бросаютъ Московскую службу и уходятъ обратно въ Литву. Въ послѣднемъ движеніи принимаютъ участіе и русскіе служилые люди и преимущественно роды аристократическіе, ведущіе свое начало отъ удѣльныхъ князей Спрашивается, что служило причиною столь сильнаго стремленія лучшихъ служилыхъ людей русскихъ къ отъѣзду? Несомнѣнно то, что прежде всего причиною неудовольствія ихъ былъ развивающійся абсолютизмъ Государей Московскихъ. Мы знаемъ, что Государи Московскіе стремились измѣнить прежнія формы отношенія ихъ къ лучшимъ представителямъ служилаго класса, стремились закрѣпостить ихъ и изъ болѣе или менѣе самостоятельнаго сословія обратить въ своихъ холоповъ, безусловно обязанныхъ исполнять всѣ приказанія Государя своего. И вотъ прежде всего принимаются они за уничтоженіе совѣщательнаго значенія лучшихъ служилыхъ людей, или, по крайней мѣрѣ, за уничтоженіе всякой самостоятельности ихъ въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно, мы имѣемъ свидѣтельства, что это измѣненіе въ отношеніяхъ Государей Московскихъ къ служилымъ людямъ вызывало ропотъ и сильное неудовольствіе въ средѣ послѣднихъ. Извѣстно, что Берсень-Беклемишевъ жаловался Максиму Греку на то, что Великій Князь Василій Ивановичъ измѣнилъ старые обычаи: „лучше“, говоритъ онъ, „старыхъ обычаевъ держатися, и людей жало-

вати, и старыхъ почитати; а нынѣ Государь нашъ, запершись, самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ". Затѣмъ Берсень жаловался, что В. К. Василій „упрямъ и встрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему встрѣчу говоритъ и онъ на того опаляется; а отецъ его Князь Великій (т. е. Иванъ III) противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали" (1). И такъ Великій Князь Василій Васильевичъ круто приступилъ къ измѣненію отношеній своихъ къ служилымъ людямъ—и вотъ причина, почему въ его правленіе усиливается въ значительной мѣрѣ эмиграція послѣднихъ въ Литву. Но эта эмиграція не могла устрашить Московское правительство; свергнувъ Татарское иго, объединивъ подъ властью своею всѣ области русскія и укрѣпившись во внутренней государственной жизни своей, оно не соглашалось уже дѣлать служилымъ людямъ уступки. Съ другой стороны эта неподатливость вызывала реакцію со стороны представителей аристократическихъ служилыхъ родовъ, которымъ было еще памятно то время, когда они раздѣляли вмѣстѣ съ Великими Князьями заботы объ управленіи государствомъ или же когда они были болѣе или менѣе самостоятельными удѣльными князьями. Съ своей стороны, Государи Московскіе поняли, что для нихъ не выгодна организація высшаго служилаго сословія на родовыхъ началахъ, поняли, какъ опасно для нихъ окружить престолъ свой слугами аристократами, въ памяти которыхъ еще свѣже было воспоминаніе о происхожденіи ихъ отъ одной крови съ ними или же отъ предковъ, бывшихъ въ свое время самостоятельными государями. И дѣйствительно, именитые служилые роды русскіе далеко не чужды были аристократическихъ тенденцій; мы знаемъ, что князь Курбскій считается родствомъ съ царемъ Иваномъ IV, а князья Бѣльскіе, Мстиславскіе и Воротынскіе съ великими князьями Литовскими (2). Сознавая аристократическое значеніе свое, каждый княжескій родъ стремился первенствовать въ русской землѣ, стремился „засѣсть" другой родъ; этимъ объясняется страшная борьба партій при дворѣ Московскомъ, въ особенности въ малолѣтство царя

(1) А. А. Э. I. № 172.

(2) Горскій. Жизнь и ист. знач. кн. Курбскаго. стр. 147; Др. Рос. Вивл. X. 1—72.

Ивана IV. Честолюбивыя тенденціи русскихъ аристократическихъ родовъ особенно рѣзко выразились въ малолѣтство Ивана IV и въ первые годы его царствованія; бояре совершенно овладѣли особой молодаго Государя и питали надежду, возстановивъ прежнее значеніе свое, убить въ зародышѣ развивающійся абсолютизмъ. Своеволіе ихъ дошло до того, что они у постели при смерти больнаго Царя подняли шумъ и споръ изъ за того, кому цѣловать крестъ послѣ смерти Ивана IV, сыну-ли его Дмитрію, чего требовалъ больной, или двоюродному брату его Владиміру Андреевичу. Выздоровѣвшій Царь не могъ уже забыть этого своевольнаго поступка боярамъ своимъ,—и вотъ въ лицѣ Ивана IV Васильевича является энергическая реакція противъ противниковъ абсолютизма, реакція, вскорѣ проявившаяся въ цѣломъ рядѣ кровавыхъ эпизодовъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ названіемъ эпохи казней. Но совершенное обезсиленіе бояръ могло быть достигнуто только другимъ путемъ: нужно было обусловить доступъ къ высшимъ служебнымъ ступенямъ не родовымъ превосходствомъ служилаго человѣка, но превосходствомъ чиновнымъ,—нужно было уничтожить родовой принципъ въ служебныхъ отношеніяхъ и на его мѣстѣ воздвигнуть принципъ чина. И дѣйствительно, Московскіе Государи твердо стремятся къ этому преобразованію; они приближаютъ къ себѣ уже не тѣхъ лицъ, которыя считаютъ себя вправѣ на это по своему происхожденію, но тѣхъ, кого сами „скажутъ“ въ высшій чинъ, тѣхъ, кто службой своей заслуживаетъ подобной почести. Такъ Великій Князь Василій Ивановичъ возвысилъ при своей особѣ князя Михаила Глинскаго, передъ тѣмъ только перешедшаго на Московскую службу изъ Литвы,- человѣка происходящаго не отъ русскихъ князей, но отъ выходца Татарскаго. Умирая, Великій Князь „приказываетъ“ М. Глинскаго боярамъ и проситъ ихъ за него: „приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго, человѣкъ къ намъ пріѣзжій, и вы бы того не молвили, что онъ пріѣзжій, держите его за здѣшняго уроженца, *занеже мнѣ онъ прямой слуга*“ (1). Равнымъ образомъ извѣстно что Иванъ IV, преслѣдуя представителей древнихъ аристократическихъ родовъ, возвыша-

(1) П. С. Р. Л. VI. 271.

етъ людей незнатныхъ, мелкихъ. Онъ самъ слѣдующимъ образомъ высказываетъ это Алексѣю Адашеву: „Алексѣй! взялъ я тебя отъ самыхъ нисшихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей, а нынѣ взыскалъ тебя выше мѣры твоея ради помощи души моея, хотя и твоего желанія на сіе нѣтъ, но обаче азъ возжелахъ не токмо тебя, но иныхъ такихъ, ктобъ печаль мою утолилъ и на люди Богомъ врученные намъ призрилъ“ (1). Извѣстно также, что князь Курбскій укоряетъ Ивана IV въ томъ, что онъ возвышаетъ при себѣ людей незнатныхъ, во всемъ довѣряя имъ, съ цѣлью унизить представителей родовой аристократіи, и называетъ ихъ въ насмѣшку *писарями*: „Писари же ваши русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣритъ и избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ или отъ простаго всенародства,—а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ“ (2). Происходившая вслѣдствіе родовыхъ мѣстническихъ счетовъ непрерывная борьба между представителями аристократическихъ служилыхъ родовъ шла очевидно въ разрѣзъ съ стремленіями правительства; отсюда проистекаютъ ограниченія мѣстничества. Такъ въ 1550 году велѣно князьямъ и дѣтямъ боярскимъ быть во время походовъ съ воеводами безъ мѣстъ и объявлено, что во время походовъ, не должно считаться униженіемъ „отечества“, если воевода будетъ по мѣстническимъ счетамъ ниже подначальныхъ ему лицъ (3). Возвышеніе менѣе знатныхъ родовъ передъ болѣе знатными и неудовлетвореніе происходящихъ вслѣдствіе этого мѣстническихъ споровъ было другою причиною частаго отъѣзда служилыхъ людей въ Литву. Король Польскій и В. К. Литовскій Сигизмундъ, перезывая къ себѣ на службу служилыхъ людей Московскихъ, указываетъ имъ именно на то, что они не пользуются въ Москвѣ тѣмъ значеніемъ и тою честью, какой они заслуживали бы своимъ происхожденіемъ и обѣщаетъ имъ въ случаѣ отъѣзда къ нему возвеличить ихъ и оказать имъ большую честь; такимъ образомъ король уловилъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ ихъ недовольства—чувство оскорбленнаго самолюбія вслѣд-

(1) С. Г. Г. и Д. II. № 37.

(2) Горскій Ж. и ист. знач. кн. Курбскаго. 116.

(3) Судебн. Іоанна IV, изд. Башил., Дон. Ук. № 101 и 102.

ствіе „порухи отечества“ (1). На мѣстничество, какъ на одну изъ главныхъ причинъ частыхъ отъѣздовъ русскихъ служилыхъ людей въ Литву, указываетъ въ своей исторіи и князь Щербатовъ (2).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію *мѣръ, принимаемыхъ Великими Князьями Московскими для прекращенія права свободнаго отъѣзда* служилыхъ лицъ.

Мы видѣли уже, что отъѣзжали изъ Великаго Княженія Московскаго какъ удѣльные князья, такъ и служилые люди великокняжескіе.

Что касается *отъѣздовъ удѣльныхъ князей*, то мѣры, принимавшіяся Великими Князьями для предупрежденія ихъ, заключались въ установленіи извѣстныхъ договорныхъ отношеній между князьями этими и московскимъ правительствомъ. Такъ, въ междукняжескихъ договорахъ встрѣчаемъ мы запрещенія удѣльнымъ князьямъ „ссылатися и кончати“ съ кѣмъ бы то ни было помимо Великаго Князя, имѣть общихъ съ нимъ друзей и недруговъ, желать во всемъ добра ему, служить Великому Князю безъ ослушанія и т. п. (3). Въ договорѣ В. Князя Василія Васильевича съ Суздальскимъ княземъ Иваномъ (1451 г.) встрѣчаемъ еще болѣе строгое опредѣленіе: если князь Суздальскій нарушитъ вѣрность Великому Князю или дѣтямъ его, въ такомъ случаѣ онъ лишается вотчины своей, которая достается Великому Князю, и навлекаетъ на себя церковное неблагословеніе черезъ Св. Митрополита Іону (4). Такія условія включались, особенно со второй половины XV вѣка, и въ договоры Великихъ Князей не только со своими удѣльными князьями, но даже и съ другими Великими Князьями—Тверскимъ и Рязанскимъ. Такъ, по договору 1483 года, Великій Князь Рязанскій обязуется не отдаваться Литвѣ, не сноситься съ нею ко вреду Великаго Князя Московскаго, не ссылаться и не доканчивать съ врагами его (5). Въ 1484 году Великій Князь Тверской обязуется сложить крестное цѣлованіе къ королю Казиміру

---

(1) См. отвѣтныя грамоты кн. Бѣльскаго, Мстиславскаго и др. королю Сигизмунду, въ Др. Р. Вивл. X. 1—72.

(2) Щербатовъ. И. Р. V. стр. 19 и 20.

(3) С. Г. Г. и Д. I. № 27, 35, 37, 43, 45 и др.

(4) Ibid. № 80.

(5) Ibid. № 115.

и впредь не ссылаться съ нимъ безъ вѣдома Москвы; не отдаваться королю ни самому съ дѣтьми, ни удѣльнымъ князьямъ Тверскимъ, и вообще „къ Литвѣ никоторыми дѣла не отступати“ (1).

Что касается мѣръ принимавшихся Великими Князьями Московскими для предупрежденія *отъѣздовъ обыкновенныхъ служилыхъ людей*—то самою раннею мѣрою въ этомъ отношеніи была раздача помѣстій, хотя эта мѣра, собственно говоря, не уничтожала, но только стѣсняла возможность отъѣзда. Нерѣдко, какъ мы видѣли также, употребляли съ подобною же цѣлью Великіе Князья и насиліе, силою возвращая къ себѣ отъѣзжающихъ или силою препятствуя имъ осуществить право отъѣзда. Но все это были лишь мѣры имѣющія характеръ случайности или держащіяся на почвѣ фактической. Спрашивается, когда же послѣдовало уничтоженіе права отъѣзда служилыхъ людей путемъ юридическимъ? При разрѣшеніи этого вопроса должно, какъ намъ кажется, провести различіе между правомъ отъѣзда въ чужія земли, въ земли состоящія подъ властью перусскихъ князей и государей и между правомъ отъѣзда отъ одного русскаго князя къ другому. Отъѣзды за предѣлы земель состоящихъ подъ властью русскихъ князей приняли по всей вѣроятности довольно рано, по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XV вѣка, характеръ государственной измѣны, такъ какъ подобнаго рода отъѣзды представляли измѣну не только относительно личности того или другого князя, но и относительно русской земли вообще. Право отъѣздовъ втораго рода, т. е. въ предѣлахъ русскихъ княжествъ, если не фактически, то по крайней мѣрѣ юридически—продолжало признаваться довольно долго. Что касается Великихъ Княженій Тверскаго и Рязанскаго—то право свободнаго отъѣзда служилыхъ людей между этими В. Княженіями и Москвою de jure признавалось до самаго присоединенія ихъ къ Москвѣ (2). Право отъѣзда вольныхъ служилыхъ людей отъ удѣльныхъ Московскихъ князей къ Великому Князю Московскому продолжало признаваться, хотя вѣроятно только на бумагѣ, до смерти Великаго Князя Василія Ивановича (1533 г.); такъ въ послѣд-

---

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 119.

(2) Ibid. № 119, 120, 128.

ней изъ договорныхъ грамотъ Великихъ Князей Московскихъ съ ихъ удѣльными князьями, именно въ договорной грамотѣ Великаго Князя Василія Ивановича съ братомъ его Юріемъ (1531 г.) находимъ мы еще классическую формулу: „а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ промежъ насъ вольнымъ воля“ (1). Но вотъ со смертью В. Князя Василія Ивановича и со вступленіемъ на престолъ Ивана IV совершается ощутительная перемѣна; договорныя грамоты съ удѣльными князьями исчезаютъ окончательно и взамѣнъ ихъ требуется отъ удѣльныхъ княжей, сошедшихъ на степень значительныхъ служилыхъ людей, обыкновенное крестное цѣлованіе въ вѣрности и доброжелательствѣ Великому Князю, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дача клятвенныхъ записей. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно уничтожается и давно исчезнувшее уже въ практической жизни право свободнаго отъѣзда. Такъ, въ клятвенной записи Князя Андрея Старицкаго (1537 г.) читаемъ слѣдующее обязательство: „А кто захочетъ отъ тебя ко мнѣ ѣхати, князь ли, или бояринъ, или діакъ, или сынъ боярскій, или кто ни буди на ваше лихо: и мнѣ того не принимати, а сказати мнѣ то тобѣ Великому Князю“ (2); или въ клятвенной записи князя Владиміра Андреевича (1553 г.): „Также ми и всякихъ служебныхъ людей безъ вашего велѣнія не пріимати къ себѣ никого“ (3). Обратнаго обязательства по этимъ пунктамъ для Великаго Князя не установлено ни въ одной изъ указанныхъ записей.

Такъ исчезло постепенно исконное право свободнаго отъѣзда служилыхъ людей, исчезло сперва фактически, а наконецъ, съ кончиною Великаго Князя Василія Ивановича, и юридически. Такимъ образомъ наконецъ и de jure уничтожилось право отъѣзда, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣднихъ остатковъ самостоятельности Московскихъ удѣльныхъ князей, —оставивъ потомству любопытный примѣръ того, до какой степени можетъ быть живучь и силенъ обычай, глубоко пустившій корни въ общественную и государственную жизнь.

Весьма энергическія мѣры къ закрѣпленію личности служилаго человѣка появляются въ концѣ XV вѣка, съ устано-

---

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 160—161.

(2) Ibid. № 163.

(3) Ibid. № 167.

вленіемъ *клятвенныхъ записей*, которыя начинаютъ браться съ служилыхъ лицъ Великими Князьями Московскими. Первая дошедшая до насъ клятвенная запись—это запись взятая въ 1474 году съ князя Даніила Дмитріевича Холмскаго. Изъявившій намѣреніе, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неудовольствій, отъѣхать отъ Великаго Князя—князь Холмскій былъ заключенъ подъ стражу и былъ освобожденъ лишь благодаря просьбамъ митрополита Геронтія и епископовъ, но за то онъ принужденъ былъ дать на себя клятвенную запись. Эта запись заключала въ себѣ слѣдующія обязательства: 1) служить Великому Князю и дѣтямъ его *до живота*, т. е. до самой смерти; 2) ни къ кому не отъѣзжать отъ Великаго Князя Московскаго; 3) желать ему во всемъ добра и доносить о всякомъ слышанномъ „добрѣ и лихѣ“; 4) подвергаться наказаніямъ, какія въ случаѣ вины будутъ наложены на него Великимъ Княземъ. Въ случаѣ нарушенія обязательствъ, выраженныхъ въ этой записи, на князя Холмскаго призывается немилость Бога, Богородицы и всѣхъ Святыхъ и лишеніе благословенія какъ въ этомъ мірѣ, такъ и въ будущемъ. Въ ненарушеніи всѣхъ условій клятвенной записи поручились митрополитъ Геронтій, три епископа и три архимандрита; въ подтвержденіе всего обѣщаннаго съ кн. Холмскаго взято крестное цѣлованіе (1). Въ 1505 году взята подобная же клятвенная запись со вступившаго въ Московскую службу и принявшаго Православіе Казанскаго Царевича Петра Ибрагимовича, съ ручательствомъ митрополита Симона и Суздальскаго епископа Нифонта (2); въ 1506 году съ князя Конст. Ив. Острожскаго, съ ручательствомъ митрополита Симона, епископовъ и архимандритовъ (3); въ 1522 году съ князя Василія Васильевича Шуйскаго, съ ручательствомъ митрополита Даніила, семи епископовъ и двухъ архимандритовъ (4); въ 1524 году съ князей Дмитрія и Ивана Ѳедоровичей Бѣльскихъ, съ ручательствомъ митрополита Даніила и всего освященнаго собора (5); въ 1525 году съ князя Ив. Мих.

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 103.
(2) Ibid. № 145.
(3) Ibid. № 146.
(4) Ibid. № 149.
(5) Ibid. № 152, 153.

Воротынскаго, съ ручательствомъ митрополита Даніила и всего освященнаго собора (1); въ 1527 году съ князя Михаила Львовича Глинскаго, съ поручительствомъ князей Д. Ѳ. Бѣльскаго, В. В. Шуйскаго и Б. Н. Горбатаго (2); въ 1529 году съ князя Ѳед. Мих. Мстиславскаго, съ поручительствомъ митрополита Даніила и всего освященнаго собора (3); въ 1532 году взята клятвенная запись съ Мих. Андр. Плещеева (4) и т. д. Излишне было бы перечислять всѣ клятвенныя записи, какія взяты были съ служилыхъ людей, и преимущественно бояръ, начиная съ конца XV вѣка. Замѣтимъ только, что обычай брать подобныя записи особенно распространился во второй половинѣ царствованія Ивана III Васильевича, когда усилилось неудовольствіе бояръ на московскіе порядки а вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе ихъ отъѣзжать въ Литву (5).

Обратимся теперь къ вопросу: въ какихъ случаяхъ брались со служилыхъ людей клятвенныя записи; брались ли онѣ со всѣхъ наиболѣе значительныхъ представителей служилаго сословія или только тѣхъ, которые измѣняли службѣ своей и слѣдовательно относительно которыхъ требовалась гарантія въ вѣрности Государю? Есть основаніе предполагать, что клятвенныя записи отбирались только отъ тѣхъ служилыхъ людей, въ вѣрности которыхъ правительство имѣло основанія сомнѣваться, притомъ основанія, построенныя на предшествовавшихъ фактахъ, доказывавшихъ ненадежность ихъ. Дѣйствительно, изъ 42 клятвенныхъ и поручныхъ записей, напечатанныхъ въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, почти всѣ даны вслѣдствіе предшествовавшей измѣны служилыхъ лицъ; мы постоянно встрѣчаемъ въ нихъ слѣдующаго рода выраженія: „Се азъ (такой то) есми предъ своимъ Государемъ . . . . . проступилъ; и язъ за свою вину билъ челомъ“ и т. п., или: „Преступилъ есми крестное цѣлованіе и свое обѣщаніе“ и пр., или: „выручили есмя у пристава у Ѳомы Ивановича Третьякова (такого то) въ винѣ

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 154.
(2) Ibid. № 155.
(3) Ibid. № 157.
(4) Ibid. № 162.
(5) Ibid. № 172, 174—182, 184—186, 189—191, 194—199, 201.

Государя своего Царя и В. К. Ивана Васильевича всея Русіи за отъѣздъ и за побѣгъ“ и т. д. (1). Затѣмъ, изъ числа указанныхъ 42 записей три даны вслѣдствіе вступленія въ Московскую службу двухъ лицъ, выѣхавшихъ изъ Литвы, и одного плѣннаго татарскаго князя—вѣрность которыхъ требовала гарантіи (2). Далѣе четыре записи (собственно двѣ, такъ какъ три изъ нихъ даны послѣдовательно однимъ и тѣмъ же лицомъ) взяты съ дяди Ивана IV Андрея Старицкаго (1537 г.) и двоюроднаго брата его Владиміра Андреевича (1553, 1554 гг.); взятіе записей съ обоихъ князей необходимо было вслѣдствіе неудовольствія ихъ на московское правительство и не разъ замѣчаннаго стремленія къ измѣнѣ (3). Только одна изъ напечатанныхъ въ „Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“ записей взята безъ всякаго повода къ тому со стороны давшихъ ее лицъ—это клятвенная запись князя Ивана Мстиславскаго, Василія Михайлова, Ивана Петрова, Ѳеодора Умнаго, князя Телятевскаго, князя Горенскаго, Даніила Романова и Андрея Васильева; но дѣло въ томъ, что взятіе этой записи сопровождалось совершенно исключительными обстоятельствами: она взята Царемъ изъ опасенія смутъ въ случаѣ кончины его,—и вотъ въ этой записи Царь беретъ съ указанныхъ преданныхъ ему лицъ клятву быть вѣрными семейству его и не искать себѣ государей помимо сыновей его. Весь текстъ записи даетъ понять что она явилась актомъ исключительнымъ, послѣдствіемъ одной изъ тѣхъ минутъ, въ которыя подозрительный Царь повсюду видѣлъ враговъ своихъ и повсюду подозрѣвалъ скрытую измѣну (4). И такъ мы склоняемся къ мысли, что клятвенныя записи брались съ служилыхъ лицъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда являлось сомнѣніе въ вѣрности ихъ или когда они получали прощеніе послѣ измѣны, а равно и съ иноземныхъ выходцевъ, вступавшихъ въ Московскую службу, въ благонамѣренности которыхъ правительство не могло быть увѣрено. Гарантіей вѣрности остальной массы служилыхъ людей служило

---

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 154, 177, 166.
(2) Ibid. № 145, 157.
(3) Ibid. № 163, 167—169.
(4) Ibid. № 174.

обыкновенное крестное цѣлованіе, имѣвшее мѣсто при вступленіи на царскую службу. Клятва сопровождавшая выдачу клятвенной записи обставлялась большею торжественностью; совершалась она посредствомъ цѣлованія Св. и Животворящаго Креста въ Успенскомъ Соборѣ. у гробницъ Московскихъ Чудотворцевъ Св. Петра или Св. Алексѣя (1). Въ текстѣ записи на нарушителя ея призывалось неблагословеніе высоко-чтимыхъ въ Русской землѣ Чудотворцевъ Петра и Алексѣя митрополитовъ, св Леонтія, епископа Ростовскаго, и св. Сергія (2). Если клятвенная запись давалась при посредничествѣ митрополита и другихъ чиновъ высшаго духовенства, то она подписывалась этими лицами и закрѣплялась печатью митрополита (3).

При приведенномъ выше указаніи на нѣкоторыя изъ клятвенныхъ записей могли мы уже замѣтить, что при выдачѣ ихъ являлось особаго рода поручительство, цѣлью котораго было обезпеченіе государства въ вѣрности служилаго человѣка. Поручительство, являющееся при выдачѣ клятвенныхъ записей, представляетъ довольно сложную и разнообразную систему. Сущность этого поручительства заключалась въ томъ, что извѣстныя особы ручались государству за лице, дающее на себя запись, ручались въ томъ, что лице это будетъ вѣрно служить службу свою и не изъявитъ намѣренія отъѣхать въ чужую землю. Разсматриваемый нами видъ поручительства представляетъ два типа: поручительство можетъ быть *неотвѣтственное* и *отвѣтственное*; въ первомъ случаѣ, поручитель не подвергается никакой отвѣтственности въ томъ случаѣ, если лице, давшее на себя клятвенную запись, нарушитъ ее,—во второмъ же случаѣ поручитель подвергается потерѣ извѣстной денежной суммы, въ которой онъ ручается за вѣрность служилаго человѣка. Въ формальномъ отношеніи оба эти вида поручительства различаются тѣмъ, что поручительство неотвѣтственное включалось въ самый текстъ клятвенной записи, тогда какъ поручительство отвѣтственное составляло предметъ особой *поручной записи*,—акта отличнаго отъ самой клятвенной запи-

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 145, 152, 153, 154, 157, 163, 165.
(2) Ibid. № 103, 145, 146, 149, 152 и др.
(3) Ibid. № 103, 145, 149, 182, 189 и др.

си. Поручительство неотвѣтственное являлось институтомъ чисто формальнымъ; сущность его заключалась въ томъ, что извѣстныя высокопоставленныя лица, обыкновенно митрополитъ и другіе члены высшаго духовенства (архіепископы, епископы, архимандриты, игумены), принимая посредничество при выдачѣ клятвенной записи, придавали ей тѣмъ самымъ болѣе компетентности и значенія, не подвергаясь тѣмъ не менѣе никакой отвѣтственности въ случаѣ ежели лице, за которое они поручились, окажется невѣрнымъ Государю. Поручители этого рода всегда подписывались подъ текстомъ самой записи; самое значеніе ихъ по отношенію къ акту клятвенной записи характеризуется выраженіемъ послѣдней „*ялися*“, но не „поручилися“, напр.: „ялися по мнѣ ... господинъ мой Даніилъ, митрополитъ всея Руси, и его дѣти, мои господа: Генадій, епископъ Суздальскій и Торусскій, Іона, епископъ Рязанскій и Муромскій“ и т. д. (1). Второй видъ поручительства при дачѣ клятвенныхъ записей—это поручительство *отвѣтственное* въ извѣстной суммѣ денегъ, называемое *поручительствомъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова и составляющее предметъ особаго акта—поручной записи. *Поручниками* или поручителями являлись обыкновенно служилые люди. Число поручниковъ было не всегда одинаково: ихъ бывало 2, 3, 10, 14, 23, 32, 112, 118 и болѣе человѣкъ. Сумма поручительства бывала равнымъ образомъ различна, простираясь отъ 250 рублей до 2000, 5000, 10000, 15000, 20000 руб. (2). Иногда служилое лице, кромѣ клятвенной записи даваемой правительству, давало такую же запись лицамъ за него поручившимся, чѣмъ гарантировало отчасти данное имъ обѣщаніе служить вѣрно и безъ побѣговъ (3). Кромѣ опредѣленій о потерѣ поручителями въ случаѣ измѣны служилаго лица, за которое они поручаются, извѣстной денежной суммы, въ поручную запись включалось еще обыкновенно условіе объ отвѣтственности поручителей личностями своими въ случаѣ бѣгства измѣнившаго служилаго человѣка: „а отъѣдетъ онъ за нашею порукою .... ино на-

(1) Наприм. С. Г. Г. и Д. I. № 154.

(2) Ibid. № 155, 156, 165, 175, 180, 182, 189; № 103, 155, 156, 178, 180, 194.

(3) Ibid. № 199.

ши поручниковы головы въ Иванов (или другого) головы мѣсто"(1).

Нѣтъ сомнѣнія что въ институтѣ поручительства, соединяемомъ съ дачею клятвенной записи, правительство Московское имѣло въ виду придать болѣе гарантіи постоянству и вѣрности службы тѣхъ служилыхъ людей своихъ, въ которыхъ оно не было вполнѣ увѣрено, установивъ за послѣдними строгій и бдительный надзоръ собственныхъ товарищей ихъ. Подобный надзоръ долженъ былъ неминуемо явиться со стороны лицъ поручившихся за извѣстнаго служилаго человѣка, такъ какъ собственный интересъ заставлялъ ихъ желать, чтобы послѣдній избѣгалъ всего что могло бы повести къ нарушенію вѣрности службы.

Кромѣ указанныхъ двухъ видовъ поручительства, весьма обыкновеннымъ является еще третій видъ его, который можно назвать поручительствомъ вспомогательнымъ; въ источникахъ носитъ оно названіе *подручительства*. Подручительство являлось всегда восполненіемъ поручительства,—на что указываетъ и самая этимологія слова: эти вторые поручники не ручаются въ томъ смыслѣ, какъ дѣлаютъ это первые поручники,—они только *подручаются* послѣднимъ, т. е. помогаютъ имъ въ ихъ поручительствѣ. Подручительство разсчитывалось на тотъ случай, если поручники окажутся не въ состояніи внести обѣщанную ими сумму поручительства; въ этомъ случаѣ на помощь имъ являлись *подручники*, которые и обязывались внести за нихъ установленную сумму. Такимъ образомъ активная дѣятельность подручителей является лишь съ наступленіемъ момента несостоятельности первыхъ поручителей; до тѣхъ поръ вся сила, весь центръ поручительства лежитъ исключительно на поручникахъ. Подручительство составляло предметъ особаго письменнаго акта—*подручной записи*. Образцы подобныхъ записей имѣемъ мы въ Собраніи Госуд. Грамотъ и Договоровъ (2). Сумма подручительства соотвѣтствовала всегда суммѣ поручительства,—число же подручителей, отвѣчавшихъ каждый только въ своей долѣ изъ общей суммы, было всегда

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 178, 180, 194 и др.

(2) Ibid. № 155, 156, 176, 178, 184, 191, 198.

несравненно значительнѣе числа поручителей; такъ мы имѣемъ примѣры что на 3 поручителя встрѣчалось 48 и даже до 283 подручителей; или на 10 поручителей 83, а на 32 поручителя 112 подручителя и т. п. (1).

Указанныя три формы поручительства, представляемаго при выдачѣ клятвенной записи, именно *поручительство неотвѣтственное*, *поручительство отвѣтственное*, или поручительство въ собственномъ смыслѣ слова, и *подручительство*, или поручительство вспомогательное,—встрѣчались не при каждой дачѣ клятвенной записи. Въ этомъ отношеніи можно разграничить слѣдующія группы записей: 1) Клятвенныя записи даваемыя безъ всякаго поручительства; здѣсь является только одинъ письменный актъ,—самая клятвенная запись (2). 2) Клятвенныя записи подкрѣпляемыя только поручительствомъ неотвѣтственнымъ; здѣсь представляется также одинъ только актъ, такъ какъ этотъ родъ поручительства включается въ самый текстъ клятвенной записи (3). 3) Клятвенныя записи подкрѣпляемыя двумя первыми формами поручительства, т. е. поручительствомъ неотвѣтственнымъ и поручительствомъ въ собственномъ смыслѣ слова; при этомъ является два письменныхъ акта,—самая клятвенная запись и поручная запись (4). 4) Клятвенныя записи подкрѣпляемыя всѣми тремя формами поручительства, т. е. поручительствомъ неотвѣтственнымъ, поручительствомъ въ собственномъ смыслѣ слова и подручительствомъ; здѣсь представляется три письменныхъ акта,—самая клятвенная запись, поручная запись и подручная запись (5).

Что касается вопроса о томъ, на сколько ненарушимо слѣдовали служилые люди обязательствомъ наложеннымъ ими на себя въ клятвенныхъ записяхъ—то существуютъ основанія предполагать, что эти клятвенныя записи не всегда служили для нихъ побужденіемъ оставаться вѣрными Государямъ своимъ. Мы видимъ, что подобныя записи иногда

---

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 196, 180, 175.

(2) Образцы: С. Г. Г. и Д. I. № 162, 163, 167—169, 174.

(3) Образцы: Ibid. №№ 145, 146, 152, 153, 154, 157, 172.

(4) Образцы: Ibid. № 103—104, 165—166, 182—184.

(5) Образцы: Ibid. № 189—191, 196—198.

совершенно нарушались. Такъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, давшій на себя клятвенную запись въ 1506 году, въ слѣдующемъ-же 1507 году отъѣхалъ въ Польшу подъ видомъ осмотра русскихъ войскъ приближавшихся къ польскому рубежу; такъ-же точно и князь Ѳеод. Мих. Мстиславскій нарушилъ клятвенную запись менѣе чѣмъ черезъ 2 года послѣ дачи ея (1).

И такъ мы разсмотрѣли средства, употребленныя государями московскими для измѣненія свободныхъ договорныхъ началъ государственной службы, остававшихся наслѣдіемъ предшествовавшаго удѣльно-вѣчеваго періода, и для образованія постояннаго, крѣпкаго государству служилаго класса.

---

(1) С. Г. Г. и Д. I. №№ 146, 159 (въ сноскахъ).

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Обзоръ элементовъ вошедшихъ въ составъ служилаго класса Московскаго государства.

Разсматривая происхожденіе Московскаго служилаго класса, нельзя не прійти въ удивленіе отъ замѣчательнаго разнообразія элементовъ, вошедшихъ въ его составъ. Трудно найти національность, представители которой не вложили бы свою лепту въ дѣло образованія Московскаго служилаго класса; замѣчательнѣе всего то, что собственно русскій элементъ составляетъ, какъ увидимъ мы ниже, лишь весьма небольшой процентъ всей массы служилыхъ людей. Чѣмъ же объяснить подобное разнообразіе? Причины его должно искать въ весьма многихъ явленіяхъ русской исторической жизни. Въ древнѣйшее время способствовалъ ему свободный характеръ организаціи княжеской дружины, при которомъ доступъ въ послѣднюю открытъ былъ для всякаго пришельца, къ какой бы національности онъ не принадлежалъ, лишь бы только удовлетворялъ требованіямъ княжеской службы. Не говоря уже о Варягахъ и представителяхъ финскихъ племенъ, населявшихъ области сосѣднія съ русскими, существуютъ указанія на то, что дружина княжеская пополнялась и лицами другихъ западно-европейскихъ и восточныхъ національностей. Такъ, въ княженіе Ярослава I Владиміровича, пріѣхалъ въ

Русскую землю „изъ Нѣмецъ мужъ честенъ“ *Шиманъ Африкановичъ* съ сыномъ своимъ Юріемъ (1), который и сдѣлался родоначальникомъ трехъ служилыхъ родовъ Московскаго государства (именно: Воронцовыхъ, Вельяминовыхъ и Аксаковыхъ). Въ дружину княжескую принимались и представители народностей покоренныхъ русскими князьями. Такъ послѣ побѣды надъ Косогами (1022 года), Мстиславъ Владиміровичъ принялъ къ себѣ и крестилъ двухъ сыновей убитаго Косожскаго *князя Редеди* или *Редеги* (2), отъ которыхъ произошло 19 родовъ, служившихъ Московскому государству (именно: Сорокоумовы, Глѣбовы, Белеутовы, Клушины, Добренскіе, Симскіе, Бюрдюкины-Зайцевы, Елизаровы-Гусевы, Векентьевы, Хабаровы, Кокошкины, Колтовскіе, Астафьевы, Теряевы, Лаптевы, Лопухины, Лупандины, Объѣдовы, Поджогины). Не только въ теченіе удѣльно-вѣчеваго періода, но и въ позднѣйшія времена, уже во времена Московскаго Царства, — иноземцы и инородцы всегда охотно принимались въ разрядъ служилыхъ людей, но только подъ условіемъ принятія православія; исключеніе изъ этого условія дѣлалось только для лицъ временно принимавшихъ характеръ служилыхъ и для принявшихъ русское подданство владѣтельныхъ лицъ восточныхъ національностей.

Далѣе значительному наплыву въ русскую землю иноземцевъ западно-европейскихъ, изъ которыхъ многіе переходили въ русское подданство, принимали православіе и затѣмъ вступали въ ряды служилыхъ лицъ, — въ значительной степени способствовали частые *вызовы въ русскую землю иноземныхъ художниковъ*, архитекторовъ, инженеровъ, медиковъ и т. п. лицъ. До конца XV вѣка значительному вторженію въ русское служилое населеніе элементовъ западно-европейскихъ, и преимущественно германскихъ, не мало способствовали и торговыя сношенія Новгорода и Пскова съ Ганзейскими городами; дѣйствительно, въ теченіе XII—XV вѣковъ именно черезъ эти города совершался, какъ увидимъ ниже, переходъ въ русское населеніе многихъ выходцевъ германскихъ.

---

(1) Временникъ М. Общ. И. и Др. т. X. 90.

(2) Ibid. 97.

Пополненію русскаго служилаго класса выходцами другихъ государствъ содѣйствовали и внутреннія событія въ послѣднихъ. Извѣстно, что при всякой реформѣ, при всякомъ переворотѣ и измѣненіи политики какого либо государства, всегда является партія недовольныхъ, партія враждебно относящихся къ новому порядку вещей; лицамъ, принадлежащимъ къ подобной партіи, представляются на выборъ два пути: или оставаться въ своемъ отечествѣ и покориться новому направленію жизни его—или же эмигрировать въ другія государства. Къ подобному стремленію къ эмиграціи особенно часто приводитъ и недовольство соціальными условіями жизни извѣстнаго государства, равно и наступленіе обстоятельствъ, нарушающихъ нормальное теченіе соціальной жизни его. И дѣйствительно, многія изъ подобнаго рода явленій въ жизни западно-европейскихъ государствъ содѣйствовали выселенію членовъ ихъ въ отечество наше, гдѣ многіе эмигранты вступали въ русское служилое сословіе. Такъ мы видимъ что эмиграціи въ Россію татарскихъ выходцевъ способствовали смуты въ Ордѣ; эмиграціи въ Московское государство православнаго населенія подвластнаго королямъ Польскимъ и в. к. Литовскимъ способствовали гоненія послѣднихъ на православіе, въ особенности свирѣпствовавшія въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій; эмиграціи грековъ способствовало завоеваніе турками Константинополя (1453 г.), эмиграціи нѣмцевъ—бѣдственное положеніе Германіи въ эпоху великаго междуцарствія и господства кулачнаго права; эмиграціи англичанъ— великая англійская революція и сверженіе дома Стюартовъ; эмиграціи шведовъ во второй половинѣ XIV вѣка—внутреннія смуты и борьба за престолъ фамилій Сверкеровъ и Вонде и т. п.

Наконецъ вторженію въ русское служилое сословіе иноземныхъ элементовъ особенно много содѣйствовали различнаго рода сношенія и столкновенія Россіи съ чужими государствами. Прежде всего отнесемъ мы сюда *завоеванія* и вообще *присоединенія* къ Россіи *новыхъ областей*; пріобрѣтая новую территорію, русскіе государи пріобрѣтали новыхъ подданныхъ а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ служилыхъ людей. Таковы были послѣдствія завоеванія Казани (1552 г.), покоренія Черемисовъ, Мордвы, Мещеры, Остяковъ и другихъ инородцевъ, завоеванія Сибири (1582 г.),

возвращенія Смоленска (1654 г.), присоединенія Малороссіи (1654 г.) и т. п. Затѣмъ сюда относятся *войны* Россіи *съ другими государствами и народами*, отчасти вслѣдствіе того, что черезъ ихъ посредство иноземцы, знакомясь съ русскими порядками и прельщаясь положеніемъ русскихъ служилыхъ людей, переходили въ русское подданство и вступали въ ряды послѣднихъ—а отчасти вслѣдствіе того, что многіе иноземцы, взятые въ русскій плѣнъ, изъявляли желаніе остаться служить русскимъ государямъ. Наконецъ сюда же отнесемъ мы и *свадьбы русскихъ государей* съ дочерьми и родственницами иноземныхъ государей, которыя оказывали весьма важное вліяніе на пополненіе служилаго класса лицами иностраннаго происхожденія; подобнаго рода брачные союзы были особенно часто заключаемы Московскими велик. князьями въ эпоху усиленія Москвы и Царь Иванъ IV былъ послѣднимъ Государемъ Московскимъ, взявшимъ въ жены чужеземку. Изъ многихъ вел. князей, женатыхъ на чужеземкахъ, укажемъ на Юрія Даніиловича Московскаго, женатаго на татарской княжнѣ Кончакѣ; на великаго князя Семена Ивановича, женатаго на литовской княжнѣ Айгустѣ; на в. к. Василія Дмитріевича, женатаго на княжнѣ литовской Софьѣ Витовтовнѣ; на в. к. Ивана III, женатаго на греческой царевнѣ Софьѣ Палеологъ, и наконецъ на Царя Ивана IV, женатаго на черкасской княжнѣ Маріѣ Темрюковнѣ. Подобные браки всегда вели къ пополненію массы служилыхъ людей иноземцами. Дѣло въ томъ, что по существовавшему въ ту эпоху обычаю, невѣста являлась въ землю жениха своего съ цѣлою свитою соотечественниковъ своихъ, изъ которыхъ многіе принимали православіе, если были другого исповѣданія и, окончательно осѣвшись въ русской землѣ, дѣлались родоначальниками многихъ служилыхъ родовъ, замѣчаемыхъ нами впослѣдствіе въ составѣ служилаго класса Московскаго государства. Эмиграція не прекращалась и съ бракосочетаніемъ пріѣхавшей невѣсты съ вел. княземъ; она продолжается и впослѣдствіе, такъ какъ соотечественники молодой княгини въ большемъ количествѣ стекаются ко двору супруга ея, надѣясь выгодно пристроиться на русской службѣ черезъ протекцію соотечественницы-княгини и черезъ поддержку партіи земляковъ, сгруппировавшейся вокругъ нея. Такъ бракъ В. К. Василія Дмитріевича содѣйствовалъ при-

бытію въ Москву многихъ выходцевъ Литовскихъ, и въ томъ числѣ родственниковъ Софьи Витовтовны, образовавшихъ вокругъ себя цѣлую партію соотечественниковъ своихъ. Такія же послѣдствія повлекъ за собою и бракъ В. К. Ивана III съ Софьей Палеологъ. Вліяніе греческой партіи, образовавшейся вслѣдствіе этого союза при дворѣ Московскомъ имѣло, какъ извѣстно, рѣшительное вліяніе на развитіе и направленіе русской государственной жизни; „какъ пришла сюда мати Великаго Князя Великая Княгиня Софія съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія“,—говоритъ Максиму Греку Берсень-Беклемишевъ, представитель старо-московской партіи. Народныя былины содержатъ въ себѣ въ высшей степени интересныя указанія на эмиграцію возникающую вслѣдствіе браковъ государей русскихъ съ чужеземными принцессами и на возникающую отсюда борьбу партіи пришельцевъ со старою партіею русскихъ служилыхъ людей. Такова, напримѣръ, былина „*о Кострюкѣ*“, въ которой поется о женитьбѣ Царя Ивана Васильевича на Черкасской княжнѣ Маріи Темрюковнѣ:

Изволилъ нашъ царь государь
Царь Иванъ да Васильевичъ,
Онъ изволилъ женитися,
Да онъ свѣтъ обручатися,
Не у насъ на святой Руси,
Не у насъ въ каменной Москвѣ,
Во земли во Литовскія,
Да во той во Черкасскія,
На премладой Черкашенькѣ,
А на Марьѣ Демрюковнѣ.

Далѣе идетъ рѣчь о прибывшихъ съ невѣстою соотечественникахъ и родственникахъ:

Да онъ много въ приданое бралъ,
Онъ триста улановей,
Да пятьсотъ улывановей,
Еще онъ въ приданы бралъ
Молодаго-да шурина
Кострюка-то Демрюковича.

Пріѣхавъ въ Москву, Кострюкъ возъимѣлъ сильное желаніе

Въ Москвѣ поборотися,
Да въ Москвѣ поломатися,
По двору покататися
По двору-то по царскому,
По тому государскому (1).

Держитъ себя Кострюкъ въ Москвѣ надменно, не молится входя въ горницу, говоритъ съ царемъ „не съ упадкою“ (т. е. не падая, не кланяясь) и вступаетъ въ концѣ концовъ въ борьбу съ Московскими удальцами; побѣда остается за послѣдними, къ великому неудовольствію царицы Марьи Темрюковны (2)

Представивъ этотъ бѣглый очеркъ причинъ способствовавшихъ вторженію въ массу русскаго служилаго населенія чужихъ элементовъ —что казалось намъ полезнымъ въ видахъ облегченія дальнѣйшаго изложенія—переходимъ къ болѣе подробному обозрѣнію элементовъ, вошедшихъ въ составъ служилаго класса Московскаго государства. Для облегченія предпринятой задачи, мы разсмотримъ предложенный вопросъ въ слѣдующихъ пяти рубрикахъ: А) элементъ потомковъ князей-Рюриковичей, В) элементъ Польско-Литовскій, С) элементъ другихъ западно-европейскихъ народностей, Д) элементъ Татарскій и Е) элементъ другихъ восточныхъ народностей.

А) Элементъ потомковъ князей Рюриковичей.

Потомство Рюрика образовало весьма значительное количество княжескихъ и только весьма незначительное количество некняжескихъ родовъ, служившихъ Московскому государству; впрочемъ встрѣчается небольшое количество родовъ потомковъ Рюрика, которые и не служили ему. Интересна судьба родовъ, происшедшихъ отъ Рюрика: будучи первоначально владѣтельными удѣльными князьями, они съ усиленіемъ Московскаго государства постепен-

---

(1) Гильфердингъ. Онежскія былины. № 310.

(2) Ibid. № 193.

но теряютъ свою автономію, становятся все въ большую и большую зависимость отъ Московскихъ государей,—и въ концѣ концовъ принимаютъ характеръ простыхъ служилыхъ людей, сохранивъ только княжеское званіе—какъ послѣднее воспоминаніе о минувшей самостоятельности. Въ силу какихъ же обстоятельствъ совершается этотъ переходъ потомковъ Рюрика изъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ владѣтельныхъ князей на степень обыкновенныхъ служилыхъ людей, стоявшихъ нерѣдко въ служебномъ отношеніи не только ниже служилыхъ князей менѣе именитаго происхожденія, но даже ниже служилыхъ людей нерусскаго происхожденія—выходцевъ изъ татаръ и другихъ иноземцевъ? Очевидно что основная причина этого *„захудѣнія“* родовъ удѣльныхъ князей русскихъ лежала въ стремленіи Великихъ Князей Московскихъ къ самодержавію и къ объединенію подъ властью своей земли русской. Стремленіе это встрѣчало препятствіе въ существованіи болѣе или менѣе самостоятельныхъ князей удѣльныхъ,—и вотъ почему съ самаго начала XIV вѣка замѣчается особая черта политики Московскихъ государей, проявляющаяся въ стремленіи ихъ подорвать самостоятельность другихъ князей русскихъ и совершенно обезсилить ихъ. Раньше всего проявляется стремленіе это въ томъ, что они обязуютъ послѣднихъ ни съ кѣмъ не сноситься и не вѣдаться безъ воли и посредничества ихъ. Великіе Князья Московскіе стремятся такимъ образомъ стать между князьями русскими и остальнымъ міромъ, стремятся сдѣлаться единственными представителями всей земли русской; къ этому побуждала ихъ и боязнь того, чтобы кто нибудь изъ русскихъ князей не передался къ Литвѣ или къ Ордѣ вмѣстѣ съ удѣломъ своимъ, и этимъ не лишилъ Москву возможности пріобщить его современемъ къ ея владѣніямъ. Ограниченіе удѣльныхъ князей русскихъ въ правѣ сношеній ихъ съ другими государствами и народами выражается прежде всего по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, входившимъ въ составъ Великаго Княженія Московскаго. Первоначально ограниченіе это выражается весьма мягко, являясь въ формѣ обоюднаго условія „другъ безъ друга не доканчивати и не ссылатися“ (1), хотя, вслѣдствіе фактическаго пре-

(1) С. Г. Г. и Д. I. №№ 24, 27, 35 и др.

восходства силы Великихъ Князей Московскихъ, обоюдность этого условія соблюдалась ими лишь на столько, на сколько была она въ собственныхъ интересахъ ихъ. Впослѣдствіе ограниченіе это выражается уже строже и принимаетъ болѣе и болѣе односторонній характеръ; уже ясно выражается та мысль, что съ кѣмъ доканчиваетъ Великій Князь, съ тѣми приводитъ онъ въ докончаніе и молодшую братію, что удѣльный князь не можетъ ни съ кѣмъ „кончати и ссылатися“ безъ Великаго Князя (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ особаго рода отношеніе Великихъ Князей Московскихъ къ удѣльнымъ князьямъ и изъ необходимости уплачивать *„выходъ“* въ Орду; выходъ уплачивался Ордѣ всецѣло Великими Князьями за все великое княженіе Московское, а они уже въ свою очередь взимали его на отдѣльныхъ удѣльныхъ князьяхъ, притомъ взимали далеко не безъ пользы для собственнаго интереса. Это представительство Великихъ Князей Московскихъ по отношенію къ уплатѣ выхода Ордынскаго, носившее первоначально характеръ услуги,—такъ какъ непосредственное сношеніе съ Ордою представлялось опаснымъ и нерѣдко унизительнымъ для самолюбія,—это представительство получило характеръ обязательный: удѣльный князь не только *могъ*, но уже и *обязанъ* былъ уплачивать свою долю въ выходъ не иначе, какъ чрезъ посредство Великаго Князя. „А Ордынская тягость и проторъ дати ти брату старѣйшему съ удѣла“, или „а Орда знати тобѣ Великому Князю, а мнѣ Орды не знати“—такого рода опредѣленія постоянно встрѣчаются въ договорахъ Великихъ Князей Московскихъ съ ихъ удѣльными князьями (2).

Что касается Великихъ Князей Тверскихъ и Рязанскихъ, то подобнаго рода черты въ отношеніяхъ ихъ къ Великимъ Князьямъ Московскимъ проглядываютъ лишь въ концѣ самостоятельнаго существованія ихъ, именно во второй половинѣ XV вѣка; до того времени политическая независимость ихъ является несравненно болѣе широкою, сравнительно съ удѣльными князьями Московскими. Хотя еще во второй половинѣ XIV вѣка высказывается до нѣкоторой степени подчиненное отношеніе ихъ къ Великимъ Князьямъ Московскимъ, выражающееся въ томъ, что Великій Князь

(1) С. Г. Гр. и Д. I, №№ 60, 80 и др.

(2) Ibid. №№ 27, 52, 78 и др.

Московскій именуетъ другихъ Великихъ Князей *братьями молодшими* (1), тѣмъ не менѣе они по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ пользовались правомъ самостоятельныхъ сношеній, не нуждаясь въ посредничествѣ и представительствѣ великихъ князей Московскихъ; обыкновенно въ договорахъ ихъ съ Великими Князьями Московскими ставились слѣдующаго рода опредѣленія: „Великому Князю Тверскому къ Ордѣ и къ Царю (т. е. Хану) путь чистъ, и дѣтямъ его и внучатамъ его и людямъ“ (2). Тѣмъ не менѣе, въ правленіе В. К. Ивана III, Великіе Князья Тверскіе и Рязанскіе потеряли уже всякую свободу международныхъ сношеній. Въ эту эпоху въ договорахъ ихъ съ Великими Князьями Московскими появляются обязательства Великихъ Князей Тверскихъ и Рязанскихъ не отдаваться къ Литвѣ, не сноситься съ нею и вообще съ врагами Великаго Князя Московскаго, и доносить ему обо всемъ, съ чѣмъ будутъ присылать къ нимъ король и враги Москвы, а самыхъ пословъ выдавать. Въ договорѣ съ В. К. Рязанскимъ, 1483 года, является наконецъ опредѣленіе о томъ, что если Великій Князь Московскій будетъ имѣть любовь и доканчаніе съ Литвою, то въ это окончаніе онъ включаетъ и Великаго Князя Рязанскаго, „что еси съ нами одинъ человѣкъ“,— какъ гласитъ договоръ; „а тебѣ съ нимъ не канчивати, ни съ инымъ ни съ кѣмъ“, говорится далѣе. Подобное же опредѣленіе встрѣчаемъ и въ договорѣ 1484 года, заключенномъ съ Великимъ Княземъ Тверскимъ (3).

Такимъ образомъ вслѣдъ за усиленіемъ Великихъ Князей Московскихъ падала постепенно политическая автономія другихъ князей русскихъ. Съ другой стороны, усиленіе Москвы повлекло за собою переходъ къ кругу владѣній ея владѣній другихъ князей русскихъ или въ цѣломъ составѣ ихъ, при чемъ лишенному владѣнія князю ничего болѣе не оставалась, какъ вступить въ ряды служилыхъ людей Московскихъ,—или отдѣльными частями, что очевидно вело къ умаленію и безъ того небольшаго значенія удѣльнаго князя. Переходъ земель отъ удѣльныхъ князей русскихъ къ Великимъ Князьямъ Московскимъ совершался самыми разнобразными

(1) С. Г. Гр. и Д. I. №№ 32, 35, 36 и др.

(2) Ibid. №№ 77, 88, 89.

(3) Ibid. №№ 115, 118.

способами. Самою обыкновенною формою такого перехода было *завладѣніе силою*; такимъ путемъ было присоединено къ Москвѣ Великое Княженіе Тверское, Великое Княженіе Рязанское, княжество Вяземское, княжество Галичское и Стародубское (1). Иногда Великіе Князья Московскіе присоединяли къ владѣніямъ своимъ земли умершихъ удѣльныхъ князей, считая себя законными наслѣдниками ихъ; такъ въ 1472 году, по смерти умершаго бездѣтнымъ брата своего Юрія, В. К. Иванъ III поспѣшилъ овладѣть его удѣломъ и заключить договоръ съ другими братьями своими для закрѣпленія за собою новаго владѣнія своего (2). Вел. Кн. Московскіе постепенно усвоиваютъ взглядъ, что они должны быть единственными преемниками умирающихъ бездѣтными удѣльныхъ князей; вполнѣ ясно выражается взлядъ этотъ въ духовной грамотѣ В. К. Ивана III. Въ этомъ актѣ опредѣляется, что если кто нибудь изъ младшихъ сыновей завѣщателя умретъ бездѣтнымъ,—то удѣлъ его идетъ, помимо остальныхъ братьевъ, В. К. Василію Ивановичу. Если послѣ умершаго останутся дочери, то онѣ не могутъ наслѣдовать отцу своему,—удѣлъ всетаки идетъ Великому Князю, на котораго возлагается однако обязательство выдать ихъ замужъ и дать приданое; если же умершій оставитъ часть имѣнія своего вдовѣ своей, то Великій Князь не вступается въ этотъ прожиточный участокъ до живота послѣдней (3).

Но нерѣдко бывало и такъ, что самъ умирающій князь назначалъ В. К. Московскаго наслѣдникомъ владѣній своихъ; такимъ образомъ въ 1482 году князь Верейскій Михаилъ Андреевичъ, имѣя гнѣвъ на сына своего, сдѣлалъ Великаго Князя наслѣдникомъ всѣхъ владѣній своихъ (4) Въ 1481 году подобнымъ же образомъ поступилъ и Князь Андрей Васильевичъ Меньшой (5), а въ 1504 году

---

(1) Рус. Лѣтоп. по никон. списку. Спб. 1789 г., IV т. стр. 5 и др.

(2) С. Г. Г. и Д. I. №№ 97—100.

(3) Ibid. № 114.

(4) Ibid. стран. 215 (сноска).

(5) Ibid. № 112.

князь Волоцкій Иванъ Борисовичъ отказалъ В. К. Ивану III свои вотчины Рузу и половину Ржева (1).

Но особенно интересными видами отчужденія удѣльными князьями владѣній своихъ В. К. Московскимъ являются *мѣна* и *продажа* ихъ. Особенность этого рода *мѣны* заключалась въ томъ, что удѣльный князь промѣнивалъ княженіе свое на вотчины въ Великомъ Княженіи Московскомъ, а черезъ это обращался изъ владѣльнаго удѣльнаго князя въ простаго вотчинника государства Московскаго; такъ поступилъ напримѣръ въ 1463 году послѣдній удѣльный князь Ярославскій—Александръ Ѳеодоровичъ Брюхатый (2). *Продажа* удѣльными князьями княженій своихъ бывала двоякаго рода—продажа княженія въ цѣломъ составѣ его и продажа только части княженія; такъ еще при В. К. Иванѣ Калитѣ продали Москвѣ князья Бѣлозерскіе часть удѣла своего; равнымъ образомъ частями были продаваемы В. К. Московскимъ и владѣнія удѣльныхъ князей Ростовскихъ (3). Какъ промѣнъ удѣловъ на Московскія вотчины, такъ и совершенная продажа ихъ, были очевидно актами невыгодными для отчуждавшихъ, которыхъ обращали они въ ряды простыхъ служилыхъ людей Московскихъ. Ясно, что подобный образъ дѣйствій удѣльныхъ князей долженъ былъ корениться въ дурныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ быть слѣдствіемъ невыгодныхъ условій жизни ихъ. Дѣйствительно, указанныя отчужденія удѣловъ были послѣдствіемъ, съ одной стороны, деспотическаго и крайне нецеремоннаго обращенія съ удѣльными князьями Великихъ Князяй Московскихъ, а съ другой стороны—сильнаго обѣдненія ихъ, при которомъ удѣльные князья расчитывали извлечь болѣе выгоды изъ службы Московскимъ Великимъ Князьямъ, нежели изъ владѣнія удѣлами своими. Невольно поражаешься бѣдностью многихъ удѣльныхъ князей русскихъ; разстройство финансовыхъ средствъ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходило до того, что они принуждены были закладывать частнымъ лицамъ движимыя имущества свои и занимать деньги подъ страшные проценты. Свѣдѣнія эти почерпаются изъ духовныхъ грамотъ нѣко-

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 132.

(2) Кн. Долгоруковъ. Родосл. Кн. I. 145.

(3) Ibid. 218, 209.

торыхъ удѣльныхъ князей. Такъ изъ духовной грамоты князя Андрея Васильевича Меньшаго видимъ, что онъ былъ долженъ 30 тысячъ рублей Великому Князю; 250 рублей нѣкоему Григорію Бобынѣ, подъ залогъ золотой цѣпи, пояса и ковша; 350 рублей Ивану Фрязину, подъ залогъ трехъ золотыхъ цѣпей, двухъ золотыхъ ковшей и двѣнадцати серебряныхъ мисъ; 300 рублей Гаврилу Салареву, 115 руб Андрею Чашникову и др. (1). Равнымъ образомъ и князь Ив. Бор. Волоцкій долженъ былъ многимъ частнымъ лицамъ, подъ залогъ золотыхъ вещей, за заборъ въ долгъ оружія и коней. Этотъ князь принужденъ былъ занимать деньги подъ большіе проценты, которыхъ онъ не былъ даже въ состояніи уплачивать; такъ, напримѣръ, онъ долженъ былъ нѣкоему Егорію 122 рубля съ условіемъ платежа росту „*вполы*“, т. е. 50%, и ростъ этотъ не былъ имъ выплачиваемъ въ теченіе пяти лѣтъ,—слѣдовательно въ эти пять лѣтъ суммма долга съ неуплаченными процентами возросла до 427 рублей (2). Понятно, что такое бѣдственное положеніе удѣльныхъ князей не могло не побуждать ихъ къ отчужденію своихъ удѣловъ, владѣніе которыми обременяло ихъ неоплатными долгами, не доставляя никакихъ выгодъ; и дѣйствительно, они охотно отчуждали владѣнія свои Великимъ Князьямъ Московскимъ, а сами вступали въ число служилыхъ людей ихъ.

Все что мы говорили до сихъ поръ, относится къ удѣльнымъ князьямъ Восточной Руси. Но нужно помнить что въ эпоху усиленія Великаго Княженія Московскаго существовала еще другая Русь, преимущественно и въ тѣсномъ смыслѣ слово носившая названіе Руси или Русской земли,— это *Русь Западная*, оторванная отъ Восточной Руси послѣ подчиненія послѣдней Татарамъ и затѣмъ подпавшая подъ власть Великихъ Князей Литовскихъ. Въ этой подпавшей подъ Литовское владычество Западной Руси находилась цѣлая группа князей, потомковъ удѣльныхъ князей Рюриковичей. Пока надъ Восточною Русью лежало тяжелымъ ярмомъ владычество хановъ Ордынскихъ—эти западно-русскіе князья

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 112.

(2) Ibid. № 132.

оставались безучастными къ судьбѣ ея; къ тому же великіе князья Литовскіе не причиняли имъ никакого насилія: они спокойно жили въ исконныхъ вотчинахъ своихъ и безпрепятственно исповѣдывали вѣру отцовъ своихъ. Но вотъ во второй половинѣ XV вѣка зажглась надъ восточною Русью заря новой жизни. Татарское иго было окончательно свергнуто; среди развалинъ прежней удѣльной системы могущественно возвышалось молодое, сильное государство Московское, стремящееся концентрировать въ себѣ все, что было лучшаго въ различныхъ областяхъ не только русской, но и иноземныхъ земель. Оно звало на службу свою всѣхъ способныхъ къ ней людей и привлекало ихъ предоставленіемъ имъ многихъ выгодъ и матерьяльныхъ благъ. Одновременно съ тѣмъ совершается измѣненіе и въ отношеніяхъ великихъ князей Литовскихъ къ западно-русскимъ князьямъ. Видя возростающее могущество Москвы и опасаясь чтобы западно-русскіе князья не перешли въ ея подданство, они стремятся ограничить вольность ихъ, изъявляютъ намѣреніе овладѣть вотчинами ихъ. а что особенно было чувствительно для нихъ—поднимаютъ гоненіе на православіе, „*будятъ*“ ихъ къ переходу въ латинскую вѣру. Словомъ—великіе князья Литовскіе начинаютъ всѣми путями стремиться къ подавленію національной самобытности въ подвластныхъ имъ русскихъ областяхъ. Западно-русскіе князья не потерпѣли воздвигнутаго на нихъ гоненія и, во имя сохраненія „душевной вѣры своей“, начинаютъ въ большомъ количествѣ отпадать отъ Литвы и переходить въ подданство Москвы. Съ своей стороны, Московское правительство само благопріятствовало этому переходу и побуждало къ нему западно-русскихъ князей предоставленіемъ имъ большихъ выгодъ и почестей. Переходы этого рода были тѣмъ выгоднѣе для московскаго правительства, что западно-русскіе князья передавались обыкновенно Москвѣ со всѣми вотчинами своими. Существуютъ свидѣтельства, что еще въ началѣ XV вѣка началось тяготѣніе къ Москвѣ западно-русскаго населенія. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1408 году пришелъ изъ Литвы служить великому князю князь Свидригайло Ольгердовичъ, съ которымъ перешли на сторону Москвы многіе князья и бояре подвластныхъ Литвѣ русскихъ областей. Въ числѣ ихъ указываются: князья Патрикей и Александръ Звенигородскіе, князь Сем. Перемышльскій, князь Мих.

Хотетовскій и бояре Черниговскіе, Стародубскіе, Любечскіе и Руславскіе (1). Но главною эпохою переходовъ къ Москвѣ западно-русскихъ князей былъ конецъ XV и начала XVI вѣка, когда въ Литвѣ усилилось до крайней степени гоненіе на православіе: подвластные Литвѣ русскіе князья цѣлыми массами начинаютъ передаваться великимъ князьямъ Московскимъ. Такъ, въ 1490 году, передались со своими вотчинами на службу В. К. Ивана III, князь Дм. Ѳеод. Воротынскій и князь Ив. Мих. Перемышльскій; въ томъ же году передался Ивану III съ вотчиною своею и князь Иванъ Бѣлевскій съ двумя братьями своими. Замѣчательно, что передававшіеся Москвѣ западно-русскіе князья стремилась побудить къ тому же и родственниковъ своихъ, остававшихся еще вѣрными Литвѣ, нерѣдко дѣйствуя даже силою для принужденія ихъ къ переходу (2). Въ 1493 году пріѣхалъ служить Великому Князю князь Мих. Роман. Мезецкій и силою привезъ съ собою двухъ братьевъ своихъ (3); въ этомъ же году передался Москвѣ вмѣстѣ съ своею вотчиною и князь Сем. Ѳед. Воротынскій, а отъѣзжая завладѣлъ еще городами Серпѣйскомъ и Мезецкомъ (4). Принимая на службу свою западно-русскихъ князей, Московское правительство должно было дѣйствовать осмотрительно; между ними случались иногда лица, подосланныя Литвою, какъ показываетъ примѣръ князя Ивана Лукомскаго, которому дано было порученіе отравить Ивана III (5). Въ 1500 году, по поводу перехода къ Москвѣ князя Семена Ивановича Бѣльскаго, возникло препирательство между Литовскимъ и Московскимъ правительствами. Вел. Кн. Литовскій Александръ изъявлялъ претензію на то, что В. К. Иванъ III принимаетъ отъѣзжающихъ къ нему князей русскихъ, Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ что принимаетъ ихъ къ себѣ вслѣдствіе того, что Литовское правительство „*нудитъ*“ ихъ къ принятію Латинской вѣры, „а учнеши нудити, а отъ той нужи пойдутъ къ намъ, и намъ ихъ

(1) П. С. Р. Л. VI. 136.

(2) Карамзинъ. И. Г. Р. VI. 238.

(3) Лѣтописецъ сод. Рос. ист.; Синод. изд. 1853 г., стр. 231.

(4) П. С. Р. Л. VI. 240.

(5) Карамзинъ: И. Г. Р. VI. 243.

пріимати и съ вотчинами и стояти, сколько намъ Богъ поможетъ" (1). Такимъ образомъ Иванъ III открыто призналъ за собою право принимать притѣсняемыхъ за вѣру князей западно-русскихъ и объявилъ намѣреніе свое силою поддерживать это право. Къ этому-же времени относится и переходъ къ Москвѣ князей Мосальскихъ, князя Хотетовскаго и бояръ Мценскихъ и Серпейскихъ. Всѣ эти обстоятельства вели очевидно къ окончательному разрыву между Москвою и Литвою, и дѣйствительно вспыхнула война, окончившаяся лишь въ 1509 году, со смертью великаго князя Литовскаго Александра. По условіямъ мира, заключеннаго въ 1509 году Вел. Кн. Василіемъ Ивановичемъ съ королемъ Сигизмундомъ, князья В. Н. Шемякинъ, В. С. Стародубскій, князья Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе, Трубецкіе и Мосальскіе были вмѣстѣ съ вотчинами ихъ записаны за Москвою (2); кромѣ того на сторонѣ Москвы остались и другіе князья западно-русскіе, еще до заключенія мира 1509 года принятые въ подданство Московское. Вообще же въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI-го воспослѣдовалъ переходъ слѣдующихъ родовъ западно-русскихъ князей: князей Воротынскихъ, Перемышльскихъ, Козельскихъ, Бѣлевскихъ, Можайскихъ, Шемякиныхъ, Мезецкихъ, Мосальскихъ, Хотетовскихъ, Жижемскихъ, Стародубскихъ, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Коркодиновыхъ.

Перейдемъ теперь къ *обозрѣнію самыхъ родовъ ведшихъ начало свое отъ Рюрика.*

Замѣтимъ прежде всего что количество родовъ, происшедшихъ отъ Рюрика, было чрезвычайно обширно. Но взглядываясь ближе въ эту огромную массу, мы находимъ возможнымъ раздѣлить ее на нѣсколько группъ, принимая за основаніе подобнаго дѣленія происхожденіе извѣстныхъ родовъ отъ одного корня. Дѣйствительно, мы видимъ что вся совокупность родовъ ведущихъ свое начало отъ Рюрика, распадается на шесть группъ, согласно происхожденію ихъ отъ шести корней: 1) *Св. Михаила Черниговскаго*, 2) *князя Мстислава Владиміровича* (сына Мономаха).

---

(1) П. С. Р. Л. VI. 45.

(2) П. С. Р. Л. VI. 248.

3) *Всеволода Юрьевича*, прозваннаго, *Большое Гнѣздо*, 4) *Ярослава Святославича* (внука Ярослава Великаго), 5) отъ *князей Перемышля-Южнаго* и наконецъ 6) отъ *князей Полоцкихъ* Разсмотримъ каждую изъ этихъ группъ въ отдѣльности.

1) **Потомство Св. Михаила Черниговскаго** образовало до 47 родовъ, изъ которыхъ 44 рода княжескихъ и 3 рода некняжескихъ, а именно (1).

Роды княжескіе.

Отъ *князей Черниговскихъ* и *Брянскихъ*: 1) Осовицкіе. Отъ *князей Глуховскихъ* и *Новосильскихъ*: 2) Бѣлевскіе, 3) Воротынскіе, 4) Одоевскіе. Отъ *князей Карачевскихъ*: 5) Мосальскіе, 6) Кольцовы, 7) Литвиновы, 8) Рубцевы, 9) Клубковы (отрасли князей Мосальскихъ), 10) Хотетовскіе, 11) Перемышльскіе и Козельскіе, 12) Горчаковы (отрасль послѣднихъ), 13) Елецкіе, 14) Звенигородскіе (Спячіе), 15) Звѣнцовы, 16) Токмачевы или Токмаковы, 17) Ноздреватые, 18) Рюмины, 19) Барашевы, 20) Шистовы (послѣдніе 7 родовъ отрасли князей Звенигородскихъ), Отъ *князей Торусскихъ*: 21) Барятинскіе, 22) Мезецкіе, 23) Волхонскіе или Волконскіе, 24) Курлятевы, 25) Ногтевы-Оболенскіе, 26) Стригины, 27) Ярославовы, 28) Нагіе, 29) Телепневы-Овчинины, 30) Туренины, 31) Рѣпнины, 32) Пѣнинскіе, 33) Горенскіе, 34) Тюфякины, 35) Оболенскіе (Бѣлые), 36) Золотые, 37) Серебрянные, 38) Лыковы, 39) Кашины, 40) Долгорукіе, 41) Щербатые, 42) Тростенскіе, 43) Конинскіе, 44) Спасскіе (посл. 21 родъ отрасли князей Оболенскихъ).

(1) Слѣдующія за симъ исчисленія сдѣланы на основаніи сличенія и провѣрки свѣденій, заключающихся въ слѣдующихъ источникахъ: a) въ родословныхъ спискахъ помѣщенныхъ въ X т. Временника Москов. Общ. Ист. и Др., b) въ Бархатной книгѣ, изд. Новикова, 1787 г., c) въ родословныхъ таблицахъ приложенныхъ къ Ист. Гос. Рос. Карамзина (XII т.), d) въ Родосл. Книгахъ изданныхъ кн. Долгоруковымъ и Семевскимъ, e) въ такъ назыв. послужныхъ спискахъ (помѣщ. въ Др. Рос. Вивл. XX и въ Арх. Ист.-Юрид. свѣд. изд. Калачева) и, отчасти, f) въ лѣтописяхъ.

Роды некняжескіе.

Отъ *князей Карачевскихъ*: 45) Пузины, 46) Огинскіе, 47) Сатины.

Изъ приведенныхъ 47 родовъ, 18 родовъ существовали еще въ началѣ царствованія Петра I (1); когда угасли остальные сказать довольно трудно. Можно только достовѣрно сказать, что, сверхъ 18 родовъ существовавшихъ при Петрѣ I, въ 1600 г. застаемъ мы существующими еще 7 родовъ изъ разсматриваемой группы (2). Слѣдовательно можно положительно утверждать, что въ 1600 году существовало еще не менѣе 25 родовъ потомковъ Св. Михаила Черниговскаго.

Разсматривая служебныя поприща родовъ разсматриваемой группы, мы увидимъ что изъ относящихся сюда родовъ, въ періодъ времени отъ Ивана III до Петра I, достигали въ различное время *боярства*—21 родъ (а не 10, какъ ошибочно полагаетъ г. Хлѣбниковъ въ сочиненіи „О вліяніи общества и пр“. стр. 13). Изъ нихъ 4 рода бывали въ боярахъ въ теченіе всего своего существованія въ этомъ періодѣ (князья Воротынскіе, Одоевскіе, Рѣпнины и Кашины), 8 родовъ достигали боярства только въ промежутокъ времени до XVII столѣтія (3) (князья Бѣлевскіе, Курлятевы, Стригины, Нагіе, Телепневы, Горенскіе, Оболенскіе, Серебряные), наконецъ 9-же родовъ достигали боярства исключительно лишь въ XVII вѣкѣ (князья Кольцовы-Мосальскіе, Рубцевы-Мосальскіе, Барятинскіе, Мезецкіе, Волхонскіе, Туренины, Лыковы, Долгорукіе, Щербатые, —послѣдніе уже въ началѣ царствованія Петра). Достигали степени *окольничаго*, но не поднимались выше ея—7 родовъ. Изъ нихъ достигали этой степени до XVII вѣка 4 рода (князья Елецкіе, Звѣнцовы, Токмачевы, Ноздреватые); остальные рода достигали ея лишь въ XVII вѣкѣ. (князья Литвиновы, Горчаковы и Хотетовскіе).

2) Другая группа родовъ-Рюриковичей ведетъ свое начало отъ **в. к. Мстислава Владиміровича**, сына Мономаха.

---

(1) Именно: №№ 3, 4, 6, 10, 12, 13, 14, 21, 23, 31, 34, 35, 38, 40, 41, 45, 46, 47.

(2) Именно: №№ 7, 8, 22, 25, 30, 39, 42.

(3) Многіе впрочемъ потому что угасли, не достигнувъ XVII вѣка.

Эта группа вмѣщаетъ въ себѣ самое большое количество родовъ. Изъ нихъ: a) нѣкоторые пребывали въ Польшѣ и Литвѣ, слѣдовательно не служили Московскому государству; сюда относятся:

Короли и князья Галицкіе и Русскіе, князья: Острожскіе, Заславскіе, Друцкіе Озерецкіе, Д:-Соколинскіе, Д:-Любецкіе, Д:-Горскіе, Д:-Подбережскіе, Бакриновскіе, Луцкіе, Соломерецкіе

b) Три рода перешли къ Москвѣ изъ Литвы, именно:

Князья: Друцкіе, Бабичевы и Путятины.

c) Одинъ родъ произошелъ отъ удѣльныхъ *князей Вяземскихъ*,—это:

Князья Вяземскіе.

d) Тридцать шесть родовъ произошли отъ удѣльныхъ *князей Ярославскихъ*, именно:

Князья: Алабышевы, Аленкины, Троекуровы, Тюменскіе, Сисеевы, Великогагины (Великіе), Шастуновы, Курбскіе, Пенковы, Юхотскіе, Кубенскіе, Щетинины, Засѣкины, Сандыревскіе, Солнцевы, Солнцевы-Засѣкины, Жировые-Засѣкины, Шаховскіе, Бѣльскіе, Морткины, Шехонскіе, Дѣевы, Вѣкошкины, Зубатые (Львовы) Луговкины, Охлябинины, Хворостинины, Сицкіе, Моложскіе, Судцкіе, Прозоровскіе, Шуморовскіе, Шамины, Голыгины, Ушатые, Дуловы.

e) Наконецъ 31 родъ (изъ нихъ 7 княжескихъ, остальные—некняжескіе) произошелъ отъ *князей Смоленскихъ*, именно:

Роды княжескіе.

Жижемскіе, Коркодиновы, Дашковы, Порховскіе, Кропоткины, Селеховскіе, Козловскіе.

Роды некняжескіе.

Татищевы, Заболоцкіе, Всеволожи, Молодые, Губастые, Шукаловскіе, Кислеевскіе, Рожественскіе, Нетшины, Даниловы, Дмитріевы (Мамоновы), Внуковы, Монастыревы, Судаковы,

Аладьины, Цыплетевы, Мусоргскіе, Полевые, Еропкины, Травины, Бокеевы, Карповы-Долматовы, Ржевскіе, Толбузины.

Разсмотримъ каждую изъ послѣднихъ четырехъ подгруппъ въ отдѣльности.

Князья Друцкіе, *Путятины* и *Бабичевы* продолжали свое бытіе въ началѣ царствованія Петра I; степеней боярина и окольничаго никогда не достигали.

Князья Вяземскіе также существовали въ началѣ царствованія Петра I; бывали въ царствованіе Ивана IV только въ окольничихъ, но въ послѣдующее время не достигали этой степени, а тѣмъ болѣе степени боярской.

Изъ происшедшихъ отъ *князей Ярославскихъ* 36 родовъ, имѣемъ мы достовѣрныя свѣдѣнія о существованіи въ началѣ царствованія Петра I—13 родовъ (1); три рода угасло въ половинѣ XVI вѣка (2), два рода въ половинѣ XVII вѣка (3), четыре рода еще существовало во второй половинѣ XVI вѣка (4), одинъ родъ (кн. Курбскіе) прервался въ Россіи во второй половинѣ XVI вѣка, вслѣдствіе выселенія его въ Литву. О судьбѣ остальныхъ 13 родовъ мы не могли собрать достовѣрныхъ свѣдѣній; они угасли по всей вѣроятности въ теченіе XVI вѣка. Изъ разсматриваемыхъ 36 родовъ, въ періодъ времени отъ Ивана III до Петра I достигали *боярства* только 12 родовъ. Изъ нихъ три рода достигали боярства въ теченіи большаго времени этого періода (кн. Троекуровы, Хворостинины и Сицкіе), шесть родовъ достигали его только въ промежутокъ времени до XVII вѣка (кн. Ярославскіе, Шастуновы, Курбскіе, Пенковы, Кубенскіе, Ушатые) и наконецъ три рода только въ теченіи XVII вѣка (кн. Шаховскіе, Зубатые-Львовы, Прозоровскіе,—притомъ первые только въ теченіи одного года, именно въ царствованіе Лжедмитрія). Достигало степени *окольничаго*, но не

---

(1) Князья: Троекуровы, Великогагины, Щетинины, Засѣкины, Солнцевы, Солнцевы-Засѣкины, Жировые-Засѣкины, Шаховскіе, Морткины, Шехонскіе, Зубатые-Львовы, Прозоровскіе, Дуловы.

(2) Князья: Алабышевы, Аленкины, Судцкіе.

(3) Князья: Хворостинины и Сицкіе.

(4) Князья: Шастуновы, Кубенскіе, Ушатые, Пенковы.

подымалось выше ея—три рода. Изъ нихъ два рода (кн. Великогагины и Засѣкины) бывали въ этой степени въ теченіи какъ XVI, такъ и XVII вѣка, и одинъ родъ (кн. Жировые-Засѣкины) лишь въ теченіи XVII вѣка.

Изъ происшедшихъ отъ *удѣльныхъ князей Смоленскихъ* 31 рода, существовали въ началѣ царствованія Петра I—17 родовъ (1); одинъ родъ (кн. Жижемскихъ) угасъ въ половинѣ XVI вѣка, одинъ родъ достовѣрно существовалъ еще во второй половинѣ XVII вѣка (Карповы-Долматовы). Судьба остальныхъ 12 родовъ намъ неизвѣстна. Изъ упомянутыхъ родовъ въ различныя эпохи періода времени отъ Ивана III до Петра I достигали *боярства* лишь шесть родовъ. Изъ нихъ два рода достигали его лишь въ промежутокъ времени до XVII вѣка (Заболецкіе, Даниловы), одинъ родъ въ различные годы XVI и XVII вв. (Карповы-Долматовы) и три рода только въ теченіи XVII вѣка (Татищевы, кн. Коркодиновы и кн. Козловскіе). Достигали степени *окольничаго*, но не подымались выше ея—четыре рода. Изъ нихъ одинъ родъ (Дмитріевы-Мамоновы) достигалъ этой степени лишь въ первой четверти XVI вѣка, три рода въ теченіи XVII вѣка (кн. Ржевскіе, кн. Дашковы и Кропкины,—притомъ первые два уже въ началѣ царствованія Петра I).

3) Третья группа родовъ, происшедшихъ отъ Рюрика, ведетъ свое начало отъ **вел. князя Всеволода Юрьевича Большое Гнѣздо**, черезъ трехъ сыновей его. Сынъ Всеволода Юрьевича—Константинъ Ростовскій—далъ начало поколѣніямъ *князей Ростовскихъ* и *Бѣлозерскихъ*. Отъ другого сына его, Ярослава Владимірскаго, произошли роды князей *Суздальскихъ*, *Московскихъ*, *Галицкихъ* (Галича Сѣвернаго) и *Тверскихъ*. Отъ третьяго сына его, Ивана Стародубскаго, пошелъ родъ князей *Стародубскихъ*.

а) *Удѣльные князья Ростовскіе* образовали 16 княжескихъ родовъ (2). Достовѣрно извѣстно, что изъ нихъ при Петрѣ I существовало 4 рода (Щепины, Пріимковы, Косат-

---

(1) *Княжескихъ*: Коркодиновы, Дашковы, Кропоткины, Козловскіе. *Некняжескихъ*: Татищевы, Зоболоцкіе, Дмитріевы-Мамоновы, Внуковы, Монастыревы, Судаковы, Аладьины, Цыплетевы, Мусоргскіе, Еропкины, Травины Ржевскіе, Толбузины.

(2) Князья: Голенины-Ростовскіе, Щепины-Р., Гвоздевы-Р., Пріимковы-Р., Бахтеяровы-Р., Хохолковы-Р., Катыревы-Р., Буйносовы-Р., Яно-

кины, Лобановы), одинъ родъ угасъ въ концѣ XVI в. (Хохолковы), одинъ въ половинѣ XVII вѣка (Катыревы), два рода достовѣрно существовали въ концѣ XVII вѣка (Буйносовы и Темкины). Относительно судьбы остальныхъ восьми родовъ намъ не удалось найти указаній. Изъ всего количества этихъ родовъ въ различныя времена періода отъ Ивана III до Петра I достигали *боярства* восемь родовъ. Изъ нихъ одинъ родъ находился въ боярахъ во все продолженіе своего существованія въ этомъ періодѣ (Катыревы), два рода достигали боярства только въ промежутокъ времени до XVII вѣка (Щепины и Хохолковы), четыре рода только въ теченіи XVII вѣка (Прѣмковы, Бахтеяровы, Буйносовы, Лобановы) и наконецъ одинъ родъ достигалъ боярства въ обоихъ вѣкахъ, но впрочемъ съ перерывомъ въ 85 лѣтъ отъ эпохи Ивана IV до Алексѣя Михайловича (Темкины). Между княжескими родами этой категоріи не встрѣчается ни одного, который достигалъ бы степени окольничаго, не подымаясь выше ея.

b) Отъ *удѣльныхъ князей Бѣлозерскихъ* произошло 8 княжескихъ родовъ (1), изъ которыхъ четыре несомнѣнно существовали въ началѣ царствованія Петра I (Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, Вадбольскіе, Шелешпанскіе и Ухтомскіе); судьба остальныхъ четырехъ родовъ намъ неизвѣстна. Изъ приведенныхъ родовъ ни одинъ не достигалъ не только боярской, но даже и окольничьей степени. Одному лишь роду князей Ухтомскихъ довелось достигнуть окольничества, но и то лишь въ началѣ царствованія Петра I.

c) Отъ *удѣльныхъ князей Суздальскихъ* произошло 6 княжескихъ родовъ (2), изъ которыхъ ни одинъ не просуществовалъ до времени Петра I. Два рода угасло въ половинѣ и въ третьей четверти XVI вѣка (Барбашины и Горбатые), одинъ родъ въ концѣ XVI вѣка или въ началѣ XVII (Ногтевы), одинъ въ 1610 году (Скопины) и наконецъ родъ

вы-Р., Темкины-Р., Нужбольскіе-Р., Косаткины-Р., Лобановы-Р., Голубые-Р., Бычковы-Р.

(1) Князья: Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе, Андожскіе, Вадбольскіе, Шелешпанскіе, Сугорскіе, Кемскіе, Ухтомскіе, Каргопольскіе.

(2) Князья: Скопины-Шуйскіе, Шуйскіе (просто), Глазатые-Ш., Барбашины, Горбатые Ш., Ногтевы-Суздальскіе.

князей Шуйскихъ (просто) пережилъ всѣ остальные роды и пресѣкся въ 1638 году. Когда пресѣкся родъ Глазатыхъ—на это не нашли мы указаній. Въ служебномъ отношеніи роды, происшедшіе отъ князей Суздальскихъ, пользовались бо́льшимъ значеніемъ сравнительно съ другими родами Рюриковичей, что главнымъ образомъ зависѣло конечно отъ генеалогической близости ихъ къ роду Государей Московскихъ; извѣстно, что послѣднимъ обстоятельствомъ мотивировалось въ 1606 году и избраніе на царскій престолъ князя Василія Ивановича Шуйскаго. Всѣ эти роды проходили службу *исключительно* въ боярской степени, такъ что боярство было связано съ самою принадлежностью къ одному ихъ этихъ родовъ.

d) *Родъ князей Московскихъ* представляетъ обширную и весьма запутанную массу князей, которую весьма трудно разложить на отдѣльные роды съ самостоятельными, собственными фамильными прозвищами. Прозванія свои получали они отъ достававшихся имъ вотчинъ, которыя безпрестанно раздроблялись, мѣнялись между различными поколѣніями,—а въ силу этого измѣнялись и самыя прозванія князей. Лишь одинъ родъ рельефно выдѣлился изъ этой массы,—это родъ *князей Шемякиныхъ*, происшедшій отъ Юрія Дмитріевича Галичскаго и уже въ третьемъ колѣнѣ выселившійся въ Литву. Въ остальныхъ же родахъ не замѣчаемъ мы никакого рельефнаго обособленія: отецъ носитъ одно прозваніе или фамилію, старшій сынъ—другое, младшій сынъ—третье. Хотя въ своей „Россійской Родословной Книгѣ“ князь Долгоруковъ и выдѣляетъ изъ рода князей Московскихъ отдѣльные роды князей Углицкихъ, Волоцкихъ, Галицкихъ, Можайскихъ, Верейскихъ, Боровскихъ,—но должно сознаться, что это раздѣленіе является крайне дробнымъ, насильственнымъ, запутаннымъ и не во всѣхъ случаяхъ справедливымъ, вслѣдствіе чего намъ кажется, болѣе удобнымъ называть всю эту массу князей общимъ наименованіемъ князей Московскихъ, подразумѣвая подъ ними всѣхъ князей-Рюриковичей происходящихъ отъ одного родоначальника—великаго князя Даніила Александровича Московскаго. Изъ членовъ рода князей Московскихъ никто не служилъ при Московскихъ Государяхъ въ чинахъ бояръ и окольничихъ, такъ какъ они, будучи признаваемы удѣльными князьями и будучи самыми близкими родственниками Госу-

дарей, считались по достоинству выше бояръ,—не говоря уже объ окольничихъ. Родъ князей Московскихъ пресѣкся въ 1597 году со смертью Царя Ѳедора Ивановича.

e) Отъ *удѣльныхъ князей Галицкихъ* (Галича Сѣвернаго) произошло пять некняжескихъ, нетитуловонныхъ родовъ (1), существующихъ и по настоящее время. Исторія и служебныя поприща родовъ этихъ совершенно неизвѣстны намъ; нигдѣ, а въ томъ числѣ и въ Бархатной Книгѣ, не находится поименныхъ росписей ихъ. Сохранились лишь нѣкоторыя указанія на родъ Ляпуновыхъ, представители котораго никогда однако-же не достигали не только боярства, но и окольничества.

f). Отъ *удѣльныхъ князей Тверскихъ* произошло 6 княжескихъ родовъ (2), изъ которыхъ ни одинъ не достигъ начала царствованія Петра I, но которые всѣ угасли въ теченіи XVI и XVII вѣковъ. Изъ этихъ родовъ четыре рода проходили службу исключительно только въ боярской степени (кн Холмскіе, Микулинскіе, Телятевскіе и Дорогобужскіе). Остальные два рода не пережили, какъ кажется, уничтоженія удѣловъ ихъ.

g). Отъ *князей Стародубскихъ* произошло 14 княжескихъ родовъ (3), изъ которыхъ три рода продолжали существовать въ началѣ царствованія Петра I (Гагарины, Ромодановскіе и Хилковы), два рода угасло въ концѣ XVII вѣка (кн. Пожарскіе и Татевы), одинъ родъ угасъ въ концѣ XVI вѣка (кн. Палецкіе), а одинъ родъ (кн. Ряполовскіе) распался въ половинѣ XVI вѣка на два отдѣльныхъ рода. О судьбѣ остальныхъ семи родовъ не удалось намъ собрать никакихъ свѣдѣній. Изъ приведенныхъ родовъ шесть достигали въ различныя времена *боярства* Три рода достигали его въ теченіи различныхъ годовъ всего періода отъ Ивана III до Петра I (Ромодановскіе, Татевы, Хилковы), два рода достигали его только до XVII вѣка (Палецкіе и Ряполовскіе),

---

(1) Березины. Осинины, Ивины, Ильины, Ляпуновы.

(2) Князья: Холмскіе, Микулинскіе, Телятевскіе, Дорогобужскіе, Кашинскіе и Чернятинскіе.

(3) Князья: Пожарскіе, Кривоборскіе, Льяловскіе. Ковровы, Осиповскіе, Небогатые, Гагарины, Ромодановскіе, Ряполовскіе. Хилковы, Татевы, Гундуровы, Тулуповы, Палецкіе.

наконецъ одинъ родъ только въ XVII вѣкѣ (Пожарскіе). Достигалъ степени *окольничаго*, но не подымался выше ея, только одинъ родъ кн. Тулуповыхъ, и то лишь въ XVI вѣкѣ.

4) Четвертая группа родовъ, происходящихъ отъ Рюрика, ведетъ свое начало отъ **Ярослава Святославича**, внука Ярослава I. Отъ него пошли *князья Рязанскіе*, отъ которыхъ выдѣлились князья *Пронскіе* и *Муромскіе*.

Родъ *князей Рязанскихъ* не долго пережилъ уничтоженіе великаго княженія Рязанскаго.

Родъ *князей Пронскихъ*, угасшій въ концѣ XVII вѣка, принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ родовъ русскихъ. Представители его находились въ боярахъ почти во все время существованія этого рода.

Родъ *князей Муромскихъ* выдѣлилъ изъ себя три нетитулованныхъ рода (Овцыны, Злобины и Замятнины),—не служившихъ ни въ боярахъ, ни въ окольничихъ.

5) Пятую группу составляютъ потомки **князей Перемышля-Южнаго**,—князья Перемышльскіе и Козельскіе, и наконецъ

6) Шестую группу составляютъ потомки **князей Полоцкихъ**,—сюда относятся князья Полоцкіе, Минскіе, Витебскіе и Изяславскіе.

Роды послѣднихъ двухъ группъ не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи Московскаго служилаго класса,—пребывая внѣ предѣловъ Московскаго государства.

Шестью приведенными группами исчерпывается вся масса родовъ, происшедшихъ отъ Рюрика. Сведемъ къ общему итогу все сказанное нами выше о различныхъ группахъ родовъ Рюриковичей.

Такимъ образомъ количество всѣхъ родовъ происходящихъ отъ Рюрика, какъ имѣвшихъ пребываніе въ русской землѣ, такъ и за предѣлами ея, можно положить по нашему счисленію въ 198, считая въ этомъ числѣ 163 рода княжескихъ и 35 родовъ не титулованныхъ (1). Что касается ко-

(1) Князь Долгоруковъ въ своей «Россійской Родословной Книгѣ» насчитываетъ 249 родовъ, изъ которыхъ 32 нетитулованныхъ. По нашему мнѣнію многіе роды, приводимые имъ, не могутъ быть допускаемы какъ отдѣльно выдѣлившіеся роды.

личества родовъ имѣвшихъ пребываніе въ русской землѣ,—то оно доходитъ до 173 родовъ. Число же родовъ Рюриковичей свществовавшихъ въ русской землѣ *въ періодѣ времени отъ Ивана III до Петра I* (изъ которыхъ многіе угасли, не достигнувъ послѣдней эпохи), которое было тщательно сосчитано и провѣрено нами,—*не менѣе 142 родовъ* (1).

Сводя къ одному все сказанное выше о прохожденіи службы въ степеняхъ боярина и окольничаго различными группами родовъ, ведущихъ свое начало отъ Рюрика, мы получаемъ слѣдующіе результаты:

Изъ разсмотрѣнныхъ нами родовъ Московскихъ служилыхъ людей *достигали боярства*, въ періодъ времени отъ Ивана Ш до Петра I,—*63 рода*, при чемъ послѣднее количество распредѣляется слѣдующимъ образомъ (2):

---

(1) Здѣсь взято только достовѣрное. Всякій сомнительный случай не былъ принимаемъ нами въ расчетъ; но такъ какъ подобныхъ случаевъ оказалось весьма малое количество, то мы полагаемъ, что если въ нашемъ выводѣ и есть неточность, то послѣдняя во всякомъ случаѣ должна быть незначительна. *Хлѣбниковъ* въ своемъ сочиненіи «О вліяніи общества и пр.» говоритъ на страницѣ 13: «Отъ потомковъ удѣльныхъ князей произошло до 60 родовъ, изъ которыхъ только не многіе сдѣлались боярскими»; нечего и распространяться о томъ, насколько неточно счисленіе Хлѣбникова. Сосчитывая количество родовъ происшедшихъ отъ Рюрика и имѣвшихъ пребываніе въ русской землѣ даже съ величайшими и очевидно неосновательными натяжками въ пользу меньшаго количества, мы въ результатѣ получили все таки не менѣе 115 родовъ. Не опечатками ли это въ сочиненіи Хлѣбникова? По крайней мѣрѣ далѣе, высчитывая роды происшедшіе отъ различныхъ удѣльныхъ князей,—авторъ въ итогѣ получаетъ уже 100 родовъ.

(2) Мы излагаемъ предлагаемые выводы въ видѣ таблицъ для большей наглядности и для облегченія взаимнаго сравненія ихъ.

ДОСТИГАЛИ БОЯРСТВА.	Число родовъ достигавшихъ боярства.	Въ различные годы XV, XVI и XVII вѣковъ.	До XVII вѣка только.	Въ XVII вѣкѣ только.
Изъ потомковъ кн: Черниговскихъ.	21	4	8	9
— кн: Ярославскихъ .	12	3	6	3
— кн: Смоленскихъ .	6	1	2	3
— кн: Суздальскихъ .	5	3	2(1)	—
— кн: Ростовскихъ. .	8	2	2	4
— кн: Тверскихъ. . .	4	1	3	—
— кн: Стародубскихъ.	6	3	2	1
— кн: Рязанскихъ . .	1	1	—	—
Всего. . .	**63**	18	25	20

Изъ этихъ 63 родовъ, достигавшихъ боярства, *15 родовъ служили исключительно лишь въ боярахъ*, слѣдовательно носили характеръ чисто боярскихъ родовъ, именно, четыре рода изъ потомства кн: Черниговскихъ (кн. Воротынскіе, Одоевскіе, Рѣпнины, Кашины), одинъ изъ потомства князей Ростовскихъ (кн. Катыревы), пять изъ потомства князей Суздальскихъ (Шуйскіе, Скопины, Барбашины, Горбатые, Ногтевы), четыре изъ потомства князей Тверскихъ (кн. Холмскіе, Микулинскіе, Телятевскіе, Дорогобужскіе) и наконецъ одинъ родъ изъ потомства князей Рязанскихъ (кн. Пронскіе). Обращая вниманіе на отношеніе родовъ Рюриковичей достигавшихъ боярства въ теченіи періода времени отъ Ивана III до Петра I къ общему числу тѣхъ же родовъ, существовавшихъ въ русской землѣ въ этомъ періодѣ (именно 63 : 142), мы найдемъ что *боярства достигало около 44,36% всего количества родовъ, происходящихъ отъ Рюрика.*

Достигали *степени окольничаго*, но не поднимались выше ея,—17 родовъ Рюриковичей, а именно:

(1) Эти два рода и не могли впрочемъ достигнуть степени боярина въ XVII вѣкѣ,—такъ какъ они угасли не просуществовавъ до этого времени.

ДОСТИГАЛИ ОКОЛЬНИЧЕСТВА.	Число родовъ.	Въ различные годы XV, XVI и XVII вѣковъ.	До XVII вѣка только.	Въ XVII вѣкѣ только.
Изъ потомковъ кн: Вяземскихъ. . . .	1	—	1	—
— кн: Черниговскихъ. .	7	—	4	3
— кн: Ярославскихъ . .	3	2	—	1
— кн: Смоленскихъ. . .	4	—	1	3
— кн: Бѣлозерскихъ . .	1	—	—	1
— кн: Стародубскихъ. .	1	—	1	—
Всего. . .	17	2	7	8

Обращая вниманіе на отношеніе количества родовъ Рюриковичей, не поднимавшихся выше степени окольничаго, къ общему количеству тѣхъ же родовъ, существовавшихъ въ русской землѣ въ періодъ времени отъ Ивана III до Петра I (именно 17 : 142), мы находимъ что *окольничества достигало 11,97%* послѣдняго количества.

И такъ 80 родовъ—потомковъ Рюрика достигали въ разсматриваемомъ періодѣ времени высшихъ степеней боярина и окольничаго; 62 рода вовсе не достигали этихъ степеней.

Общій и окончательный выводъ слѣдующій:

Изъ 142 родовъ, происходившихъ отъ Рюрика и существовавшихъ въ Россіи въ періодъ времени отъ Ивана III до Петра I:

Служило исключительно лишь въ боярахъ . . . 10,56%.
Достигало боярства въ раз. года этого періода . . 44,36%.
Достигало окольничества въ раз. г. этого періода. 11,97%.
Вовсе не достигало этихъ степеней. . . . . 43,66%.

Сравнивая наконецъ общее число родовъ происшедшихъ отъ извѣстной вѣтви удѣльныхъ князей съ числомъ тѣхъ изъ нихъ, которымъ удавалось дослуживаться до боярства, мы найдемъ что первое мѣсто занимаютъ въ этомъ отношеніи роды, образовавшіеся изъ потомковъ князей Суздальскихъ—представители ихъ всѣ и постоянно числились въ боярахъ. Послѣ нихъ всего чаще достигали боярства роды происшедшіе отъ удѣльныхъ князей Тверскихъ, затѣмъ отъ князей

Черниговскихъ, князей Ростовскихъ, князей Стародубскихъ и князей Ярославскихъ; рѣже всѣхъ достигали боярства роды, происшедшіе отъ удѣльныхъ князей Смоленскихъ.

Таковъ былъ составъ и служебный характеръ родовъ происшедшихъ отъ Рюрика, вошедшихъ, какъ одинъ изъ элементовъ, въ составъ служилаго класса Московскаго Государства.

В) Элементъ Польско-Литовскій.

Элементъ Польско-Литовскій занимаетъ весьма видное мѣсто въ составѣ служилаго класса Московскаго Государства. Здѣсь на первое мѣсто слѣдуетъ поставить *княжескіе роды, происходящіе отъ великаго князя Литовскаго Гедимина.* Отъ в. к. Гедимина произошло всего 27 княжескихъ родовъ (1). Изъ этихъ 27 родовъ *одинадцать* имѣли пребываніе и служили въ русской землѣ въ теченіи разсматриваемаго періода Ивана III до Петра I (2).

Семь изъ этихъ 11 родовъ, служившихъ Московскому Государству (Князья Патрикѣевы, Хованскіе, Булгаковы, Щенятевы, Голицины, Куракины, Корецкіе), ведутъ свое начало отъ *князя Патрикія Александровича*, правнука Гедимина и внука Наримунда,—пріѣхавшаго въ 1408 году съ двумя сыновьями своими служить Вел. Князю Василію Дмитріевичу. Эти два брата, Ѳеодоръ и Юрій Патрикѣевы, и сдѣлались родоначальниками указанныхъ семи княжескихъ родовъ. Весьма вѣроятно, что главною причиною содѣйствовавшею пріѣзду къ Московскому двору князя Патрикія Александровича съ сыновьями, было сближеніе, воспослѣдовавшее между Москвою и Литвою, вслѣдствіе бракосочетанія В. К. Василія Дмитріевича съ Литовскою княжною Софьею Витовтовною.

---

(1) Князья: Патрикѣевы, Хованскіе, Булгаковы, Голицыны, Куракины, Щенятевы, Корецкіе, Рожинскіе, Полубинскіе, Трубецкіе, Воронецкіе, Вишневецкіе, Зборажскіе, Порѣцкіе, Кіевскіе, Пинскіе, Елуцкіе, Бѣльскіе, Чарторыжскіе, Мстиславскіе, Коріятовичи-Курцевичи, Сангушки, Сангушки-Коширскіе, Сангушки-Ковельскіе, Сангушки-Корбинскіе, Ижеславскіе, Заславскіе.

(2) Князья: Патрикѣевы, Хованскіе, Булгаковы, Голицины, Куракины, Щенятевы, Корецкіе, Трубецкіе, Бѣльскіе, Чарторыжскіе (младш. вѣтвь), Мстиславскіе—Ижеславскіе.

Одинъ родъ (кн. Трубецкіе или Трубчевскіе) ведетъ свое начало отъ *Корибута Ольгердовича*, во Св. Крещеніи Дмитрія, внука Гедиминова. Праправнукъ послѣдняго, Андрей Ивановичъ Трубецкой, вступилъ въ 1500 году въ службу Московскую; впрочемъ еще раньше, въ 1379 году, самъ Корибутъ вступилъ было въ подручничество Москвы, хотя вскорѣ и былъ снова принужденъ возвратиться на родину (1).

Одинъ родъ (кн. Бѣльскіе)—происходилъ отъ *Ивана Олелькозича Бѣльскаго*, внука Ольгерда и правнука Гедимина.

Одинъ родъ (кн. Чарторыжскіе) происходилъ отъ *Василія Корибайловича Чарторыжскаго*, правнука Гедимина; въ Москвѣ служила только младшая вѣтвь этой фамиліи.

Наконецъ одинъ родъ (кн. Мстиславскіе-Ижеславскіе) велъ свое начало отъ *Юрія Литвиновича*, внука Ольгерда и правнука Гедимина; родъ этотъ находился въ Московскомъ государствѣ съ 1526 года, когда одинъ изъ представителей его, князь Ѳедоръ Мстиславскій—Ижеславскій пріѣхалъ служить В. К. Василію Ивановичу (2).

Изъ 11 родовъ, происходившихъ отъ Гедимина и служившихъ въ Московскомъ государствѣ, продолжало существовать въ началѣ царствованія Петра I четыре рода (князья Хованскіе, Голицины, Куракины и Трубецкіе). Одинъ родъ (кн. Мстиславскіе—Ижеславскіе) угасъ въ первой четверти XVII вѣка, три рода угасло въ третьей четверти XVI вѣка (кн. Щенятевы (въ 1568 г.), Бѣльскіе (въ 1571 г.) и Чарторыжскіе (въ 1554 г.)), одинъ родъ угасъ въ половинѣ XVI вѣка (кн. Корецкіе) и два рода въ первой четверти XVI вѣка (кн. Патрикѣевы и Булгаковы).

Изъ потомковъ Гедимина *достигали боярской степени* въ періодъ времени отъ Ивана III до Петра I—девять родовъ; слѣдовательно не достигали боярства только два рода (кн. Корецкіе и Чарторыжскіе). Достигали боярства въ различные годы разсматриваемаго періода, т. е. въ концѣ XV, въ XVI и XVII вѣкахъ три рода (кн. Голицины, Куракины и Трубецкіе); одинъ родъ достигалъ его только въ теченіи XVII вѣка (кн. Хованскіе); остальные пять родовъ достигали его лишь въ промежутокъ времени до XVII вѣка. Далѣе мы ви-

---

(1) Кн. Долгоруковъ. Род. Кн. I. 279, 327.

(2) Времен. М. Общ. Ист. и Др. Т. X, стр. 83, 84.

димъ, что изъ девяти родовъ Гедиминовичей достигавшихъ боярской степени, восемь родовъ находились въ боярахъ въ теченіи всего своего существованія въ періодѣ отъ Ивана III до Петра I, именно въ такомъ служебномъ положеніи были всѣ роды Гедиминовичей достигавшихъ вообще боярства, за исключеніемъ лишь рода кн. Хованскихъ, впервые достигшаго его лишь въ 1615 г. Замѣтимъ притомъ, что всѣ эти восемь родовъ пріобрѣтали степень боярина непосредственно, не проходя службу въ нисшихъ степеняхъ,—слѣдовательно княжескіе рода потомковъ Гедимина ползовались важнымъ значеніемъ въ служебномъ отношеніи. Въ группѣ родовъ ведущихъ свое начало отъ Гедимина мы не встрѣчаемъ такихъ, которые достигали бы степени окольничаго, не подымаясь выше ея.

Таково было происхожденіе и служебное значеніе служилыхъ родовъ, происходившихъ отъ Гедимина Литовскаго.

Потомство Гедимина въ численномъ отношеніи составляло лишь весьма незначительную долю всего литовско-польскаго элемента, вошедшаго въ составъ Московскаго служилаго класса. Польша и Литва, будучи землями сосѣдними съ русскою землею и будучи въ постоянныхъ сношеніяхъ и столкновіяхъ съ послѣднею, не могли конечно не выдѣлять изъ себя элементовъ въ русское населеніе. Мы знаемъ что, начиная съ XI вѣка, не прекращались сношенія наши съ этими землями. Сношенія эти особенно поддерживались частыми брачными союзами русскихъ княжескихъ родовъ съ владѣтельными родами Польскими и особенно Литовскими; выше имѣли мы уже случай указать на то, какое вліяніе оказывали подобные брачные союзы князей русскихъ на приливъ къ ихъ двору выходцевъ иноземныхъ. Такъ, напримѣръ, бракъ В. К. Василія Дмитріевича съ Литовскою княжною Софьею Витовтовною (1390 г.) привлекъ въ русскую землю большое количество Литовцевъ, которые, вступивъ въ службу Великаго Князя, положили начало большему количеству родовъ, служившихъ впослѣдствіе Московскому государству. Такъ къ этому времени относится прибытіе въ Москву Литовскаго выходца *Сем. Ѳед. Ковылы*, отъ котораго произошли роды Ковылиныхъ, Сунбуловыхъ, Ивашкиныхъ, Сидоровыхъ и Чулковыхъ[1].

---

[1] Времен. М. О. Ист. и Др. X. 190.

Въ 1390 году, въ свитѣ Софьи Витовтовны, прибылъ въ русскую землю полякъ *Вячеславъ Сигизмундовичъ*, бывшій родоначальникомъ родовъ: Корсаковыхъ и Милославскихъ (1). Равнымъ образомъ къ той же эпохѣ относится прибытіе на службу В. К. Василія Дмитріевича Литовскаго князя *Александра Нелюба:* хотя мы и не нашли указаній на то, чтобы отъ этого князя произошли какіе нибудь роды, но фактъ его пріѣзда важенъ въ томъ отношеніи что, по свидѣтельству лѣтописи, вмѣстѣ съ нимъ прибыло много Литовцевъ и Поляковъ (2). Литовско-польская эмиграція не ослабѣвала еще долго спустя послѣ брака Великаго Князя и продолжалась съ прежнею силою, благодаря литовской партіи, образовавшейся въ Москвѣ вокругъ Софьи Витовтовны. Такъ, между прочимъ, въ 1425 году прибылъ изъ Польши на службу В. К. Василія Дмитріевича *Станиславъ Мелецкій*, сдѣлавшійся родоначальникомъ рода Неледенскихъ, а въ 1426 году въ Москву выѣхалъ изъ Литвы нѣкій *Олегъ Бунуславичъ Лихачъ*, отъ котораго пошелъ родъ Лихачевыхъ (3).

Еще бо́льшее вліяніе на вторженіе въ русское служилое сословіе Польско-Литовскаго элемента оказывало занятіе Польскихъ городовъ и областей; многіе изъ жителей занятой русскими территоріи, не желая лишаться поземельной собственности своей, вступали въ русскую службу и тѣмъ увеличивали польско-литовскій элементъ въ массѣ служилаго класса Московскаго. Между событіями послѣдняго рода видное мѣсто занимаетъ взятіе Смоленска (въ 1654 году), вслѣдъ за которымъ Московское служилое сословіе усилилось многими новыми родами польскаго и литовскаго происхожденія (сюда относятся между прочимъ слѣдующіе роды: Аршеневскіе, Косинскіе, Ляшевичи—Бородуличи, Энгельгардты, Ильинскіе и мн. др.).

Мы въ общихъ чертахъ, и то только въ видѣ примѣровъ, указали на нѣкоторые наиболѣе замѣчательные моменты, способствовавшіе вторженію польско-литовскаго элемента въ русское служилое сословіе. Эмиграція въ Москву поль-

---

(1) Семевскій Родосл. Кн. 228.

(2) П. С. Р. Л. VIII 78.

(3) Семев. Р. К. 212. 258.

скихъ и литовскихъ выходцевъ является лишь болѣе замѣтною въ эти моменты, хотя она, въ болѣе или менѣе сильной степени, продолжается въ теченіи всего существованія Московскаго государства.

Изъ служилыхъ родовъ Московскаго государства, ведущихъ свое начало отъ польско-литовскихъ выходцевъ (исключая отсюда княжескіе роды потомковъ Гедимина), только *шесть родовъ достигали боярства* въ періодъ времени отъ Ивана III до Петра I (Бороздины, Милославскіе, Бѣльскіе (которыхъ не надо смѣшивать съ кн. Бѣльскими), Головкины, Борисовы, Волоцкіе) и *десять родовъ достигали окольничества*, не подымаясь выше этой степени (Кондыревы, Квашнины, Чулковы, Измайловы, Чаадаевы, Самарины—Квашнины, Протасьевы, Житовы, Лихачевы, Желябужскіе).

С) Элементъ другихъ Европейскихъ народностей, за исключеніемъ Польско-Литовской.

Обращаясь къ разсмотрѣнію элементовъ, вошедшихъ въ русское служилое сословіе изъ другихъ Европейскихъ народовъ, за исключеніемъ передъ этимъ только разсмотрѣннаго элемента польско-литовскаго,—мы считаемъ цѣлесообразнымъ поставить на первомъ планѣ *элементъ германскій*, который послѣ элемента польско-литовскаго является несомнѣнно самымъ значительнымъ. Трудно сказать, съ какого времени сталъ проникать въ массу русскаго служилаго сословія германскій элементъ,—но во всякомъ случаѣ можно утверждать что явленіе это имѣло мѣсто уже довольно рано; такъ мы знаемъ что еще къ Ярославу I пріѣхалъ служить „изъ Нѣмецъ“ нѣкто *Шиманъ Аѳрикановичъ*, сдѣлавшійся родоначальникомъ родовъ Воронцовыхъ, Вельяминовыхъ и Аксаковыхъ (1). Замѣчательно, что эмиграція въ русское служилое сословіе германскихъ выходцевъ происходила главнымъ образомъ съ Сѣверо-Запада, черезъ Новгородъ и Псковъ, въ эпоху принадлежности городовъ этихъ къ Ганзейскому торговому союзу. Явленіе это весьма легко объясняется. Сношенія этихъ городовъ съ Сѣверо-Германскими Ганзейскими городами были причиною того, что въ Новгородѣ и

(1) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 90.

Псковѣ постоянно жило большое количество Нѣмцевъ, а при послѣднемъ условіи не могли не имѣть мѣста частые случаи вступленія послѣднихъ въ русскую службу. Въ Новгородѣ и Псковѣ Нѣмцы получали даже подъ часъ весьма большое значеніе; такъ лѣтопись передаетъ намъ, что въ 1240 году нѣкто Твердило подвелъ весь Псковъ подъ управленіе Нѣмцевъ (1). Особенно часты были случаи вступленія Нѣмцевъ въ русскую службу въ эпоху княженія во Псковѣ В. К. Александра Ярославича Невскаго. Такъ въ службу его поступилъ нѣкто *Михайло Прушанинъ*, сынъ котораго Терентій былъ сдѣланъ бояриномъ за мужество, оказанное имъ въ Невскомъ побоищѣ (2); отъ этого Михайлы пошли роды: Морозовыхъ, Салтыковыхъ, Тучковыхъ, Поплевиныхъ, Шеиныхъ, Скрябиныхъ, Филимоновыхъ, Брюховыхъ, Чоглоковыхъ, Шестовыхъ и Жестовыхъ. Къ Александру же Невскому вступилъ въ службу и нѣмецкій выходецъ *Гаврило*, сдѣлавшійся родоначальникомъ родовъ: Прокшиныхъ, Кутузовыхъ, Коровиныхъ, Горбатовыхъ-Кутузовыхъ и Голенищевыхъ-Кутузовыхъ (3). Но еще ранѣе, именно отъ конца XII вѣка, имѣемъ мы свѣдѣнія о прибытіи въ Новгородъ и о вступленіи въ русскую службу какого-то Нѣмца *Радши*, сдѣлавшагося родоначальникомъ 25 родовъ, представители которыхъ служили въ Московскомъ Государствѣ (сюда относятся между прочимъ: Свибловы, Пушкины, Хромые, Замытскіе, Рожновы, Мусины-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Курицыны и др.) (4). Вообще мы замѣчаемъ, что наплывъ въ русскую службу германскихъ выходцевъ въ сѣверо-русскихъ городахъ особенно усиливается во второй половинѣ XIII и въ первой половинѣ XIV вѣковъ. Кромѣ сѣверныхъ ганзейскихъ городовъ, нѣмецкая эмиграція въ эту эпоху направлена была и на Тверь, особенно въ княженіе В. К. Тверскаго Михаила Ярославича и сына его Александра. Усиленію нѣмецкой эмиграціи въ указанную эпоху легко могло способствовать бѣдственное состояніе современной Германіи, переживавшей

---

(1) Бестужевъ-Рюминъ. Рус. Ист. I. 365. См. также Миллера: Изв. о дв. Рос. 419.

(2) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 108.

(3) Кн. Долгорук. Род. Кн. II. 245.

(4) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 168, Долгор. Р. К. II. 151.

съ 1250 по 1273 годъ печальное и въ соціальномъ отношеніи крайне тяжелое время великаго междуцарствія и господства кулачнаго права, которое возобновилось съ прежнею силою въ началѣ XIV вѣка, со смертью Рудольфа Габсбургскаго. Такъ въ это время прибылъ въ Россію нѣкій знатный выходецъ, сдѣлавшійся черезъ сыновей своихъ *Андрея Кобылу* и *Ѳеодора Шевляги* родоначальникомъ 18 родовъ, служившихъ Московскому государству (1). Къ той же эпохѣ относится и прибытіе во Псковъ *нѣмчина Дола*, котораго кн. Долгоруковъ считаетъ представителемъ знаменитаго нѣмецкаго дворянскаго дома *Dolen* и отъ котораго произошли роды Левашевыхъ, Свѣчиныхъ, Яхонтовыхъ, Туровыхъ и Сакмышевыхъ (2). Равнымъ образомъ въ концѣ XIII вѣка (1294 г.) пріѣхалъ въ Тверь служить В. К. Михаилу Ярославичу „изъ Нѣмецъ“, именно изъ Даніи, нѣкто *Олердъ Иргa*, по прозванію *Вирягай*, отъ котораго пошли Нагіе, Собакины, Свибловы и Безумовы (3).

Несомнѣно что вторженію въ русское служилое сословіе Германскихъ элементовъ не мало способствовали и войны съ Ливоніею, особенно энергичныя въ царствованіе Ивана IV Васильевича. Такъ мы имѣемъ свидѣтельство, что взятый во время войны Ивана IV съ Ливоніею въ плѣнъ Ливонскій рыцарь *баронъ Петръ фонъ-Висинъ* остался навсегда съ сыномъ своимъ *Денисомъ* въ Россіи, куда прибыли впослѣдствіе и меньшіе сыновья его; отъ нихъ произошелъ родъ *фонъ-Висиныхъ*, писавшійся съ XVIII вѣка фонъ-Визиными (4).

Но временемъ особенно благопріятнымъ для проникновенія въ русское служилое сословіе германскихъ элементовъ былъ конецъ XVI и начало XVII вѣковъ, такъ какъ въ эту эпоху въ русское войско стали призываться нѣмцы и иные

---

(1) Сюда относятся: Ладыгины, Кобылины, Спіе, Колычевы, Хлудневы, Жеребцовы, Беззубцовы, Кошкины, Голтяевы, Коновницыны, Кореевы, Образцовы, Неплюевы, Боборыкины, Яковлевы-Захарьины, Яковлевы, Ляцкіе, Шереметевы, Мотовиловы, Грабцевы, Трусовы, Воробьины (Времен. М. О. Ист. и Др. X. 159; Долгор. Р. К. III. 194).

(2) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 187. Долгор. Р. К. II. 236.

(3) Семевск. Р. К. 236, 296 и др.

(4) Семевск. Р. К. 311.

чужеземцы. Такъ, напримѣръ, при Борисѣ Годуновѣ служилъ въ наемномъ иностранномъ войскѣ *Вольдемаръ Розенъ*, представитель древней германской фамиліи Розенъ (1); равнымъ образомъ Борису Годунову, а затѣмъ и Лжедимитрію, служилъ выѣхавшій въ Россію изъ Ливоніи дворянинъ *Детлофъ фонъ-Тизенгаузенъ* (2). Далѣе наплывъ въ русскую службу иноземцевъ, и въ особенности Нѣмцевъ, былъ весьма силенъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, который привлекалъ ихъ во вновь учрежденныя имъ регулярныя войска Такъ въ 1654 году вступилъ въ русскую службу и былъ въ полковникахъ лифляндскій дворянинъ *Николай Николаевичъ Балкенъ*, отъ котораго пошелъ родъ *Балкъ*, писавшійся съ Петра I *Балкъ-Полевыми* (3). При томъ-же царѣ служилъ въ Россіи, въ числѣ иностранныхъ полковниковъ рейтарскаго войска, нѣкто *Іоаннъ фонъ-деръ-Гейденъ*, съ цѣлою группою родственниковъ своихъ, именно съ сыномъ, двоюроднымъ братомъ и зятемъ (4)

Наконецъ въ числѣ германскихъ выходцевъ, вступавшихъ въ русское служилое сословіе, видимъ мы и *Шведовъ*. Такъ въ 1376 году выѣхалъ изъ Швеціи въ Польшу, а оттуда въ Россію къ В. К Дмитрію Донскому *Георгій Шель*, бывшій родоначальникомъ Шепелевыхъ и Нестеровыхъ (5), а въ 1375 году прибылъ въ Россію изъ Швеціи же нѣкто *Облагиня*, отъ котораго пошли роды Ададуровыхъ, Глѣбовыхъ, Ладыженскихъ и Чепчуговыхъ (6). Очень можетъ быть что эмиграціи шведовъ содѣйствовали внутреннія смуты и борьба за престолъ фамилій Сверкеровъ и Бонде, имѣвшія мѣсто въ Швеціи во второй половинѣ XIV вѣка.

Изъ служилыхъ родовъ происходящихъ отъ выходцевъ германскихъ народовъ, *достигали боярства* въ періодъ

---

(1) Долгор Р. К III. 399.

(2) Долгор. Р. К. III. 268.

(3) Семевск. Р. К. 127.

(4) Долгор. Р К. III. 103.

(5) Семевск. Р. К. 334.

(6) Долгор. Р. К. II. 53.

времени отъ Ивана III до Петра I *девятнадцать* родовъ (1); четырнадцать родовъ достигали *окольничества*, не подымаясь до степени боярина (2).

Переходимъ теперь къ *элементу греческому*, который важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что онъ въ концѣ XV вѣка оказалъ значительное вліяніе на направленіе русской государственной жизни и на измѣненіе многихъ началъ послѣдней, составлявшихъ послѣдніе отблески предшедствовавшаго удѣльно-вѣчеваго періода.

Сношенія русской земли съ Византіею современны самому началу исторіи русской земли; существуя еще при первыхъ князьяхъ русскихъ, они еще болѣе усиливаются со времени принятія христіанства. Имѣя это въ виду, весьма легко допустить предположеніе, что должны были еще въ то время встрѣчаться случаи вторженія греческаго элемента въ массу русскаго населенія, тѣмъ болѣе, что самое единство религіи облегчало легкость скораго слитія съ нимъ греческихъ выходцевъ; это предположеніе получитъ еще болѣе вѣроятности если мы вспомнимъ, что весьма долгое время представителями высшаго духовенства русскаго были греки, которые, переселяясь въ русскую землю, легко могли способствовать эмиграціи туда-же многихъ соотечественниковъ своихъ. Но самая интересная въ историческомъ отношеніи и самая значительная эмиграція въ Россію греческихъ выходцевъ относится къ періоду времени съ 1473 года и до конца XV столѣтія. Эта усиленная эмиграція вызвана была съ одной стороны бракосочетаніемъ В. К. Ивана III въ Греческою царевною Софьею Палеологъ, а съ другой стороны паденіемъ Византійской Имперіи и завоеваніемъ Турками Константинополя (1453 г.) Первая причина, т. е. бракъ Ивана III, оказала свое вліяніе въ томъ отношеніи, что вмѣстѣ съ Софьею прибыло въ Москву значительное количество приближенныхъ къ ней Грековъ, а равнымъ образомъ и въ томъ отношеніи, что новая великая княгиня и послѣ пріі-

---

(1) Морозовы, Салтыковы, Шеины, Юрьевы-Захарьины, Колычевы, Шереметевы, Яковлевы, Неплюевы, Кутузовы, Челяднины, Пушкины, Вельяминовы-Зоронцовы, Хромые, Чоботовы, Бутурлины, Собакины Нагіе, Мусины-Пушкины, Соковнины.

(2) Свибловы, Сакмышевы, Беззубцевы, Ляцкіе, Жулебины, Чеглоковы, Боборыкины, Тучковы, Зайцевы, Змѣевы, Толстые, Толочановы, Савеловы, Шепелевы.

ѣзда своего продолжала привлекать къ себѣ родственниковъ своихъ и другихъ соотечественниковъ. Паденіе Византійской Имперіи повліяло на усиленіе греческой эмиграціи въ Россію въ томъ отношеніи, что многія лица, не желавшія оставаться въ отечествѣ своемъ подъ властью его завоевателей, или имѣвшія основанія ожидать отъ послѣднихъ враждебныхъ отношеній—выселялись въ русскую землю. И дѣйствительно, были серьезные мотивы для избранія ими мѣстомъ эмиграціи своей именно нашего отечества: во-первыхъ, русская земля представлялась имъ населенною единовѣрцами, во-вторыхъ, русскіе государи нуждались въ дѣльныхъ слугахъ,—самая же служба Московская представляла многія выгоды и шансы для вступавшихъ въ нее лицъ, наконецъ въ третьихъ, женою государя Московскаго была дочь бывшаго императора ихъ, вслѣдствіе чего греческіе эмигранты могли разсчитывать на большое значеніе и почетъ при дворѣ ея. Наплывъ въ Москву грековъ, начавшійся вслѣдъ за пріѣздомъ царевны Софіи, былъ весьма значителенъ и между прибывшими греками были личности съ вѣсомъ, которыя и въ новомъ отечествѣ своемъ продолжали пользоваться большимъ значеніемъ и вліяніемъ. Это вліяніе было такъ велико, что оказалось въ состояніи дать новый толчокъ и направленіе развитію русской государственной жизни; „какъ пришла сюда мати Великаго Князя, великая княгиня Софія съ вашими греками, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царѣ-Городѣ при вашихъ царѣхъ“—говорили приверженцы старыхъ порядковъ, осуждая новое направленіе государственной жизни, навѣянное греческимъ вліяніемъ. Служилые люди Московскіе въ особенности имѣли основаніе быть недовольными вліяніямъ, оказываемымъ греками на русскія государственныя отношенія, такъ какъ подъ этимъ вліяніемъ развился крайній абсолютизмъ Государей Московскихъ, въ ущербъ исконному праву лучшихъ представителей служилаго класса на совѣщаніе съ ними Государя по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ государственной политики, а равно и въ ущербъ свободному отношенію служилыхъ людей къ государю своему.

Выше замѣтили мы, что часть греческихъ выходцевъ прибыла въ Россію одновременно съ пріѣздомъ въ Москву царевны Софьи. Такъ въ свитѣ ея прибыли въ Москву два брата *Дмитрій и Юрій Мануиловичи*, которые были жа-

луемы Великимъ Княземъ и изъ которыхъ второй сдѣлался родоначальникомъ рода Траханіотовыхъ (1); вмѣстѣ съ царевною Софіею прибылъ въ Россію равнымъ образомъ и родъ Кашкиныхъ. Затѣмъ, уже черезъ 12 лѣтъ послѣ прибытія въ Москву Софіи, пріѣхалъ въ Россію служить одинъ изъ членовъ рода бывшихъ Византійскихъ Императоровъ—слѣдовательно родственникъ Великой Княгини—*Іоаннъ Палеологъ*, по прозванію *Рало*, переселившійся въ Россію вмѣстѣ съ женою и дѣтьми своими (2). Въ 1496 году прибылъ на службу Великаго Князя знатный грекъ *Ѳеодоръ Ласкиръ* съ сыномъ Дмитріемъ, находившійся до того времени въ службѣ короля Венгерскаго; отъ него пошелъ родъ Ласкиревыхъ (3). По свидѣтельству Карамзина, Софья Палеологъ, привлекая къ своему двору соотечественниковъ своихъ, приглашала пріѣхать въ Москву и своихъ братьевъ, хотя желаніе ея и не увѣнчалось успѣхомъ (4).

Но конецъ XV вѣка былъ не единственною эпохою, въ теченіе которой имѣла мѣсто эмиграція въ Россію выходцевъ греческихъ. Такъ, напримѣръ, еще въ 1391 г. прибылъ изъ Крыма въ Москву къ В. К. Дмитрію Ивановичу грекъ *князь Стефанъ Ховра*, бывшій въ Крыму владѣтелемъ городовъ Судака, Манкупы и Кафы; потомство его, образовавшее роды Ховриныхъ, Головиныхъ, Грязныхъ и Третьяковыхъ,—князьями уже не писалось (5).

Изъ служилыхъ родовъ ведущихъ свое начало отъ греческихъ выходцевъ только *два рода достигало боярства* въ теченіе періода времени отъ Ивана III до Петра I (Траханіотовы и Головины); родовъ, которые бы достигали степени окольничаго, не подымаясь выше ея,—между родами разсматриваемой категоріи не оказалось.

Обращаемся къ указанію *элементовъ* вошедшихъ въ Московское служилое сословіе *изъ остальныхъ западно-европейскихъ народностей*.

---

(1) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 121.

(2) П. С. Р. Л. VI. 36.

(3) Времен. М. О. Ист. и Др. 121.

(4) Карамзинъ. И. Г. Р. VI. 7.

(5) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 89; Долгор. Р. К. III. 105.

Въ половинѣ XVII столѣтія едва-ли не впервые проникаетъ въ русское служилое сословіе *элементъ англійскій*, чему способствовала англійская революція, послужившая вообще побудительною причиною эмиграціи въ другія государства приверженцевъ свергнутой династіи Стюартовъ. Такъ въ эту эпоху прибылъ служить въ Россію *Виллимъ Брюсъ*, потомокъ шотландскихъ королей Роберта I и Давида II, который и служилъ полковникомъ въ русскомъ регулярномъ войскѣ (1); отъ него пошла въ Россіи фамилія Брюсовъ. Къ той же эпохѣ относится переселеніе въ Россію шотландца *Григорія Гамильтона*, выдавшаго дочь свою за извѣстнаго боярина Арт. Серг. Матвѣева. Сыновья его писались по волѣ отца, желавшаго обрусить ихъ, Хамолтовыми, а внукъ его сталъ уже писаться Хомутовымъ (2) Ни одинъ изъ этихъ родовъ не достигалъ ни боярской, ни окольничьей степени.

Въ служиломъ сословіи Московскаго государства встрѣчается также нѣсколько родовъ (мы насчитали ихъ до 13), ведущихъ свое начало отъ *выходцевъ итальянскихъ*. Уже довольно рано, именно въ самомъ началѣ XIV вѣка, встрѣчаемъ мы случай вступленія итальянца въ русскую службу: къ В. К. Тверскому Александру Михаиловичу пріѣхалъ служить итальянецъ *Дускъ*, по прозванію *Величка*, который, принявъ православіе, сдѣлался родопачальникомъ родовъ Нащокиныхъ, Ордынъ-Нащокиныхъ, Вѣтренныхъ, Олферьевыхъ и Безниныхъ (3). Проникновенію въ массу русскаго населенія, и въ частности въ служилое сословіе, итальянскаго элемента,— способствовали частые вызовы изъ Италіи различнаго рода художниковъ и мастеровъ, вызовы особенно частые при В. К. Иванѣ III. Многіе изъ вызываемыхъ лицъ оставались въ Россіи и переходили въ православную вѣру. Такъ еще при В. К. Василія III принялъ православіе денежный мастеръ *Иванъ Фрязинъ*, къ которому въ 1469 году пріѣхали въ Москву братъ и племянникъ его. Это лице пользовалось, какъ кажется, весьма широкимъ значе-

(1) Семевск. Р. К. 57.

(2) Семевск. Р. К. 56 (сноска).

(3) Времен. М. О. Ист. а Др. X. 197; Семевск. Р. К. 151.

ніемъ и довѣріемъ Великаго Князя; такъ Иванъ Фрязинъ посланъ былъ въ Римъ во время сватовства В. К. Ивана III для того, чтобы удостовѣриться въ личныхъ качествахъ Софіею Палеологъ и былъ затѣмъ главнымъ лицемъ въ отправленнымъ за нею посольствѣ (1). Равнымъ образомъ пользовался большими милостями В. К. Василія Ивановича и перешедшій въ православіе итальянецъ *Бартоломей* (2). Мы имѣемъ также извѣстіе объ архитекторѣ *Петрѣ Фрязинѣ*, который, будучи вызванъ въ Россію, принялъ православіе и взялъ себѣ на Москвѣ жену (3). Большою извѣстностью пользуется въ русской исторіи выписанный въ 1475 году изъ Венеціи за 10 рублей въ мѣсяцъ архитекторъ и инженеръ *Фіоравенти-Аристотель*, знаменитый строитель Московскаго Успенскаго Собора.— Если Великіе Князья Московскіе жаловали иноземныхъ художниковъ и мастеровъ и заботились о вызовѣ ихъ къ службѣ своей, то за то подъ-часъ обращались съ ними крайне деспотически. Не говоря уже о томъ, что съ служившихъ въ Россіи иноземцевъ строго взыскивалась всякая неисправность и даже неуспѣшность предпріятія (такъ напримѣръ врачей за неудачное леченіе казнили безъ всякаго стѣсненія смертью), но даже самая свобода ихъ нерѣдко ограничивалась самымъ произвольнымъ образомъ. Такъ когда, устрашенный въ 1483 году казнью одного изъ сотоварищей своихъ, Ф: Аристотель сталъ просить Великаго Князя отпустить его на родину, то Вел. Князь велѣлъ заключить его въ тюрьму, конфисковавъ предварительно все его имущество (4); равнымъ образомъ и вышеупомянутый Петръ Фрязинъ жаловался, что Великій Князь одинадцать лѣтъ силою удерживалъ его въ службѣ своей. Изъ родовъ происшедшихъ отъ итальянскихъ переселенцевъ, въ періодѣ отъ Ивана III до Петра I только *одинъ родъ достигалъ боярской степени* (Ордынъ-Нащокины) и *два рода достигало окольничества*, не дослуживаясь до степени боярина (Олферьевы и Потемкины).

---

(1) Карамзинъ. И. Г. Р. VI. 60. 61. 62.

(2) Ibid. VII. 12—13.

(3) А. И. I. № 140.

(4) П. С. Р. Л. VI. 335.

Наконецъ удалось намъ найти свѣдѣнія о происхожденіи двухъ служилыхъ родовъ отъ *выходцевъ венгерскихъ*, двухъ родовъ отъ *выходцевъ сербскихъ*, изъ которыхъ одинъ достигалъ степени окольничаго (Скуратовы) и четырехъ служилыхъ родовъ отъ *выходцевъ французскихъ*, изъ которыхъ ни одинъ родъ не достигалъ высшихъ служебныхъ степеней боярина и окольничаго (1).

Вотъ всѣ тѣ немногія свѣдѣнія объ элементахъ вошедшихъ въ составъ Московскаго служилаго сословія изъ западно-европейскихъ народностей,—какія удалось намъ собрать при помощи тѣхъ матеріаловъ и пособій, которые могли мы имѣть подъ рукою.

Д) Элементъ Татарскій.

Въ половинѣ XIII вѣка русской землѣ суждено было столкнуться съ новою для нея народностью, о которой она до тѣхъ поръ не имѣла никакого понятія Эта народность была татарская. Мы не будемъ распространяться о печальныхъ событіяхъ, которыя сопровождали первое знакомство Руси съ этимъ народомъ и затѣмъ слѣдовали за нимъ, не будемъ касаться вопроса о порабощеніи русской земли подъ иго татарское,—замѣтимъ только что продолжавшееся два съ половиною вѣка владычество татаръ наложило ощутительную печать на всю русскую жизнь, оказало на ея теченіе весьма сильное вліяніе, нѣкоторые отблески котораго еще не изгладились и до нашихъ дней.

Со времени покоренія русской земли установились постоянныя сношенія между Ордою и областями русскими. По городамъ русскимъ для сбора дани и для переписи населенія разсылаемы были татарскіе чиновники; сами же князья русскіе принуждены были ѣздить на поклонъ къ ханамъ Ордынскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ получать примѣненіе и другое, въ высшей степени печальное обыкновеніе: во взаимныхъ счетахъ и распряхъ между собою князья русскіе вводятъ участіе татаръ. Такъ напримѣръ Татары

---

(1) Подробное исчисленіе всѣхъ пришлыхъ элементовъ, съ указаніемъ происхожденія ихъ, см. въ приложеніи I-мъ и II-мъ.

были приведены Андреемъ Городецкимъ во время борьбы его со Святославомъ Тверскимъ и Даніиломъ Московскимъ; затѣмъ татарское вспомогательное войско помогало Юрію Даніиловичу Московскому въ борьбѣ его съ Михаиломъ Тверскимъ, наконецъ Татары же помогли Ивану Даніиловичу Калитѣ восторжествовать надъ Александромъ Михаиловичемъ Тверскимъ и сдѣлаться великимъ княземъ. При частыхъ и близкихъ отношеніяхъ въ которыхъ находились русскіе съ татарами не должно казаться удивительнымъ, что въ русское населеніе начинаетъ проникать мало по малу элементъ татарскій. Многіе выходцы татарскіе, перейдя въ православіе и вступивъ въ службу государей русскихъ, сдѣлались родоначальниками огромнаго количества служилыхъ родовъ московскихъ. Значительную массу татарскихъ выходцевъ, поступавшихъ въ русскую службу, можно приписать тому обстоятельству, что въ самой Ордѣ происходили частыя смуты и распри, вслѣдствіе которыхъ являлось въ ней много лицъ недовольныхъ измѣняющимся порядкомъ вещей, которыя и уходили на службу государей московскихъ. Съ другой стороны, усиливающееся значеніе Москвы и выгоды представляемыя службою московскою также способствовали пополненію класса служилыхъ людей выходцами татарскими. Замѣчательно, что въ службу московскую вступали не только незначительные представители народности татарской,—напротивъ, въ нее вступали нерѣдко татарскіе мурзы и князья, люди именитые, которые и въ новомъ отечествѣ своемъ сразу успѣвали занять видное мѣсто въ ряду остальной массы служилыхъ людей. Такъ въ княженіе Дм. Ив. Донскаго выѣхалъ изъ Большой Орды *Царевичъ Серкизъ*, принявшій православіе и сдѣлавшійся родоначальникомъ рода Старковыхъ (1). Нѣсколько ранѣе, именно въ княженіе В. К. Ивана Калиты (1330 г.) пришелъ служить изъ Орды знатный татарскій выходецъ *Мурза Четъ*, во крещеніи *Захарій*; отъ него пошли многіе именитые роды, именно Годуновы, Сабуровы, Пильемовы - Сабуровы, Пѣшковы - Сабуровы, Сверчковы - Сабуровы, Вельяминовы - Зерновы и Вельяминовы - Токмаковы (2). Затѣмъ въ первыхъ

(1) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 123.

(2) Ibid. X. 93.

годахъ XV вѣка выѣхалъ изъ Б. Орды къ В. К. Василію Дмитріевичу *Мурза Минчакъ*, отъ котораго пошли Давыдовы, Минчаковы, Злобины, Оринкины и Уваровы (1).

Приглядываясь къ эпохамъ, въ которыя особенно часто встрѣчались случаи вступленія татаръ въ русскую службу, мы замѣчаемъ, что въ этомъ отношеніи рельефно выдѣляются двѣ эпохи. Первая эпоха наступаетъ въ концѣ XIV вѣка, послѣ пораженія татаръ на Куликовомъ полѣ; съ этихъ поръ начинается усиленная эмиграція въ Россію выходцевъ татарскихъ. Дѣлаясь менѣе значительною въ половинѣ XV вѣка, она снова и еще съ большею силою даетъ себя чувствовать къ концу XV вѣка, вслѣдъ за сверженіемъ татарскаго ига, воспослѣдовавшемъ въ княженіе Ивана III. И такъ татарская эмиграція усиливается каждый разъ какъ проявляется превосходство Москвы надъ силами татарскими; очень можетъ быть, что надежда составить хорошую карьеру въ молодомъ и полномъ надеждъ государствѣ Московскомъ и привлекала въ него значительное количество выходцевъ татарскихъ, которымъ не представлялось интереса вступать въ русскую службу въ тѣ времена, когда надъ русскою землею лежало всѣмъ своимъ гнетомъ иго татарское. Но не всѣ выходцы татарскіе, отъ которыхъ пошли роды находившіеся впослѣдствіе въ массѣ служилаго Московскаго сословія, эмигрировали непосредственно въ Россію: нѣкоторые выселялись первоначально въ другія земли и уже оттуда приходили служить русскимъ государямъ или лично, или въ лицѣ потомковъ своихъ. Тѣмъ не менѣе самая сильная эмиграція татаръ направлялась непосредственно въ русскую землю. Изъ родовъ татарскаго происхожденія, образовавшихся въ другихъ земляхъ и уже впослѣдствіе выѣхавшихъ въ Россію, прежде всего упомянемъ о *князьяхъ Глинскихъ*, принадлежащихъ къ числу немногихъ княжескихъ родовъ, не происходящихъ ни отъ Рюрика, ни отъ Гедимина. Предокъ князей Глинскихъ, татарскій князь *Алекса*, внукъ Мамаевъ, вступилъ въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка въ службу В. К. Литовскаго Витовта и, будучи нареченъ во св. крещеніи Александромъ, сдѣлался родоначальникомъ

(1) Долгор. Р. Кн. II. 269.

упомянутаго рода. Потомокъ его *князь Михаилъ Глинскій* выѣхалъ въ 1508 году въ Россію и вступилъ въ ряды Московскаго служилаго сословія. Этотъ М. Глинскій былъ въ большей почести при дворѣ Великаго Князя, и Василій Ивановичъ передъ смертью въ слѣдующихъ выраженіяхъ рекомендовалъ его боярамъ своимъ: „приказываю вамъ Михаила Глинскаго, человѣкъ къ намъ пріѣзжій, и вы бы того не молвили, что онъ пріѣзжій —держите его за здѣшняго уроженца, занеже мнѣ онъ прямой слуга". Лишнее было бы распространяться о значеніи, которое соединяется въ древней русской исторіи съ родомъ князей Глинскихъ (1).

Другой княжескій родъ ведущій свое начало отъ татарскихъ выходцевъ—это родъ *князей Мещерскихъ*. Въ 1298 году покорилъ Мещеру *Ширинскій князь Бахметъ сынъ Усейновъ*, вышедшій изъ Большой Орды вслѣдствіе ссоры своей съ ханомъ *Тулъ-Бахметомъ*, а сынъ его *Беклемишъ* принялъ Св. Крещеніе, причемъ получилъ имя Михаила. Будучи въ теченіе семи поколѣній владѣтельными князьями Мещерскими, представители этого рода *Юрій* и *Василій Семеновичи* промѣняли въ княженіе В. К. Ивана III княжество свое на вотчины въ предѣлахъ Московскаго государства, а сами вступили въ число служилыхъ людей Московскихъ (2). Такимъ образомъ и этотъ происшедшій отъ татаръ родъ не непосредственно вступилъ въ число русскихъ служилыхъ родовъ.

Многіе роды происходящіе отъ предковъ-татаръ выселялись не въ Московское великое княжество, но въ великія княжества Тверское и Рязанское и уже изъ послѣднихъ переходили въ Московское подданство. Такъ, напримѣръ, къ В. К. Михаилу Тверскому пріѣхалъ изъ Синей Орды татаринъ *Жидимеръ*, о которомъ существовало предположеніе, будто бы онъ былъ родственникомъ ханамъ этой орды; отъ этого выходца произошли роды *Бибиковыхъ* и *Якимовыхъ* (3).

Во второй половинѣ XIV вѣка пріѣхали изъ Большой Орды служить къ В. К. Рязанскому два брата *Мурзы Солхомірь* и *Еду-ханъ*. По принятіи Солхоміромъ въ Св. Креще-

---

(1) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 195; П. С. Р. Л. VI. 271.

(2) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 73; Долгор. Р. К. II. 15.

(3) Времен. М. О. Ист. и Др. X. 202.

нїи имени *Ивана Мирославича*, выдалъ за него В. К. Олегъ Ивановичъ сестру свою Настасью, давъ ему въ вотчину нѣсколько городовъ и становъ. По взятіи Иваномъ III Рязани, потомство обоихъ братьевъ вступило въ службу Московскаго государства. Отъ Эду-Хана (въ Св. Крещеніи Андрея) произошелъ родъ *Хитровыхъ*; отъ Ивана Мирославича произошли роды *Вердеревскихъ. Крюковыхъ*, *Шишкиныхъ*, *Кончеевыхъ*, *Дувановыхъ*, *Пороватыхъ*, *Ротаевыхъ*, *Базаровыхъ*, *Апраксиныхъ* и *Ханыковыхъ* (1).

Встрѣчаются также случаи выселенія въ Москву родовъ татарскаго происхожденія эмигрировавшихъ первоначально въ Польшу; такъ въ XVI вѣкѣ прибылъ въ Россію родъ *Свистуновыхъ*, ведущій свое начало отъ выѣхавшаго изъ Орды въ Польшу татарина *Салтана-Свистунова* (2).

До сихъ поръ мы говорили объ эмиграціи въ Россію выходцевъ татарскихъ изъ Большой Орды. Обратимся теперь къ эмиграціи изъ другихъ татарскихъ племенъ.

Со времени В. К. Василія Васильевича Темнаго начинается эмиграція въ Россію выходцевъ изъ *Крымскихъ Татаръ*. Такъ въ 1460 году выѣхалъ изъ Крыма *Мурза Жданъ*, принявшій Св. Крещеніе съ именемъ *Данїила* и сдѣлавшійся родоначальникомъ рода *Барановыхъ* (3). Затѣмъ, въ началѣ XVI вѣка, прибылъ изъ Крыма къ В. К. Василію Ивановичу принявшій Св. Крещеніе татаринъ *Растопча*, сдѣлавшійся родоначальникомъ рода *Растопчиныхъ* (4). Къ XVI-же вѣку относится пріѣздъ въ Россію Ширинскаго *Мурзы Шихмата*. Родъ мурзъ Ширинскихъ былъ самымъ важнымъ родомъ въ Ханствѣ Крымскомъ и пользовался исключительнымъ правомъ женитьбы на дочеряхъ ханскихъ; принявъ православіе съ именемъ Василія, Шихматъ сдѣлался родоначальникомъ рода *князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ*.

Будучи въ близкомъ сосѣдствѣ съ Малороссіею, Крымскіе выходцы эмигрировали и въ эту область; съ присоеди-

---

(1) Долгор. Р. К. II. 113; Времен. М. О. Ист. и Др. X. 190.

(2) Семевск. Р. К. 283.

(3) Долгорук. Р. К. II. 271.

(4) Долгорук. Р. К. II. 217.

неніемъ Малороссіи къ Москвѣ происшедшіе отъ этихъ выходцевъ роды вступили въ службу Московскаго государства. Такова была, напримѣръ, судьба рода *Кочубеевъ*, ведущаго начало свое отъ выселившагося въ XVII вѣкѣ въ Малороссію крымскаго татарина *Кучукъ-Бея* (1).

Наконецъ лѣтопись свидѣтельствуетъ намъ, что въ 1480 году пришли служить великому князю Ивану Васильевичу *царевичъ Мердоулатъ* съ сыномъ своимъ *Бердоулатомъ* и *царевичъ Аидаръ*, сыновья крымскаго хана *Ашигирья* (2).

Переходимъ теперь къ указанію служилыхъ княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ владѣтельныхъ князей *татаръ Ногайскихъ*. Всѣ эти княжескіе роды ведутъ свое начало отъ погайскаго *князя Эдигея*. Правнукъ послѣдняго *Измаилъ-Мурза* убилъ брата своего *Юсуфа-Мурзу*, владѣтельнаго князя Ногайскаго, овладѣлъ его улусами и отправилъ въ Москву къ Царю Ивану IV обоихъ сыновей Юсуфовыхъ— *Иль-Мурзу* и *Ибраима-Мурзу*, отъ которыхъ и произошелъ родъ *Юсуповыхъ*. У вышеупомянутаго князя Ногайскаго Измаила-Мурзы былъ сынъ *Урусъ*, внукъ котораго *Касимъ-Мурза*, крестившись въ Казани въ 1615 году, вступилъ въ Московскую службу и былъ пожалованъ многими помѣстьями и домомъ въ Москвѣ; отъ него пошелъ родъ *князей Урусовыхъ*. Отъ другого праправнука Эдигея *Кутума-Мурзы*— произошелъ родъ *князей Кутумовыхъ*, а отъ третьяго праправнука его *Шейдяка-Мурзы* произошелъ родъ *князей Шейдяковыхъ*. Отъ сына Уруса-Мурзы *Байтерека-Мурзы* произошелъ родъ *князей Байтерековыхъ* (3).

Вторженію въ русское служилое сословіе татарскаго элемента содѣйствовало и покореніе въ 1582 году Сибири. Именно, въ рядахъ Московскаго служилаго сословія появляются роды ведущіе свое начало отъ бывшаго *Царя Сибирскаго Кучума*. Сюда относится, вопервыхъ, родъ *царевичей Касимовыхъ*, происшедшихъ отъ старшаго внука Кучумова *Алпъ-Арслана*; принявъ св. Крещеніе, царевичи Касимовы поселились въ Москвѣ. Другой относящійся сюда родъ— это родъ *царевичей Сибирскихъ*, ведущій свое начало отъ младшихъ внуковъ Кучума (4).

(1) Долгорук. Р. К. II. 92.
(2) П С Р. Л. VI. 34.
(3) Долгорук.. Р. К. 26—35.
(4) Долгорук. Р. К. III. 53.

Въ царствованіе Ивана IV упоминается далѣе *Астраханскій князь Тенишъ*. Сынъ его *Еникей*, состоявшій во время осады Казани во главѣ Темниковскихъ татаръ и бывшій затѣмъ Темниковскимъ воеводою, былъ основателемъ рода *князей Тенишевыхъ*, принявшихъ впослѣдствіе Св. Крещеніе (1). Наконецъ въ половинѣ XVI вѣка встрѣчаемъ мы указанія на существованіе *Каринскихъ служебныхъ татаръ*, а въ половинѣ XVII в. на существованіе Казанскихъ, Свіяжскихъ, Алатырскихъ, Мещерскихъ, Ногайскихъ и др. служебныхъ татаръ (2).

Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка является, какъ извѣстно, вмѣшательство Московскаго правительства въ дѣла царства Казанскаго, которое достигало такой силы, что Москва сама назначала и смѣняла царей Казанскихъ и относилось къ нимъ, какъ къ присяжникамъ своимъ. Къ этому именно времени относятся частые случаи пріѣзда на службу Московскую знатныхъ вельможъ и даже многихъ царевичей Казанскихъ, которые пользовались большимъ почетомъ въ государствѣ Московскомъ. Въ Москвѣ же находили убѣжище себѣ и самые эксъ-цари Казанскіе, смѣненные Москвою вслѣдствіе ходатайства Казанцевъ. Лѣтопись свидѣтельствуетъ намъ, что въ 1474 году пріѣхалъ въ Москву служить *царевичъ Муртоса*, сынъ Казанскаго царя *Мустафы*, и получилъ въ помѣстье Новый Городокъ на Окѣ со многими волостями (3). Въ 1493 году пріѣхалъ служить къ В. К. Ивану III сынъ царя Казанскаго *Обреима, царевичъ Абдулъ-Летифъ*, которому и данъ былъ въ кормленіе Звенигородъ „со всѣми пошлинами“. Въ 1496 году царевичъ этотъ, вслѣдствіе просьбы самихъ Казанцевъ, посланъ былъ къ нимъ Великимъ Княземъ въ цари, взамѣнъ брата своего царя *Магметъ Аминя*, который вызванъ былъ въ Москву, гдѣ и получилъ въ помѣстье города Коширу, Серпуховъ и Хотунь (4). Нѣсколько позднѣе, именно въ первой четверти XVI вѣка, встрѣчаемъ мы въ Московской службѣ эксъ-царя казан-

---

(1) Долгорук. Р. К. III. 55.

(2) А. А. Э. I. № 226; Разр. Книги т. II. стр. 386; Др. Рос. Вивл. т. XIV (2 изд.) стр. 328, 351. 494, 495.

(3) П. С. Р. Л. VI. 32.

(4) Ibid. VI. 240, 241.

скаго *Шигъ-Алея* (1). Замѣтимъ одинъ весьма интересный случай выселенія въ Москву вельможи Казанскаго. За два года до покоренія Казани, слѣдовательно въ 1550 году, вступилъ въ русское подданство одинъ изъ значительнѣйшихъ сановниковъ Царства Казанскаго, который много содѣйствовалъ покоренію Казани и предводительствовалъ при осадѣ этого города служилыми татарами; отъ этого лица пошелъ родъ *князей Костровыхъ* (2). Послѣ покоренія въ 1552 году Царства Казанскаго, большое количество казанскихъ татаръ вступило въ ряды служилыхъ людей Московскихъ, получая за службу помѣстья и вознагражденіе денежнымъ жалованіемъ (3). Въ началѣ XVI вѣка, именно въ 1506 году, прислалъ въ Великому Князю бить челомъ о дозволеніи креститься *царевичъ Курданкулъ*, сынъ Казанскаго царя *Абреима*. Получивъ разрѣшеніе креститься, онъ получилъ имя *Петра* и вступилъ въ Московскую службу, давъ клятвенную запись пребывать вѣрнымъ великому князю. Царевичъ Петръ былъ въ большой чести при дворѣ Московскомъ и В. К. Василій Ивановичъ отдалъ за него сестру свою Евдокію (4). Въ томъ же году, во время войны въ Казанью, видимъ мы въ начальникахъ Московской конницы служилаго *царевича Зеденая*.

Вообще, въ числѣ служилыхъ людей Московскаго государства видимъ мы, начиная съ половины XV вѣка, большое количество *царевичей татарскихъ*. Цѣлый рядъ ихъ тянется до самаго конца разсматриваемаго періода, т. е. до Петра I. Служилые царевичи татарскіе составляютъ настолько любопытный и оригинальный элементъ служилаго класса Московскаго, что мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ видѣ служилыхъ людей.

Прежде всего замѣчаемъ мы то обстоятельство, что сами Великіе Князья заботятся о привлеченіи въ русскую землю царевичей татарскихъ. Цѣль этого привлеченія заключалась въ защитѣ русской земли отъ непріятелей. Царевичи являлись въ русскую землю съ цѣлыми дружинами,

---

(1) П. С. Р. Л. VI. 264.

(2) Долгорук. Р. К. III. 24.

(3) Мельниковъ. Акты Казанскіе, №№ 11, 19, 22, 36 и др.

(4) П. С. Р. Л. VI. 51; Карамз. И. Г. Р. VII. 10.

главное мѣсто въ которыхъ занимали подвластные имъ князья татарскіе. Такъ какъ царевичи татарскіе призывались для цѣлей общихъ и одинаково полезныхъ для всѣхъ князей русскихъ, то поэтому и обязанность давать имъ содержаніе распредѣлялось между всѣми князьями. Всѣ эти свѣдѣнія почерпаются изъ договорныхъ грамотъ Великихъ Князей Московскихъ съ другими князьями русскими. Такъ, въ договорной грамотѣ Ивана III съ братомъ его Борисомъ Волоцкимъ читаемъ: „А царевича намъ Даніара, или кто по немъ на томъ мѣстѣ иной царевичъ будетъ, и тобѣ его держати съ нами съ единаго, а будетъ мнѣ Великому Князю и моему сыну инаго царевича отколѣ приняти въ свою землю *своего дѣля дѣла и хрестьянскаго для дѣла*; и тебѣ и того держати съ ними съ однаго“ (1). Обязанность помогать Великому Князю Московскому въ содержаніи царевичей падала не только на удѣльныхъ князей Московскихъ, но и на остальныхъ Великихъ Князей русскихъ. Такъ, по договору 1483 года В. К. Ивана III съ В. К. Рязанскимъ, послѣдній обязуется давать царевичу Даніару „или кто на его мѣстѣ будетъ“ отъ земли своей столько, сколько шло на содержаніе царевича съ князьями и людьми его при отцѣ и дѣдѣ В. К. Рязанскаго причемъ указывается на то, что о самомъ количествѣ этого содержанія договаривался В. К. Василій Васильевичъ *съ князьями царевича Касима*, отца Даніарова (2). Изъ всего приведеннаго видимъ, что пріѣзды въ русскую службу царевичей татарскихъ не носили характера случайности но, напротивъ, носили характеръ постоянности; сами-же царевичи и мурзы татарскіе составляли опредѣленную часть войска Московскаго. Такъ, въ 1449 году, на освобожденіе Костромы, осажденной Дм. Шемякою, двинулись съ В. К. Василіемъ и царевичи „со всѣми силами своими“ (3); въ 1469 году, въ походѣ на Казань, участвовалъ вмѣстѣ съ воеводами велико-

---

(1) С. Г. Г. и Д. I. № 97; подобныя-же условія въ №№ 99, 100, 123 и др.

(2) Ibid. № 115.

(3) П. С. Р. Л. VI, 178.

княжескими и царевичъ Касимъ съ татарами (1); въ 1471 году, предпринимая походъ на Новгородъ, В. К. Иванъ Васильевичъ отправилъ по Мстѣ кн. Ивана Стригу „со царевичевыми татарами“ (2) и т. п. Въ государствѣ Московскомъ существовали даже особые города, имѣвшіе предназначеніемъ своимъ находиться въ помѣстьи у царевичей татарскихъ; такой характеръ носилъ преимущественно *Касимовъ*, а отчасти также *Кошира*, *Серпуховъ* и *Хотунь*. *Касимовъ*—прежній Городецъ—подаренъ былъ В. К. Василіемъ Васильевичемъ царевичу татарскому *Касиму*, который населилъ его своими татарами и далъ ему въ свою честь это названіе По смерти Касима городъ этотъ былъ закрѣпленъ за сыномъ его *Даніаромъ*. Такъ какъ этотъ родъ царевичей Касимовскихъ (которыхъ не должно смѣшивать съ позднѣйшими царевичами Касимовыми, происходящими отъ Кучума) вскорѣ прекратился, то въ 1598 году Царь Борисъ Годуновъ отдалъ городъ этотъ киргизскому *царевичу Уразъ-Махмету* (3). При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Касимовъ пожалованъ былъ старшему внуку Кучума *Алпъ-Арслану*, съ котораго и начался новый родъ царевичей Касимовыхъ (4).

Этимъ мы и закончимъ обозрѣніе татарскаго элемента, вошедшаго въ составъ Московскаго служилаго сословія.

Изъ всей массы служилыхъ родовъ, происходящихъ отъ служебныхъ татаръ (которыхъ мы насчитали до 120), только одинадцать родовъ *достигали боярства* въ періодъ времени отъ Ивана III до Петра I (именно: Сабуровы, Годуновы, Давыдовы, Хитровы, Матюшкины, Нарышкины, Юшковы, кн. Глинскіе, Романовы-Юрьевы, кн. Сулешевы, кн. Урусовы). Наконецъ восемь родовъ *достигало окольничества*, не поднимаясь однако выше этой степени (именно: Ртищевы, Обиняковы-Вельяминовы, Коробьины, Нарбековы, Леонтьевы, Чириковы, Языковы, Апраксины).

---

(1) Лѣт. сод. рос. ист., сивод. изд. 1853 г., стр 185.

(2) П. С Р. Л. VI. 192.

(3) Долгорук. Р. К. III. 55 (сноска).

(4) Ibid III. 54.

Е) Элементы, вошедшіе въ Московское служилое сословіе изъ остальныхъ восточныхъ народностей.

Столкновенія русской земли съ восточными народностями начинаются весьма рано. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, имѣли-ли вліяніе на проникновеніе въ массу русскаго населенія иноземныхъ элементовъ столкновенія Руси съ Козарами и Половцами, хотя по всей вѣроятности и встрѣчались случаи эмиграціи въ русскія области представителей этихъ народностей, въ особенности послѣдней, чему легко могли способствовать встрѣчавшіеся случаи бракосочетаній русскихъ князей съ княжнами Половецкими. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія дошли до нашего времени о вліяніи въ этомъ отношеніи *Косожской народности*; существуютъ указанія на то, что нѣкоторые роды, служившіе въ Московскомъ государствѣ, вели свое начало отъ бывшихъ князей Косожскихъ. Именно, во время войны В. К. Мстислава съ Косогами (1222 г.) убитъ былъ побѣжденный князь Косожскій *Редеіа* или *Редедя*, а двое сыновей его взяты къ себѣ кн. Мстиславомъ и крещены, причемъ получили имена, одинъ—*Юрія*, а другой—*Василія*. Отъ Юрію произошло девятнадцать родовъ, изъ которыхъ многіе оставили память по себѣ на страницахъ русской исторіи (1).

Съ XVI вѣка встрѣчаемъ мы случаи вступленія въ Московскую службу представителей *народностей населявшихъ Кавказскій перешеекъ и Закавказье*. Такъ, начиная съ XVI вѣка, неоднократно пріѣзжали въ Москву служить государямъ Московскимъ *потомки Инала*, владѣтеля Большой Кабарды; пріѣзжая въ Россію, они принимали Св. Крещеніе и получали наименованіе *князей Черкасскихъ*. Князья Черкасскіе пользовались большимъ почетомъ и значеніемъ въ государствѣ Московскомъ, не уступая въ этомъ отношеніи древнѣй-

---

(1) Эти роды слѣдующіе: Сорокоумовы, Глѣбовы, Белеутовы, Клушины. Добренскіе, Симскіе, Бирдюкины-Зайцевы, Елизаровы-Гусевы, Викентьевы, Хабаровы, Кокошкины, Колтовскіе, Астафьевы, Теряевы, Лаптевы, Лопухины, Лупандины, Объѣдовы, Поджогины. (Времен. М. О., X. 97. 98).

шимъ и заслуженнѣйшимъ княжескимъ и боярскимъ родамъ(1). Извѣстно, что царь Иванъ IV женатъ былъ на княжнѣ Черкасской *Маріи Темрюковнѣ*. Въ это самое время, и вѣроятно вслѣдствіе этого брака, появляется на службѣ Московской нѣсколько представителей князей Черкасскихъ; такъ въ это время находился въ боярахъ братъ новой царицы *Михаилъ Темрюковичъ* и двоюродный братъ ея *Борисъ Камбулатовичъ*. Князья Черкасскіе въ большемъ количествѣ служили Московскому государству въ теченіи всего XVII вѣка, притомъ служили всегда въ боярахъ. Замѣтимъ, что въ ряду служилыхъ людей Московскаго Государства встрѣчались и другіе роды кн. Черкасскихъ, именно *князья Ахамашуковы-Черкасскіе*, *князья Егуповы-Черкасскіе* и *князья Бековичи-Черкасскіе;* князь Долгоруковъ не признаетъ эти послѣдніе роды за однородцевъ упомянутыхъ выше кн. Черкасскихъ. Затѣмъ существуетъ предположеніе будто отъ бековъ черкесскихъ происходилъ и служилый родъ *Бекетовыхъ* (2). Наконецъ во второй половинѣ XVII вѣка (именно въ 1666 г.) выѣхали изъ Грузіи въ Россію *грузинскіе князья Хохона Романовичъ* и *Эмубаръ Романовичъ*, потомки которыхъ образовали родъ *князей Давыдовыхъ* или Хохоновыхъ-Давыдовыхъ(3). Далѣе въ массѣ служилыхъ людей Московскаго государства встрѣчаемъ мы одинъ родъ, ведущій свое начало отъ владѣтельныхъ князей *сибирскаго народа Остяковъ*, именно отъ *князя Алака*, владѣвшаго въ эпоху покоренія Сибири улусами по р. Оби и вслѣдствіе послѣдняго событія подпавшаго подъ подручничество Московскаго государства; отъ него и пошелъ родъ *князей Алачевыхъ*, остававшійся до 1642 году во владѣніи улусами своими. Но въ этомъ году у *князя Дм. Ив. Алачева* отобрано наслѣдственное владѣніе его, взамѣнъ котораго дана волость Лена на рѣкѣ Вычегдѣ; самъ же онъ вызванъ былъ въ Москву, гдѣ и числился стольникомъ. Родъ кн. Алачевыхъ угасъ въ концѣ XVII вѣка (4).

---

(1) Долгор., Р. К. II. 36.

(2) Семевск., Р. Кн. 131.

(3) Долгорук. Р. К. III. 472.

(4) Семевск., Р. К. 49.

Въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода, уже въ первыхъ годахъ царствованія Петра I, видимъ мы интересный случай эмиграціи въ Россію представителя *манджурскаго рода богдыхановъ Китайскихъ*. Именно, манджуръ *Гантимуръ*, одинъ изъ самыхъ близкихъ родственниковъ богдыхана, бывшій въ отечествѣ своемъ четвертымъ сановникомъ Имперіи, во время войны китайцевъ съ русскими „увидя русскихъ людей житіе доброе и поревновавъ тому житію", взялъ съ собою женъ и дѣтей своихъ, переѣхалъ со свитою простиравшеюся до 500 челов. черезъ русскую границу и вступилъ въ русское подданство. Принявъ въ 1685 г. Св. Крещеніе и имя *Петра*, Гантимуръ пожалованъ былъ въ княжеское достоинство и записанъ въ дворяне по Московскому списку; внукъ Гантимура, *князь Иларіонъ Павловичъ Гантимуровъ*, пожалованъ былъ въ стольники (²).

Таковы были элементы, образовавшіе и постоянно пополнявшіе ряды служилаго сословія Московского государства, элементы проникавшіе въ него извнѣ, изъ другихъ земель и государствъ. Что касается отношенія вошедшаго въ составъ Московскаго служилаго класса иноземнаго элемента къ той части его, которая образовалась изъ мѣстнаго, кореннаго русскаго населенія,—то должно полагать, что вторая составная часть служилаго класса была весьма незначительна сравнительно съ первою. Хотя отношеніе это и не можетъ быть выведено для всей массы служилаго класса Московскаго, но оно до нѣкоторой степени можетъ быть выведено для тѣхъ родовъ служилаго сословія, родословныя росписи которыхъ записаны были въ Разрядѣ, слѣдовательно для высшаго слоя Московскаго служилаго класса Мы сдѣлали попытку вывести подобнаго рода отношеніе и выразить его въ числовыхъ данныхъ,—попытку, результатъ которой теперь изложимъ.

Въ основаніе приняли мы списокъ родовъ, родословные списки которыхъ записаны были въ Разрядѣ. Списокъ этотъ, съ указаніемъ происхожденія каждаго рода, находится въ приложеніи къ книгѣ Миллера: „Извѣстія о дворянахъ

(¹) Сѣмевск. Р. К. 50.

Россійскихъ“ (Спб. 1790 г.), а также и въ приложеніи ко 2-й части Бархатной книги, изд. 1787 г. (1). Въ спискѣ Миллера перечислено 843 рода, которые по происхожденію своему группируются слѣдующимъ образомъ:

Происходящихъ отъ Рюрика	167 родовъ
Польско-Литовскаго происхожденія	211 „
Происходящихъ отъ др. зап.-евр. народовъ(2) .	198 „
Татарскаго происхожденія.	110 „
Происходящихъ отъ др. восточ. народовъ (3). .	34 рода
Русскаго происхожденія (4).	33 „
Родовъ, о происхожденіи которыхъ доподлинныхъ свѣдѣній не имѣется.	90 родовъ
Итого. . .	843 рода(5).

Провѣривъ списокъ, приведенный Миллеромъ, по различнымъ родословнымъ спискамъ (въ особенности по напечатаннымъ во Временникѣ М. Общ. Ист. и Др., въ X томѣ), по Бархатной книгѣ, по изданіямъ родословныхъ книгъ кн. Долгорукова и г. Семевскаго, а ровно и по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ,—мы нашли свѣдѣнія о происхожденіи еще 72 родовъ, не вошедшихъ въ списокъ Миллера (6). Прибавивъ этотъ списокъ къ списку Миллера, мы получили свѣдѣнія о происхожденіи 915 родовъ, группирующихся слѣдующимъ образомъ:

Происходящихъ отъ Рюрика оказалось . . .	168 родовъ
Польско-Литовскаго происхожденія	223 рода

---

(1) Обѣ редакціи этого списка совершенно тожественны.

(2) Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Венгровъ, Англичанъ, Грековъ, Французовъ, Сербовъ.

(3) Косоговъ, Турокъ, Кавказскихъ племенъ, Персовъ.

(4) Сюда же отнесли мы и Малороссовъ, входившихъ въ русское служилое сословіе по присоединеніи Малороссіи. Сюда же отнесены и 3 рода отъ выходцевъ Волынской земли.

(5) Подробное исчисленіе всѣхъ родовъ, приводимыхъ Миллеромъ, смотри въ Приложеніи I-мъ къ изслѣдованію нашему.

(6) Исчисленіе этихъ 72 родовъ см. въ Приложеніи II-мъ къ изслѣдованію нашему.

Происходящихъ отъ другихъ западно-европейскихъ народовъ, именно: Германскихъ народовъ. . .	186	
Происходящихъ отъ Итальянцевъ	15	
— Венгровъ	2	
— Англичанъ	3	229 р.
— Грековъ	14	
— Французовъ	4	
— Сербовъ	2	
— Евреевъ (1)	3	
Татарскаго происхожденія.	120	родовъ
Происходящихъ отъ другихъ восточн. народовъ, именно:		
— Турокъ	3	
— Кавказскихъ народовъ . .	5	
— Персовъ	2	36 р.
— Косоговъ.	24	
— Остяковъ.	1	
— Китайцевъ	1	
Мѣстнаго русскаго происхожденія (2)	42	рода
Неизвѣстнаго происхожденія	97	родовъ
Итого. . .	915	родовъ.

Приведя найденныя числа къ процентнымъ отношеніямъ, мы въ результатѣ получимъ, что роды происходящіе отъ Рюрика составляютъ 18,36% всей приведенной нами массы служилыхъ родовъ, родословныя которыхъ были записаны въ Разрядѣ; роды Польско-Литовскаго происхожденія составляютъ 24,38%; роды происходящіе отъ другихъ западно-европейскихъ народовъ—25,02%; роды татарскаго происхожденія—13,11%; роды происходящіе отъ другихъ восточныхъ народовъ—3,93%; роды русскаго происхожденія—4,59% и роды неизвѣстнаго происхожденія—10,49% всего количества приведенныхъ родовъ. Такимъ образомъ между этими 915 родами преобладающій элементъ составляютъ роды ведущіе свое начало отъ выходцевъ западно-европейскихъ народовъ, затѣмъ роды Польско-Литовскаго происхожденія,

(1) Мы отнесли Евреевъ къ группѣ западно-европейскихъ народовъ въ видахъ того, что они выѣхали въ Россію изъ Зап. Европы и что національность эта не можетъ быть пріурочена ни къ какой опредѣленной территоріи.

(2) Въ томъ числѣ пять родовъ происходящихъ отъ выходцевъ Волынской земли и роды Малороссійскіе.

роды происходящіе отъ Рюрика, роды татарскаго происхожденія, роды русскаго происхожденія и наконецъ уже роды происходящіе отъ другихъ восточныхъ народовъ. Такимъ образомъ роды русскаго происхожденія составляютъ всего около 4,59%—процентъ весьма незначительный. Если мы допустимъ даже, что изъ числа родовъ о происхожденіи которыхъ намъ не удалось найти свѣдѣній (число которыхъ доходитъ до 97), половина была русскаго происхождонія, то и тогда получимъ мы не болѣе 91 рода или 9,94%, слѣдовательно и тогда русскій элементъ занималъ бы только пятое мѣсто въ ряду элементовъ, вошедшихъ въ составъ 915 родовъ,—представляющихъ въ себѣ все, что было наиболѣе именитаго и значительнаго въ служиломъ сословіи Московскаго государства.

Постараемся теперь разсмотрѣть, *какимъ родамъ удавалось достигать высшихъ степеней боярина и окольничаго* въ періодъ времени отъ Ивана III до Петра I и какого происхожденія были роды, достигавшіе ихъ. Въ основаніе изслѣдованія этого вопроса кладемъ мы различные списки боярскихъ книгъ, разрядныя книги, списки родословные, изданія родословныхъ книгъ кн. Долгорукова и г. Семевскаго, лѣтописныя свидѣтельства и т. п. источники, которые были по мѣрѣ возможности сличены и свѣрены между собою и подвергнуты тщательной критикѣ.

Относительно родовъ, *достигавшихъ боярской степени*, приходимъ мы къ слѣдующему результату:

Общее число родовъ, достигавшихъ боярской степени, доходитъ до 128. Считаемъ не лишнимъ привести подробный списокъ всѣхъ этихъ родовъ, съ указаніемъ самого происхожденіи ихъ, такъ какъ, на сколько намъ по крайней мѣрѣ извѣстно, такого списка не было еще составляемо. И такъ въ теченіи разсматриваемаго времени достигали боярства слѣдующіе роды:

1) **Изъ потомковъ Рюрика:**

Князья: 1) Воротынскіе, 2) Одоевскіе, 3) Рѣпнины, 4) Кашины, 5) Бѣлевскіе, 6) Курлятевы, 7) Стригины, 8) Нагіе, 9) Телепневы, 10) Горенскіе, 11) Оболенскіе (Бѣлые), 12) Серебряные), 13) Кольцовы-Мосальскіе, 14) Рубцовы-Мосальскіе, 15) Барятинскіе, 16) Мезецкіе,

17) Волхонскіе, 18) Туренины, 19) Лыковы, 20) Долгорукіе, 21) Щербатые, 22) Троекуровы, 23) Хворостинины, 24) Сицкіе, 25) Ярославскіе, 26) Шастуновы, 27) Курбскіе, 28) Пенковы, 29) Кубенскіе, 30) Ушатые, 31) Шаховскіе, 32) Зубатые-Львовы, 33) Прозоровскіе, 34) Коркодиновы, 35) Козловскіе, 36) Катыревы-Ростовскіе, 37) Щепины-Р., 38) Хохолковы-Р., 39) Пріимковы-Р., 40) Бахтеяровы-Р., 41) Буйносовы-Р., 42) Лобановы-Р., 43) Темкины-Р., 44) Скопины-Шуйскіе, 45) Шуйскіе (просто), 46) Барбашины, 47) Горбатые-Ш., 48) Ногтевы-Суздальскіе, 49) Холмскіе, 50) Микулинскіе, 51) Телятевскіе, 52) Дорогобужскіе, 53) Ромодановскіе, 54) Татевы, 55) Хилковы, 56) Палецкіе, 57) Ряполовскіе, 58) Пожарскіе, 59) Пронскіе. *Нетитулованные роды*: 60) Заболоцкіе, 61) Давиловы, 62) Татищевы, 63) Карповы-Долматовы.

2. Польско-Литовскаго происхожденія:

Изъ потомковъ Гедимина:

Князья: 64) Голицины, 65) Куракины, 66) Трубецкіе, 67) Хованскіе, 68) Щенятевы, 69) Бѣльскіе, 70) Патрикѣевы, 71) Булгаковы, 72) Мстиславскіе-Ижеславскіе.

Изъ потомковъ другихъ польско-литовскихъ выходцевъ:

73) Бороздины, 74) Милославскіе, 75) кн. Бѣльскіе, 76) Головкины, 77) Борисовы, 78) Волоцкіе.

3. Происходящіе отъ выходцевъ другихъ западно-европейскихъ народовъ:

79) Морозовы (нѣмецк. происх.), 80) Салтыковы (id.), 81) Шеины (id.), 82) Вельяминовы-Воронцовы (id.), 83) Юрьевы-Захарьины (id.), 84) Колычевы (id.), 85) Шереметевы (id.), 86) Яковлевы (id.), 87) Неплюевы (id.), 88) Кутузовы (id.), 89) Челяднины (id.), 90) Пушкины

(id.), 91) Хромые (id.), 92) Чеботовы (id.), 93) Бутурлины (id.), 94) Собакины (датскаго происхожд.), 95) Нагіе (id.), 96) Соковнины (id.), 97) Ордынъ-Нащокины (итал. происх.), 98) Траханіотовы (греч. происх.), 99) Головины (id.), 100) Мусины-Пушкины (герм. происх.).

4. Происходящіе отъ выходцевъ Татарскихъ:

101) Сабуровы, 102) Годуновы, 103) Давыдовы, 104) Хитровы, 105) Нарышкины, 106) Юшковы, 107) кн. Глинскіе, 108) Романовы-Юрьевы, 109) кн. Сулешевы, 110) кн. Урусовы, 111) Матюшкины.

5. Происходящіе отъ выходцевъ другихъ восточныхъ народовъ:

112) Симскіе (Косож происх.); 113) Хабаровы (id.), 114) Лопухины (id), 115) кн. Черкасскіе (Кабард. пр.).

6. Русскаго происхожденія:

116) Плещѣевы, 117) Борецкіе, 118) Зюзины, 119) Брюховецкіе, 120) Басмановы-Плещѣевы, 121) Очины-Плещѣевы, 122) Волынскіе, 123) Вороные-Волынскіе.

7. Неизвѣстнаго происхожденія:

124) Матвѣевы, 125) Сукины, 126) Ѳедоровы, 127) Адашевы, 128) Стрешневы.

Всматриваясь въ приведенный сейчасъ списокъ родовъ, достигавшихъ боярства, мы видимъ, что преобладающій элементъ составляютъ въ немъ роды, ведущіе свое начало отъ Рюрика, именно они составляютъ почти 49,06%, т. е. немного менѣе половины всего количества родовъ, достигавшихъ степени боярина. Второе мѣсто занимаютъ роды, происходящіе отъ выходцевъ западно-европейскихъ (17,18%), исключая отсюда роды, происходящіе отъ польско-литовскихъ выходцевъ, которые занимаютъ третье мѣсто (11,71%). Четвертое мѣсто занимаютъ роды татарскаго происхожденія (8,56%), пятое—роды русскаго происхожденія (6,26%). По-

слѣднее мѣсто занимаютъ роды происходящіе отъ различныхъ восточныхъ народовъ (кромѣ татаръ)—3,12%. И такъ въ числѣ родовъ достигавшихъ боярской степени, роды русскаго происхожденія составляютъ часть весьма незначительную. Если мы допустимъ даже, что имѣющіеся у насъ въ спискѣ пять родовъ, о происхожденіи которыхъ не имѣется свѣдѣній, принадлежатъ къ числу родовъ русскаго происхожденія,—то и тогда даже получимъ для отношенія родовъ этихъ къ общему числу родовъ, достигавшихъ боярства—не болѣе 11,56%.

Разсматривая всю массу родовъ достигавшихъ боярской степени по періодамъ, въ теченіи которыхъ представители ихъ находились въ ней,—доходимъ мы до слѣдующаго результата:

ДОСТИГАЛИ БОЯРСТВА.	Число родовъ.	Въ различные годы конца XV, XVI, XVII вѣк.	До XVII вѣка только.	Въ одномъ XVII вѣкѣ.
Роды происходящіе отъ Рюрика. .	63	18	25	20
Роды происходящіе отъ Гедимина.	9	3	5	1
Роды остальныхъ происхожденій. .	56	13	20	23
Итого. . .	**128**	34	50	44

Изъ всего числа родовъ, достигавшихъ боярства, бывали въ боярахъ въ теченіи всего своего существованія въ разсматриваемомъ періодѣ:

Изъ родовъ происходящихъ отъ Рюрика. .	15	родовъ
Изъ родовъ происходящихъ отъ Гедимина .	8	„
Изъ родовъ остальныхъ происхожденій . .	7	„
Всего-же. . .	31	родъ.

Переходимъ къ *обозрѣнію родовъ достигавшихъ степени окольничаго*, но не подымавшихся выше ея, число которыхъ доходитъ до 71 рода. Перечислимъ эти роды подобно тому, какъ мы сдѣлали это относительно родовъ достигавшихъ боярской степени. И такъ дослуживались до степени окольничаго слѣдующіе роды:

1. Изъ потомковъ Рюрика:

Князья: 1) Елецкіе, 2) Звѣнцовы, 3) Токмачевы, 4) Ноздреватые, 5) Литвиновы-Мосальскіе, 6) Горчаковы, 7) Дашковы, 8) Вяземскіе, 9) Великогагины, 10) Хотетовскіе, 11) Засѣкины, 12) Жировые-Засѣкины, 13) Ржевскіе, 14) Тулуповы, 15) Ухтомскіе. *Нетитулованные роды*: 16) Дмитріевы-Мамоновы, 17) Еропкины.

2. Польско-Литовскаго происхожденія:

Изъ потомковъ Гедимина не было родовъ, которые достигали бы окольничества, не подымаясь выше этой степени.

Изъ потомковъ другихъ выходцевъ польско-литовскихъ:

18) Кондыревы, 19) Квашнины, 20) Чулковы, 21) Чаадаевы, 22) Измайловы, 23) Самарины-Квашнины, 24) Протасьевы, 25) Житовы, 26) Лихачевы, 27) Желябужскіе.

3. Происходящіе отъ выходцевъ другихъ западно-европейскихъ народовъ:

28) Свибловы (нѣмецк. происх.), 29) Сакмышевы (id.), 30) Беззубцевы (id.), 31) Жулебины (id.), 32) Чеглоковы (id.), 33) Ляцкіе (id.), 34) Боборыкины (id.), 35) Тучковы (id.), 36) Зайцевы (id.), 37) Змѣевы (id.), 38) Толстые (id.), 39) Толочановы (id.), 40) Савеловы (id.), 41) Шепелевы (id.), 42) Олферьевы (Итал. происх.), 43) Потемкины (id.), 44) Скуратовы (Сербск. пр.).

4. Происходящіе отъ выходцевъ татарскихъ:

45) Ртищевы, 46) Обиняковы-Вельяминовы, 47) Коробьины, 48) Нарбековы, 49) Леонтьевы, 50) Чириковы, 51) Апраксины, 52) Языковы.

5. Происходящіе отъ выходцевъ другихъ восточныхъ народовъ:

53) Елизаровы (Косожск. происх.), 54) Глѣбовы (id.), 55) Сорокоумовы (id.).

6. Русскаго происхожденія:

Непосредственныхъ указаній на русское происхожденіе хотя бы одного изъ родовъ разсматриваемой категоріи не имѣется; вѣроятно русскаго происхожденія нѣкоторые изъ родовъ слѣдующей группы.

7. Неизвѣстнаго происхожденія:

56) Петровы, 57) Басенки, 58) Китаевы, 59) Клешнины, 60) Гавреневы, 61) Проѣстевы, 62) Ивановы, 63) Лыковы, 64) Щелкаловы, 65) Щегловитовы, 66) Акинфовы, 67) Колупаевы, 68) Голохвостовы, 69) Павловы, 70) Зыковы, 71) Хлоповы.

Разсматривая составныя части всего числа родовъ, достигавшихъ окольничества, мы замѣчаемъ, что здѣсь главные элементы составляютъ роды, ведущіе свое начало отъ Рюрика и отъ выходцевъ западно-европейскихъ (за исключеніемъ польско-литовскихъ); эти роды составляютъ по 23,94% всего количества родовъ достигавшихъ степени окольничаго. За ними слѣдуютъ роды польско-литовскаго происхожденія (14,22%), роды татарскаго происхожденія (11,26%) и наконецъ роды происходящіе отъ выходцевъ другихъ восточныхъ народовъ (4,22%). Около 22,53% остается на долю тѣхъ родовъ, о происхожденіи которыхъ не имѣется свѣдѣній.

Обращая вниманіе на періоды въ теченіи которыхъ достигалась различными родами степень окольничаго, мы получаемъ слѣдующія свѣдѣнія:

ДОСТИГАЛИ ОКОЛЬНИЧЕСТВА.	Число родовъ.	Въ различные годы конца XV, XVI, XVII вѣк.	До XVII вѣка только.	Въ одномъ XVII вѣкѣ.
Роды происходящіе отъ Рюрика. .	17	2	7	8
Роды происходящіе отъ Гедимина.	—	—	—	—
Роды остальнаго происхожденія . .	54	1	18	35
Итого. . .	**71**	3	25	43

Сводя къ одному числу количество всѣхъ родовъ достигавшихъ какъ боярской, такъ и окольничьей степени, мы узнаемъ что всего въ разсматриваемый періодъ времени *достигало высшихъ степеней боярина и окольничаго 199 родовъ*, именно:

ДОСТИГАЛИ БОЯРСТВА И ОКОЛЬН.	Число родовъ.	Въ различные годы конца XV, XVI, XVII вѣк.	До XVII вѣка только.	Въ одномъ XVII вѣкѣ.
Изъ родовъ происход. отъ Рюрика. .	80	20	32	28
Изъ родовъ происход. отъ Гедимина.	9	3	5	1
Изъ родовъ остальнаго происхожден.	110	14	38	58
Итого. . .	**199**	37	75	87

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

(Къ страницѣ 177).

Имѣя въ виду что книга Миллера сдѣлалась въ настоящее время почти библіографическою рѣдкостью и что классификація по происхожденію всей массы родовъ исчисляемыхъ Миллерамъ можетъ быть не безъинтересна въ научномъ отношеніи,—мы предлагаемъ слѣдующую таблицу, составленную на основаніи списка Миллера.

Роды ведущіе свое начало отъ Рюрика.

(167 родовъ).

1. Алабышевы кн., 2. Аладьины, 3. Аленкины кн., 4. Андомскіе кн., 5. Бакеевы-Карповы, 6. Барашевы кн., 7. Бахтеяровы кн., 8. Бѣлевскіе кн., 9. Бѣлоглазовы кн., 10. Бѣлосельскіе кн., 11. Безчестьевы кн., 12. Бородатовы кн., 13. Борятинскіе кн., 14. Бритые кн., 15. Брюхатые кн., 16. Буйносовы кн., 17. Вадбольскіе кн., 18. Векошкины кн., 19. Великогагины кн., 20. Волконскіе кн., 21. Воротынскіе кн., 22. Всеволожскіе, 23. Вяземскіе кн., 24. Гагарины кн., 25. Гагины кн., 26. Гвоздевы кн., 27. Глуховскіе кн., 28. Голенины кн., 29. Голибѣсовскіе кн., 30. Голубые кн., 31. Голыгины кн., 32. Горенскіе кн., 33. Горчаковы кн., 34. Гундуровы кн., 35. Дашковы кн., 36 Долгорукіе кн., 37. Долматовы-Карповы, 38. Дуловы кн., 39. Дѣевы кн., 40. Елецкіе кн., 41. Еропкины, 42. Жижемскіе кн., 43. Жировые-Засѣкины кн. 44. Заболоцкіе, 45. Забольскіе кн., 46. Замятнины, 47. Заозерскіе кн., 48. Засѣкины кн.

БИБЛІОТЕКА

49. Звенигородскіе кн., 50. Звенцовы кн., 51. Злобины, 52. Золотые кн., 53. Зубатые кн., 54. Зьяловы кн., 55. Испатскіе кн., 56. Карачевскіе кн., 57. Карголомскіе кн., 58. Косаткины-Рост. кн., 59. Катыревы кн., 60. Кашины кн., 61. Кемскіе кн., 62. Клубковы-Мосальскіе кн., 63. Ковровы кн., 64. Козельскіе кн., 65. Козловскіе кн., 66. Кольцовы-Мос. кн., 67. Конинскіе кн., 68. Коркодиновы кн., 69. Кривоборскіе кн., 70. Кропоткины кн., 71. Кубенскіе кн., 72. Курбскіе кн., 73. Курлятевы кн., 74. Ласкины кн., 75. Львовы кн., 76. Литвиновы-Мосальскіе кн., 77. Лобановы-Рост., 78. Луговскіе кн., 79. Лыковы кн., 80. Льяловскіе кн., 81. Ляпуновы, 82. Мезецкіе кн., 83. Моложскіе кн., 84. Монастыревы, 85. Морткины кн., 86. Мосальскіе кн., 87. Мусоргскіе кн., 88. Нагіе кн., 89. Небогатые кн., 90. Неучкины кн., 91. Новосильскіе кн., 92. Ноготковы кн., 93, Ноздреватые кн., 94. Оболенскіе кн., 95. Овцыны, 96. Овчинины кн., 97. Одоевскіе кн., 98. Осиповскіе кн., 99. Осовицкіе кн., 100. Охлебинины кн., 101. Палецкіе кн., 102. Пенинскіе кн., 103. Пенковы кн., 104. Перемышльскіе кн,, 105. Пожарскіе кн., 106. Полевы, 107. Порховскіе кн., 108. Потуловы кн., 109. Пріимковы-Рост. кн., 110. Прозоровскіе кн., 111. Пронскіе кн., 112. Нужбольскіе кн., 113. Пыревы, 114. Ржевскіе, 115. Романовичи кн., 116. Ромодановскіе кн., 117. Рѣпнины кн., 118. Ряполовскіе кн., 119. Сатины, 120. Серебрянные кн., 121. Сисеевы кн., 122. Сицкіе кн., 123. Спячіе кн., 124. Стародубскіе кн., 125. Стригины кн., 126. Суворскіе кн., 127. Судаковы, 128. Суцкіе кн., 129. Солнцевы кн., 130. Солнцевы-Засѣкины кн., 131. Татевы кн., 132. Татищевы, 133. Телепни кн., 134. Темкины кн., 135. Темносиніе кн., 136. Токмаковы кн., 137. Толбузины, 138. Травины, 139. Троекуровы кн., 140. Тростенскіе кн., 141. Тулуповы кн., 142. Тулубьевы кн., 143. Туренины кн. 144. Тюфякины кн., 145. Ухтомскіе кн., 146. Ушатые кн., 147. Хворостинины кн., 148. Хилковы кн., 149. Хотетовскіе кн., 150. Хохолковы кн., 151. Цыплятевы, 152. Цыплетевы, 153. Черные кн., 154. Шамины кн., 155. Шаховскіе кн., 156. Шестовы кн., 157. Шелешпанскіе кн., 158. Шестуновы кн., 159. Шехонскіе кн., 160. Шуморомскіе кн., 161. Шуйскіе кн., 162. Щепины—Рост. кн., 163. Щербатые кн., 164. Щетинины кн., 165. Юхотскіе кн., 166. Яновы кн., 167. Ярославовы кн.

Роды польско-литовскаго происхожденія:

(211 родов.)

1. Аладьины, 2. Александровы, 3. Алелковы кн., 4. Архаровы, 5. Арцыбышевы, 6. Андреевы, 7. Бабкины, 8. Баклановскіе, 9. Баклановскіе (др. родъ), 10. Барчиковскіе, 11. Бѣльскіе кн., 12. Бѣльскіе, 13. Башковскіе, 14. Ближевскіе, 15. Близнаковы, 16. Бобынины, 17. Болотниковы, 18. Борисовы, 19. Борисовы-Бороздины, 20. Бороздины, 21. Борщовы, 22. Борыковы, 23. Булгаковы кн., 24. Бунины, 25. Бунаковы, 26. Бухволовы, 27. Веригины, 28. Владычкины, 29. Вишневецкіе кн., 30. Внуковы, 31. Водорацкіе, 32. Волковы, 33. Возницины, 34. Волоцкіе 35. Вороновы, 36. Воропоновы, 37. Гагины, 38. Гиневлевы, 39. Глинскіе кн.(1), 40. Голицины кн., 41. Головкины, 42. Грибоѣдовы, 43. Грушецкіе, 44. Демскіе, 45. Деденковы, 46. Демьяновы, 47. Дмитріевы, 48. Друцкіе кн., 49. Дробышевскіе, 50. Дубенскіе, 51. Дудины, 52. Дурасовы, 53. Дятловы, 54. Елчаниновы, 55. Ефимьевы, 56. Желябужскіе, 57. Жеденовы-Асановы, 58. Житовы, 59. Жиховы, 60. Жураковскіе, 61. Заборовскіе, 62. Замятнины, 63. Запойскіе; 64. Зборскіе, 65. Зиновьевы, 66. Злобины, 67. Ивашкины, 68 Извольскіе, 69. Измайловы, 70. Индегоровы, 71. Исуповы, 72. Карбышевы, 73. Карповы, 74. Корсаковы, 75. Карчевскіе, 76. Кашинцовы, 77. Квашнины, 78. Квашнины-Самарины, 79. Кикины, 80. Киндыревы, 81. Кишкины, 82. Клишковы, 83. Клокочевы, 84. Кобренскіе, 85. Кобыльскіе, 86. Козловы, 87. Колдычевскіе, 88. Колединскіе, 89. Кондыревы, 90. Корбинскіе кн., 91. Корецкіе кн., 92. Коробовы, 93. Коробкины, 94. Корякины, 95. Кошелевы, 96. Краевскіе, 97. Крекшины, 98. Куракины кн., 99. Кучины, 100. Лаврецкіе, 101. Лаговщины, 102. Лазаревы, 103. Лачиновы, 104. Львовы, 105. Лермантовы, 106. Литвиновы, 107. Лихачевы, 108. Лунины. 109. Ловчиковы, 110. Лутошины, 111. Лызловы, 112. Любучениновы, 113. Малошевы, 114. Малюты-Скуратовы, 115. Мамоновы, 116. Мамоновы-Дмитріевы, 117. Масловы, 118. Матовы, 119. Машуткины, 120. Мельгуновы, 121. Мечнениновы, 122. Милославскіе, 123. Михайловскіе, 124. Михневы, 125. Міяковскіе, 126. Монастыревы, 127. Мель-

(1) Прямая ошибка. Князья Глинскіе происхожденія татарскаго,— хотя и выѣхали изъ Литвы.

ницкіе, 128. Мякинины, 129. Мясные, 130. Мясоѣдовы, 131. Невѣжины, 132. Нелединскіе, 133. Нелединскіе-Мелецкіе, 134. Нелидовы, 135. Нѣмцовы, 136. Обарины, 137. Ознобишины, 138. Окоемовы, 139, Павловы, 140. Палицины, 141. Пановы, 142. Пансыревы, 143. Пашковы, 144. Пинскіе кн., 145. Пестриковы, 146. Писаревы, 147. Писаревы-Ивангины, 148. Писаревы-Скорняковы, 149. Плюсковы, 150. Полонскіе, 151. Полоцкіе кн., 152. Полтевы, 153. Полтинины, 154. Полукарповы, 155. Поскочины, 156. Похвисневы, 157. Прерацкіе, 158. Прончищевы, 159. Протасьевы, 160. Пусторослевы. 161. Раевскіе, 162. Разладины, 163. Рамейковы, 164. Римскіе-Корсаковы, 165. Рословлевы, 166. Рохмановы, 167. Рѣзановы, 168. Сазоновы, 169. Салкушковскіе, 170. Самарины, 171. Свиньины, 172. Свіязевы, 173. Сидоровы, 174. Скаржинскіе, 175. Скуратовы, 176. Слуцкіе кн., 177. Спячіе, 178. Станищевы, 179. Стрекаловы, 180. Сумины, 181. Сунбуловы, 182. Таратухины, 183. Телепневы, 184. Тинковы, 185. Тушины, 186. Трубецкіе кн., 187. Тютрюмовы, 188. Усовы, 189. Фарисѣевы, 190. Филиповы, 191. Фомины, 192. Хованскіе кн., 193. Хрущовы, 194. Чаадаевы, 195. Чайковскіе, 196 Чаплины, 197. Чемодановы, 198. Челѣевы, 199. Чертенскіе кн., 200. Черторижскіе кн., 201. Чулковы, 202. Чуфаровскіе, 203. Шиловы, 204. Шитые, 205. Шишкины, 206. Шишковы, 207. Щенятевы кн., 208. Яблонскіе, 209. Яковцовы, 210. Якушкины, 211. Яновскіе.

Роды происходящіе отъ выходцевъ другихъ Зап.-Европейскихъ народовъ:

(198 родовъ).

1. Аксаковы (германск. происх.), 2. Албековы (венгерс. происх.), 3. Арцыбышевы (герм.), 4. Атяевы (id.), 5. Борисовы (id.), 6 Батуевы (id.), 7. Батурины (венг.), 8. Баушъ (герм.), 9. Башмаковы (id.), 10. Бѣдовы (id.), 11. Беззубцовы (id), 12. Безднины (Итал. происх.), 13. Безобразовы (герм.), 14. Безумовы (id.), 15. Беклемишевы (id.), 16. Бѣлкины (id.), 17. Бестужевы-Рюмины (англійск. происх.), 18. Бѣшенцевы (герм.), 19. Боборыкины (id) 20. Бобрищевы-Пушкины (id.), 21. Богдановы (id.), 22. Брюхатово (id), 23. Брюхатые (id.), 24. Булгаковы (id.), 25. Бутурины (id.),

26. Бухарины (id.), 27. Вараксины (id.), 28. Васильчиковы (id.), 29. Вельяминовы (id.), 30. Веніюсовы (id.), 31. Водовы (id.), 32. Воейковы (id.), 33. Волокитины (греческ. происх.), 34. Воробьины (герм.), 35. Воронцовы (герм.), 36. Воронцовы (другой родъ,—id.), 37. Воронцовы-Вельяминовы (id.), 38. Гиневлевы (id.), 39. Глѣбовы (id), 40. Головины (греческ.), 41. Горбатовы (герм.), 42. Грековы (греческ.), 43. Грецовы (id.), 44. Григоровы (герм.), 45. Гросы (id.), 46. Голенищевы-Кутузовы (id.), 47. Грязные (итал.), 48. Даниловы (герм.), 49. Деремонтовы (франц. происх.), 50. Дивовы (id), 51. Дохтуровы (греческ.), 52. Дурные (герм.), 53. Дюткины (id.), 54. Еверлаковы (id.), 55. Евскіе (id.), 56. Елагины (итал.), 57. Жеребцовы (герм.), 58. Зайцевы (id.), 59. Замыцкіе (id.), 60. Засѣцкіе (итал.), 61. Застолбскіе (герм.), 62. Захарьины (id.), 63. Зезевитовы (id.), 64. Змѣевы (id.), 65. Зубатые (id.), 66. Зыбины (id.), 67. Ивачевы (id.), 68. Исленьевы (id.), 69. Каменскіе (id.), 70. Кафтыревы (греческ.), 71. Кашкины (итал.), 72. Клементьевы (герм.), 73. Княженины (id.), 74. Кобылины (id.), 75. Кобяковы (id.), 76. Кокоревы (id.), 77. Коливы (id.), 78. Кологривовы (id.), 79. Колычевы (id.), 80. Коновницыны (id.), 81. Коротневы (id.), 82. Кузьмины-Короваевы (id.), 83. Курцовы (id.), 84. Кутузовы (id.), 85. Кобяковы (id.), 86. Лазаревы-Станищевы (сербскаго происх.), 87. Лебедевы (герм.), 88. Левашовы (id.), 89. Левшины (id.), 90. Лобановы (id.), 91. Лодыгины (id.), 92. Лодыженскіе (id.), 93. Лошковы (id.), 94. Ляцкіе (id), 95. Мономаховы (греческ.), 96. Милюковы (герм.), 97. Молчановы (id.), 98. Морозовы (id.), 99. Мусины-Пушкины (id.), 100. Мятлевы (id,) 104. Нагіе (id), 102. Назимовы (греческ.), 103. Наумовы (герм.), 104. Нащокины (итал.), 105. Немятовы (герм.), 106. Неплюевы (id.), 107. Нерыцкіе (итал.), 108. Нестеровы (герм.), 109. Нехорошевы (id.), 110. Николевы (франц.), 111. Новосильцовы (герм.), 112. Наровы (id.), 113. Нармацкіе (id.), 114. Образцовы (id.), 115. Ододуровы (франц.), 116. Оксаковы (sic, герм.), 117. Олферьевы (итал.), 118. Ордыны Нащокины (id.), 119. Орловы (герм.), 120. Осдановы (id.), 121. Остафьевы (id.), 122. Офросимовы (итал.), 123. Ошанины (id.), 124. Павловы (герм.), 125. Поросуковы (id.), 126. Потемкины (итал.), 127, Протопоповы (герм.), 128. Пупковы (id.), 129. Пушкины (id.), 130. Пыжовы (id.), 131. Прончищевы (id.), 132. Рохманиновы (итал.), 133.

Реновы (герм.), 134. Рожновы (id.), 235. Романовы (id.), 136. Рыхторовы (id.), 137. Рѣпьевы (id.), 138. Савастьяновы (id.), 139. Савеловы (id.), 140. Сакмины (id.), 141. Салтыковы (id.), 142. Свибловы (id.), 143. Свѣчины (id.), 144. Сербины (греческ.), 145. Сергѣевы (герм.), 146. Сиротины (id.), 147. Сіяновы (итал.), 148. Скуратовы (сербск.), 149. Слизневы (герм.), 150. Сназины (id.), 151. Собакины (id.), 152. Сакмышевы (id.), 153. Соковниквы (id.), 154. Старогомилюковы (id.), 155. Стремоуховы (греческ.), 156. Суворовы (герм.), 157. Сумороковы (id.), 158. Супоневы (id.), 159. Терпигоровы (греческ.), 160. Товарковы (герм.), 161. Толочановы (id.), 162. Толстые (id.), 163. Траханіотовы (греческ.), 164. Третьяковы (id.), 165 Трусовы (герм.), 166. Туровы (id), 167. Тухачевскіе (id.), 168. Тысяцкіе (id.,) 169. Тышкевичи (итал.), 170. Тюменевы (герм.), 171. Фамендины (id.), 172. Федцовы (id.), 173. Фефилатьевы (id.), 174. Философовы (греческ.), 175. Фонвисины (герм.), 176. Фуниковы (id.), 177. Хвостовы (id.), 178 Хидыршиковы (id.), 179. Хлуденевы (id.), 180 Хлызневы (id.), 181. Хромовы (id.), 182. Хрулевы (id.), 183. Чеглоковы (id.), 184. Челяднины (id.), 185 Чепчуговы (id.), 186. Чулковы (id.), 187. Шафровы (id.), 188. Шеины (id.), 189. Шепелевы (id.), 190. Шереметевы (id.), 191 Шиловскіе (id.), 192. Шихеровы (id.), 193. Шухертовы (id.), 194 Шушерины (id.), 195. Щепотьевы (id.), 196. Щуки-Кутузовы (id.), 197. Яковлевы (id.), 198. Яхонтовы (id.).

Роды Татарскаго происхожденія:

(110 родовъ).

1. Агдавлетовы, 2. Аничковы, 3. Арсеньевы, 4. Байтерековы, 5. Баранчеевы, 6. Баскаковы, 7. Бахметовы, 8. Бибиковы, 9. Биркины, 10. Блохины, 11. Болтины, 12. Бузовлевы, 13. Вельяминовы, 14. Вельяминовы-Зерновы, 15. Вердеревскіе, 16. Вислоуховы, 17. Гайтуровы, 18. Годуновы, 19. Готовцовы, 20. Давыдовы, 21. Дашковы, 22. Державины, 23. Долгово-Сабуровы, 24. Дувановы, 25. Дуниловы, 26. Елчины, 27. Ждановы, 28. Жемайловы, 29. Загоскины, 30. Загряжскіе, 31. Зерновы, 32. Злобины, 33. Исуповы, 34. Камынины, 35. Карандеевы, 36. Карауловы, 37. Кня-

товы, 38. Кончеевы, 39. Коробьины, 40. Кременецкіе, 41. Крюковы, 42. Кутумовы, 43. Леонтьевы, 44. Любавскіе, 45. Мансуровы, 46. Масаловы, 47. Матюшкины, 48. Мерлины, 49. Мещерскіе кн., 50. Молвяниновы, 51. Нарбековы, 52. Нарышкины, 53. Обезьяниновы, 54. Обиняковы, 55. Огаревы, 56. Окинфовы, 57. Опраксины, 58. Оринкины, 59. Павловы, 60. Петровы-Соловаго, 61. Пешковы, 62. Пильемовы, 63. Племянниковы, 64. Подольскіе, 65. Поливановы, 66. Пороватые, 67. Прокудины, 68. Радиловы, 69. Ратаевы, 70. Растопчины, 71. Ртищевы, 72. Сабуровы, 73. Сафоновы, 74. Сверчковы, 75. Свищовы, 76. Селивановы, 77. Селиверстовы, 78. Совины, 79. Сомовы, 80. Сонины, 81. Сытины, 82. Талызины, 83. Таптыковы, 84. Тарбѣевы, 85. Тевяшевы, 86. Теглѣевы, 87. Темирязевы, 88. Тургеневы, 89. Тургеневы (др. родъ), 90. Уваровы, 91. Урусовы кн., 92. Фомины, 93. Фустовы, 94. Хитрые, 95. Ховрины. 96. Ходыревы, 97. Хомяковы, 98. Хомяковы-Языковы, 99. Хоныковы, 100. Хотяинцовы, 101. Черемисовы, 102. Чириковы, 103. Шейдяковы кн., 104. Шихматовы кн., 105. Юрьевы, 106. Юсуповы кн., 107. Юшковы, 108. Языковы, 109. Яковцевы, 110. Якутины.

Роды происходящіе отъ другихъ выходцевъ изъ восточныхъ народовъ:

(34 рода).

1. Белеутовы (косожск. происх.), 2. Біевы (турецк. происх.), 3. Векентьевы (косожск.), 4. Глѣбовы (id.), 5. Давыдовы (грузинск. происх.), 6. Даудовы (персидск. происх.), 7. Добрынскіе (косожск.), 8. Дурновы (id), 9. Егуповы—Черкасскіе (черкеск. происх.), 10. Елизаровы (косожск.), 11. Елизаровы—Гусевы (id.), 12. Зайцевы — Бирдюкины (id.), 13. Измайловы (турецк.), 14. Карапиперовы (id.), 15. Клементьевы (косожск.), 16. Клушины (id.), 17. Кокошкины (id.), 18. Колтовскіе (id.), 19. Кошкаровы (id.), 20. Лаптевы (id.), 21. Лопухины (id), 22. Лупандины (id.), 23. Меретинскіе (грузинск.), 24. Объѣдовы (косожск.), 25. Остафьевы (id.), 26. Поджегины (id.), 27. Перскіе (персидск.), 28. Сибирскіе кн. (сибирск. происх.), 29. Симскіе (косожс.), 30. Сорокоумовы (id.), 31. Теряевы (id.), 32. Хабаровы (id.), 33. Хохоничевы (*sic*) кн. (грузинск.), 34. Чевкины (косожск. происх.).

Роды русскаго происхожденія (1):

(33 рода).

1. Басмановы, 2. Блудовы, 3. Бобинины, 4. Булгаковы, 5. Волынскіе, 6. Вороные-Волынскіе, 7. Вышеславцевы, 8. Денисьевы, 9. Дуровы, 10. Жеребцовы, 11. Зузины, 12. Игнатьевы, 13. Іевлевы, 14. Іевскіе, 15. Колотиловскіе, 16. Колоткины, 17. Кузмины, 18. Мауриновы, 19. Михайловы, 20. Монастыревы, 21. Москотиньевы, 22. Неудачины, 23. Нечаевы, 24. Нефловы, 25. Одинцовы, 26. Охотины, 27. Очины, 28. Плещеевы, 29. Погожевы, 30. Пятовы, 31. Садыковы, 32. Судаковы, 33. Шетневы.

Роды непзвѣстнаго происхожденія:

(90 родовъ).

1. Абловы, 2. Алымовы, 3. Арсеновы, 4. Балакиревы, 5. Бартеневы, 6. Белелюбскіе, 7. Бахтеевы, 8. Болотовы, 9. Боучаровы, 10. Буковскіе, 11. Веревкины, 12. Веселкины, 13. Винковы, 14. Власьевы, 15. Волоховы, 16. Ворыпаевы, 17. Голенкины, 18. Голосовы, 19. Горины, 20. Доможировы, 21. Дементьевы, 22. Елютины, 23. Жолобовы, 24. Зыковы, 25. Каблуковы, 26. Казначеевы, 27. Карамышевы, 28. Карамышевы, 28. Карачевы, 29. Карповы, 31. Кобяковы, 31. Кознаковы, 32. Колупаевы, 33. Коптѣевы, 34. Курдюмовы— Новиковы, 35. Кровковы, 36. Ларіоновы, 37. Львовы, 38. Лобковы, 39. Лопатины, 40. Лукины, 41. Лутовиновы, 42. Лыковы, 43. Максимовы, 44. Матвѣевы, 45. Меркуловы, 46. Михины, 47. Мотякины, 48. Муратовы, 49. Насоновы, 50. Новиковы, 51. Патрикеевы, 52. Перекусихины, 53. Пестовы, 54. Проѣстевы, 55. Прокофьевы, 56. Рокотовы, 60. Ратовы, 61. Рудины, 62. Сафроновскіе, 63. Селезневы, 64. Соймоновы, 65. Спасителевы, 66. Спѣшневы, 67. Сулменевы, 68. Сухотины, 69. Сушковы, 70. Теприцкіе, 71. Титовы, 72. Торокановы. 73. Трестины, 74. Тутолмины, 75. Тыртовы, 76. Тютчевы. 77. Украинцовы, 78. Фуниковы, 79. Хвощин-

---

(2) Роды подъ №№ 5 6 и 7 ведутъ свое начало отъ выходцевъ Волынской земли.

скіе, 80. Хрипковы, 81. Чаплыгины, 82. Чеботаевы, 83. Чебышевы, 84. Челищевы, 85. Челюскины, 86. Черевины, 87. Чересовы, 88. Чернышевы, 89. Чирковы, 90. Ярославовы.

Такова классификація по происхожденіямъ всѣхъ 843 родовъ, приводимыхъ Миллеромъ.

Примѣчаніе 1-е: Въ приведенномъ нами спискѣ сохранена орѳографія употребленная Миллеромъ.

Примѣчаніе 2-е: Считаемъ не лишнимъ предупредить, что означеніе въ этомъ спискѣ одной фамиліи происходящею отъ выходцевъ различныхъ народовъ не слѣдуетъ принимать за ошибку или недосмотръ. Это показываетъ только то, что часто роды совершенно различнаго происхожденія носили одинаковую фамилію; такъ напр. существовало три рода Павловыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ германскаго, другой литовскаго и третій татарскаго происхожденія.

Примѣчаніе 3-е: Подъ *германскимъ происхожденіемъ* разумѣемъ мы не только происхожденіе извѣстнаго рода изъ Германіи въ собственномъ смыслѣ этого слова,—но происхожденіе его отъ выходца германской національности вообще. Тоже должно сказать и относительно употребляемаго нами выраженія *татарское происхожденіе.*

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

(Къ страницѣ 177).

Вотъ списокъ этихъ 72 родовъ не вошедшихъ въ списокъ Миллера и въ списокъ Бархатной Книги, но относительно которыхъ удалось намъ встрѣтить свѣденія,—съ указаніемъ источниковъ изъ коихъ почерпнуты эти свѣденія:

Изъ потомковъ Рюрика:

1. Даниловы (Долгор. Р. К. II. 178).

Роды Польско-Литовскаго происхожденія:

1. Варгасовы (Врем. М. О. X. 191), 2. Ильинскіе (Долг. Р. К. II. 140). 3. Ковылины (Врем. X. 190), 4. Комаровскіе (Долг. Р. К. III. 158), 5. Косинскіе (Семев. Р. К. 197), 6. Ланскіе (Семев. Р. К. 101), 7. Ляшевичи—Бородулины (Семев. 218), 8. Лукомскіе кн. (Долг. Р. К. III. 25), 9. Поярковы (Врем. X. 259), 10. Сенявины (Семев. 290), 11. Тяпкины (Врем. X. 191), 12. Энгельгардты (Семев. 351).

Роды происходящіе отъ выходцевъ другихъ западно-европейскихъ народовъ:

1. Алмазовы, *еврейск. происх.* (Семев. 121), 2. Аминовы, *герм. происх.* (Врем. X. 173; Долг. Р. К. II. 154), 3. Балки, *id.* (Семев. 127), 4. Безумовы, *id.* (Врем. X. 186, Семев. 236), 5. Брюсы, *англ. происх.* (Семев. 57), 6. Брюховы—Морозовы, *герм.* (Врем. X. 108, Долг. II. 69), 7. Веселовскіе *еврейск.* (Семев. 138), 8. Вѣтренные, *итал.* (Врем.

X. 198; Сем. 151), 9. Гавриловы, *герм.* (Врем. X. 171; Долг. II. 152), 10. Грабежевы, *id.* (Врем. X. 89; Долг. Ш), 11. Жостовы—Русалкины, *id.* Врем. X. 109), 12. Жулебины, *id.* (Врем. X. 169; Долг. II. 154), 13. Коровьины, *id.* (Врем. X. 110), 14. Кошкины, *id.* (Бархат. Кн. изд. 1787 г. II. 123; Врем. X. 161), 15. Курицины, *id.* (Врем. X. 168, Долг. II. 154), 16. Мотовиловы, *id.* (Врем. X. 89), 17. Поводовы, *id.* (Бархат. Кн. I. 325), 18 Поплевины, *герм.* (Врем. X. 180), 19. Прокшины, *id.* (Врем. X. 110), 20. Сакмышевы, *id.* (Врем. X. 119; Семев. 94), 21. Синіе, *id.* (Врем. X. 159), 22. Скрябины, *id.* Врем. X. 174; Долг. II. 68), 23. Тучковы, *id* (Врем. X. 180, Долг. II. 69), 24. Филимоновы—Морозовы, *id* (Врем. X. 109, Долг. II. 69), 25. Хомутовы, *англ.* (Семев. 56, въ сноскѣ), 26. Чеботовы, *герм.* (Бархат. Кн. I. 336, Врем. X. 168), 27. Шафериковы—Пушкины, *id.* (Бархат. Кн. I. 329), 28. Шафировы, *еврейск.* (Семев. 114), 29. Ширшиковы, *германск.* (Врем. X. 103).

Роды татарскаго происхожденія:

1. Барановы (Долг. II. 271), 2. Булгаковы (Семев. 173), 3. Кичибеевы (Врем. X. 189), 4. Минчаковы (Долг. II. 269), 5. Назарьевы (Семев. 172), 6. Свистуновы (Семев. 283), 7. Старковы (Бархат. Кн. II. 206., Врем. X. 123), 8. Тенишевы кн. (Долг. Ш. 55), 9. Костровы кн. (Долг. Ш. 24.), 10. Якимовы (Врем. X. 202).

Роды происходящіе отъ выходцевъ др. вост. народовъ:

1. Алачевы кн., *изъ остяковъ* (Семев. 49), 2. Бекетовы, *черкес.* (Семев. 131), 3. Гантимуровы кн., *китайск.* (Семев. 50), 4. Касимовскіе царев., *сиб.* (Долг. Ш. 53).

Роды русскаго происхожденія [2]**:**

1. Алоповскіе (Семев. 104), 2. Бобряковы, (Врем. X. Ш.), 3. Кисловскіе (Семев. 194), 4. Мѣшковы—Плещеевы

[2] Роды подъ №№ 2 и 6 ведутъ начало отъ выходцевъ Волынской земли

(Врем. X. 98), 5. Муравьевы (Семев. 104), 6. Полуехтовы (Врем. X. 111), 7. Пущины (Сем. 104). 8. Румянцевы (Семев. 73), 9. Строгоновы (Долг. II. 212).

Роды неизвѣстнаго происхожденія:

1. Адашевы (Семев. 118), 2. Алексѣевы (Семев. 118), 3. Болховскіе кн. (Долг. Ш. 10). 4. Карабановы (Семев. 183), 5. Мышецкіе кн. (Долг. Ш. 32), 6. Мячковы (Врем. X. 199), 7. Несвицкіе кн. (Долг. Ш. 33).

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

(Къ страницѣ 185).

Для подтвержденія выводовъ сдѣланныхъ мною относительно количества родовъ достигавшихъ высшихъ чиновъ *боярина* и *окольничаго*,—счелъ я не лишнимъ и въ научномъ отношеніи не безъинтереснымъ приложить предлагаемый подробный списокъ родовъ этихъ, списокъ въ которомъ даны указанія на то *кто именно* изъ представителей извѣстныхъ родовъ и *въ какіе именно годы* достигалъ упомянутыхъ степеней. Сообщаемыя въ спискѣ моемъ свѣденія подкрѣпляю я *указаніемъ источниковъ* изъ которыхъ почерпнуты они. Въ основаніе работъ моихъ по составленію этого списка положенъ былъ мною „*Послужной списокъ старинныхъ бояръ и дворецкихъ, окольничихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ съ 6970 по 7184 годъ*“,—помѣщенный въ Древней Рос. Вивліоѳикѣ, въ части XX изданія 1791 г. (стран. 1—131 и 421—442). Въ этомъ спискѣ исчисленіе начинается съ 1462 г., т. е. со вступленія на престолъ В. К. Іоанна III; я также принялъ 1462 г. за начальный пунктъ работы моей,—такъ какъ раньше этого года мало можно найти достовѣрныхъ указаній, а тѣмъ болѣе полныхъ указаній относительно разсматриваемаго вопроса. Послужной списокъ помѣщенный въ XX части Др. Рос. Вивл. былъ тщательно провѣренъ и дополненъ мною по слѣдующимъ источникамъ: 1) По списку лицъ проходившихъ службу въ высшихъ чинахъ съ Іоанна III до Петра I, помѣщенному въ Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣденій о Россіи, издан. Н. В. Калачевымъ; 2) По Разряднымъ Книгамъ издан. II Отдѣленіемъ Собст. Е. И. В. Канцеляріи; 3) По разрядамъ 1576—1586 гг., помѣщеннымъ въ XIV части Древн. Рос. Вивл. (изд. втораго); 4) по чину погребенія Царевны Татьяны Ми-

хаиловны въ 1706 г., помѣщ. въ Др. Рос. Вивл. (часть XIV, изд. 2, стр. 111—122); 5) по церемоніалу во время преставленія Царевича и В. К. Алексѣя Алексѣевича, 1670 года (Ib. стр. 65—95); 6) по чину погребенія Царя и В. К. Ѳеодора Алексѣевича 1682 г., помѣщ. въ Др. Рос. Вивл., въ X части 1 изданія (стран. 269—301 [1]); 7) по Актамъ Историческимъ, изд. Арх. Ком.; 8) по Рос. Родословной Книгѣ, изд. кн. П. Долгоруковымъ и 9) по Родословной Книгѣ, изд. Г. Семевскимъ (причемъ оказывается что послѣднія два изданія содержатъ въ себѣ дов. много погрѣшностей въ указаніи чиновъ, въ которыхъ находились тѣ или другіе изъ представителей родовъ упоминаемыхъ ими).

Я приложилъ всѣ старанія что-бы не пропустить въ спискѣ моемъ ни одного лица, достигавшаго степеней боярина и окольничаго [2]). Замѣчу кстати, что я не упоминалъ о лицахъ достигавшихъ окольничества, но принадлежавшихъ къ родамъ достигавшимъ боярства; я привожу свѣденія о достиженіи окольничества только представителями тѣхъ родовъ, которые *никогда* не подымались выше этой степени.

Считаю нужнымъ указать значеніе сокращеній употребленныхъ мною въ цитированіи тѣхъ или другихъ источниковъ: *П. С.*—Послужной Списокъ, помѣщ. въ XX ч. Др. Рос. Вивл.; *Р. К.*—Разрядныя Книги, изд. 2 Отдѣл. С. Е. И. В. Канцел.; *Р (съ годомъ)*—Рязряды 1576—1586 гг., помѣщ. въ XIV ч. Др. Рос. Вивл.; *Д. Р. В.*—Др. Рос. Вивл.; *А. И.*—Акты Историческіе, изд. Арх. Ком; *Долг.*—Рос. Родосл. Книга, изд. кн. Долгорукова; *Сем.*—Родосл. Книга изд. Семевскаго; *н. ц. П.*—начало царствованія Петра I (съ 1682 г.).

---

(1) Въ описаніяхъ подобнаго рода церемоніаловъ находится весьма много указаній на служилыхъ людей высшихъ чиновъ.

(2) Ошибки, недосмотры и пропуски вкравшіеся быть можетъ въ мой списокъ извинятся, какъ я смѣю надѣяться, крайнею сложностью, трудностью и кропотливостью работы.

СПИСОКЪ РОДОВЪ ДОСТИГАВШИХЪ ВЫСШИХЪ СТЕПЕНЕЙ БОЯРИНА И ОКОЛЬНИЧАГО.

А) РОДЫ ДОСТИГАВШІЕ БОЯРСТВА.

(128 родовъ).

I. ИЗЪ ПОТОМСТВА РЮРИКА:

(63 рода).

Барбашины кн. *Ив. Ив.* 1529 † 41 г. (П. С. 23. 31).

Барятинскіе кн. *Юр. Нкт.* 1671 г. (П. С. 122). *Ив. Птр.* 1677 г. (П. С. 130); 1682 г. (Д. Р. В. X. 295).

Бахтеяровы-Рост. кн. *Вл. Ив.* 1608+17 г. (П. С. 83. 90; Р. К. I. 31).

Буйносовы-Рост. кн. *Птр. Ив.* 1603+7 г. (П. С. 72. 81). *Юр. Птр.* 1646+61 (П. С. 103. 115).

Бѣлевскіе кн. *Ив. Вс.* 1514+23 г. (П. С. 17. 21).

Волхонскіе кн. *Од. Од.* 1651+65 (П. С. 107. 117).

Воротынскіе кн. *Вл. Ив.* 1551+58 (П. С. 38. 42). *Мх. Ив.* 1552—73 (П. С. 38. 52). *Алд. Ив.* 1560+67 (П. С. 43. 48). *Ив. Мх.* 1592+1627 (П. С. 64. 94; Р. К. I. 89. 640). *Ив. Алкьв.* 1664+79 г. (П. С. 117; Сем. 6); 1682 г. (Д. Р. В. X. 293).

Горбатые-Шуйскіе кн. *Мх Вс. Кислый*, 1513+35 г. (П. С. 16. 28). *Брс. Ив.*, 1513+36 г. (П. С. 16. 26). *Анд. Брс.*, 1521+32 (П. С. 20. 25). *Алсд. Брс.*, 1544—66 (П. С. 32. 47).

Горенскіе кн. *Ив. Вс.* 1555+62 (П. С. 40. 44).

Даниловы. *Вс. Дм.*, 1565 (П. С. 47).

Долгорукіе кн. *Од. Тим.*, 1605+12 (П. С. 76. 86). *Вл. Тим.* 1607+33 (П. С. 81. 96; Р. К. I. 79. II. 84. 187). *Як. Од.*+1720 (Долг. I. 89); 1706 (Д. Р. В. XIV. 118). *Дм. Алкс.*, 1671+74 (П. С. 122. 125). *Юр. Алкс.*, 1649 г. (П. С. 106), 1670 г. (Д. Р. В. XIV. 70), 1679 г. (Р. К. 1068),+1682 г. (Долг I. 88). *Мх. Юр.* 1671 г. (П. С. 122), 1678—79 гг. (Р. К. II. 1046. 1398), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 114). *Вл. Дм.*, п. ц. II. (П. С. 421), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115).

Дорогобужскіе кн. *Ос. Ан.*, 1495+1530 г. (П. С. 7. 24).

Заболоцкіе. *Гр. Вс.*+1473 г. (П. С. 3). *См. Кст.* 1552+59 г. (П. С. 38. 42).

Зубатые кн. *Алс. Мх.* 1634+53 г. (П. С. 96. 109). *Дм. Итр.* 1655+60 г. (П. С. 110. 114). *Мх. Нкт.* н. ц. П. (П. С. 423), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115).

Карповы—Долматовы. *Од. Ив.* 1517 г. (П. С. 19). *Од. Брс.* 1649+60 (П. С. 106. 114).

Катыревы—Рост. кн. *Ив. Ан. Катырь*, 1532+43 г. (П. С. 25. 32). *Ан. Ив.* 1557+67 г. (П. С. 41. 48). *Мх. Итр.* 1599+1606 г. (П. С. 69, 77).

Кашины кн. *Юр. Ив.*, 1556, казненъ 1565 г. (П. С. 41. 46). *Мх. Од.* 1605+11 (П. С. 76. 85).

Козловскіе кн. *Гр. Ав.*, н. ц. П. (П. С. 422).

Кольцовы—Мосальскіе кн. *Вл. Вс.*, 1606+10 (П. С. 77. 84).

Коркодиновы кн. *Ив. Мх.*, 1691—92 г. (П. С. 423; Сем. 23).

Кубенскіе кн. *Ив. Ив.*, +1546 (П. С. 33). *Мх. Ив.*, 1526+50 (П. С. 23. 36).

Курбскіе кн. *См. Од.*, 1515+27 г. (П. С. 18. 23). *Мх. Мх.*, 1540+46 г. (П. С. 30. 33). *Ан. Мх.*, 1556 г., бѣжалъ 1564 г. (П. С. 41. 46).

Курлятевы кн. *Кст. Ив.*, +1552 г. (П. С. 38). *Дм. Ив.*, 1549+62 г. (П. С. 35. 44).

Лобановы-Рост. кн. *Ав. Вс.*, 1615+26 г. (П. С. 90. 95; Р. К. I. 564. 1357, II. 89. 193). *Ив. Ив.*, 1661+64 г. (П. С. 115. 116; Р. К. II. 961).

Лыковы кн. *Бр. Мх.*, 1606+46 г. (П. С. 78. 103; Р. К. II. 15. 548). *Мх. Ив.*, 1682+1701 г. (П. С. 422.; Сем. 9; Д. Р. В. X. 421).

Мезецкіе кн. *Дн. Ив.*, 1618+28 г. (П. С. 91. 94; Р. К. I. 552. 1239).

Микулинскіе кн. *Мх. Од.*, 1478 г. (П. С. 4). *Вл. Ан.*, 1495+1509 г. (П. С. 7. 14). *Ив. Ан.*, 1514+25 г. (П. С. 17. 22). *Вс. Ан.* 1531+40 г. (П. С 24. 30). *См. Ив.*, 1549+62 г. (П. С. 36. 44).

Нагіе кн. *Итр. Вс. Нагой*, 1500+10 г. (П. С. 9. 14).

Ногтевы кн. *Ан. Ив.*, 1560+78 г. (П. С. 43. 56; Р. 1576 и 1578 гг., стр. 318 и 347). *Од. Ан.*, 1599+1603 г. (П. С. 70. 72).

Оболенскіе кн. *Вс. Мх.*, 1480+81 г. (П. С. 5). *Итр. Мх.*, 1480+82 (П. С. 5). *Алксд. Вс.* 1476+1502 (П. С. 4. 11). *Итр. Нкт.*, 1493+99 г. (П. С. 7. 9). *Нкт. Вс. Хромой*,

1513+40 г. (П. С. 16. 30). *Од. Вс. Лопата*, 1519+30 (П. С. 19. 24). *Ив. Ив. Щетина*, 1519+38 (П. С. 19. 29). *Ив. Вс. Нѣмой*, 1524+34 (П. С. 22. 26). *Од. Мх. Черный*, 1563 (П. С. 45). *Дм. Ив. Нѣмой*, 1552+65 (П. С. 38. 46).

Одоевс іе кн. *Вс. См.*, 1506+34 г. (П. С. 13. 26). *Од. Ив.*, 1528+47 (П. С. 23. 33). *Рм. Ив.*, 1533+36 (П. С. 25. 29). *Нкт. Рм.*, 1572 выбылъ 1573 (П. С. 52. 53). *Ив. Нкт. большій* (П. С. 77. 90). *Ив. Нкт. меньшій*, 1614+29 (П. С. 89, 94; Р. К: I. 79, 1368). *Нкт. Ив*, 1640+89 (П. С. 99; Долг. I. 55; Д. Р. В. XIV. 69). *Ив. Ив.*, 1622+28 (П. С. 92. 93; Р. К: I. 1239, 1347, II. 78. 184). *Од. Нкт.*, 1655+56 (П. С. 111. 112). *Як. Нкт.*, 1663+97 (П. С. 116; Долг. I. 55; Д. Р В. X. 279). *Юр. Мх.*, 1677 (П. С. 130), 1682 г. (Д. Р. В. X. 293). *Вс. Од.*, 1682 г. (Д. Р. В. X. 300), +1687 (Долг. I. 55).

Палецкіе кн. *Дм. Од. Щереда*, 1547+61 г. (П. С. 34, 44).

Пенковы кн. *Дн. Алдр. Пенко*, 1500+20 (П. С. 9. 20). *Вс. Дн.*, 1517+32 (П. С. 18. 25). *Ив. Дн.*, 1524+43 (П. С. 22. 32).

Пожарскіе кн. *Дм. Мх. Хромой*, 1613+42 г. (П. С. 89, 100; Р. К: I. 48. 1379, II. 763).

Пріимковы-Рост. кн. *Дн. Брс.*, 1606+7 г. (П. С. 77. 81). *Ник. Ив.* п. ц. II. (II. С. 422).

Прозоровскіе кн. *См. Вс.*, 1646+60 (П. С. 103. 114). *Ив См.*, 1657+70 (П. С. 112. 121). *Итр. Мх.*, 1677 г. (П. С. 130). *Итр Ив.*, п. ц. II. (II. С. 421). *Брс. Ив.*, п. ц. II. (II. С. 422), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 121). *Алкс. Итр.*, п. ц. II. (II С. 423). *Ан. Итр.*, п. ц. II. (II. С. 423).

Пронскіе кн. *Юр. Дм.*, 1514+23 г. (П С. 17. 21). *Ив. Дм.*, 1514+23 (П. С. 17. 21). *Дн. Дм*, 1547+51 (П. С. 34. 37). *Ив. Вс. Шемяка*, 1549+50 (П. С. 36. 37). *Ив. Ив. Турунтай*, 1549+69 (П. С. 36. 50). *Юр. Ив.*, 1553+54 (П. С. 39). *Итр. Дн.*, 1567+77 (П С. 84. 55). *См. Дн.*, 1572+84 (П. С. 52. 60; Р: 1576, 1578 и 1580 гг., стр. 294, 335, 370). *Ив. Итр.*, 1677 г. (П. С. 127).

Ромодановскіе кн. *Ив. Вс. Телеляшъ*, 1515+20 г. (П. С. 18. 19). *Гр. Итр.*, 1616+28 (П. С. 90. 94; Р. К: I. 413. 1239). *Вс. Гр.*, 1655+71 (П. С. 110. 122; Д. Р. В. XIV. 72). *Ив. Ив.*, 1657+71 г. (П. С. 113. 122; Д. Р. В. XIV. 73). *Гр. Гр.*, 1665 г. (П. С. 118), 1682 г. (Д. Р.

В. X. 290). *Юр. Ив.*, 1665 г. (П. С. 117), 1670 г. (Д. Р. В. XIV. 77). *Од Гр.*, 1682 г. (Д. Р. В. X. 298). *Мх Гр.*, н. ц. II. (II. С. 241), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 120).

Рубцовы-Мосальскіе кн. *Вс. Мх. Рубецъ*, 1605+11 г. (П. С. 76. 85).

Ряполовскіе кн. *См. Ив.*, 1478 выб. 1499 г. (П. С. 4. 9). *Од. См. Хрипунъ*, 1493+98 (П. С. 7. 8). *Итр. См.*, 1519+24 (П. С. 19 21).

Рѣпнины кн. *Ив. Мх.*, 1513+23 г. (П. С. 16. 21). *Итр. Ив.*, 1535+46 (П. С. 28. 33). *Мх. Итр.*, 1559+65 (П. С. 43. 47). *Итр. Алкд.*, 1635+43 (П. С. 97. 100; Р. К: II. 918). *Брс. Алкнд.*, 1640+70 (П. С. 99. 121). *Ив. Брс.*, 1659+97 (П. С. 114; Долг. I. 271; Р. К: II. 1047. 0155).

Серебрянные кн. *См. Дм.* 1524+35 г. (П. С. 22. 27). *Вс. См.*, 1550+70 (П. С. 37. 50; упомин. Р. К: I. 1163). *Итр. См.*, 1551+71 (П. С. 37. 51).

Сицкіе кн. *Вс. Ан.*, 1568+78 г. (П. С. 49. 56; Р: 1576 и 1578 гг. стр. 294 и 338). *Ив. Вс.*, 1585, лишенъ боярства 1601 г. (П. С. 61; Сем. 17; Р: 1586 г. стр. 491). *Алкс. Юр.*, 1615+44 (П. С. 90. 100; Р. К: I. 89. 1368. II. 84. 519). *Ан. Вс. Жукля*, 1622+29 (П. С. 92. 95; Р. К: I. 528. 1368). *Юр. Ан.*, 1638+44 (П. С. 98. 100).

Скопины-Шуйскіе кн. *Од. Ив.*, 1544+57 г. (П. С. 32. 41). *Вс. Од.*, 1577+95 (П. С. 55. 65; Р: 1578, 1580, 1582, 1584 гг. стр. 350, 373, 420, 446). *Мх. Вс.*, 1607+1610 (П. С. 81. 84).

Стригины кн. *Ив. Вс. Стрига*, 1462+78 г. (П. С. 2. 4).

Татевы кн. *Итр. Ив.*, 1583+86 г. (П. С. 58. 62; Р: 1586 г. стр. 394). *Брс. Итр.*, 1605+7 (П. С. 76. 81).

Татищевы кн. *Мх. Юр.* н. ц. II. (II. С. 423), +1701 г. (Долг. II. 225).

Телепневы кн. *Ив. Од. Овчина*, 1532 г., выб. 1539 г. (П. С. 25. 30).

Телятевскіе кн. *Ив. Мх.*, 1495+1512 г. (П. С. 7. 16). *Итр. Ив.*, 1563+66 (П. С. 45 47). *Ан. Ан.*, 1600+12 (П. С. 70. 86).

Темкины-Рост. кн. *Юр Ив.*, 1549+61 г. (П. С. 36. 44). *Вс. Ив.*, 1568+71 (П. С. 49. 50). *Мх. Мх.*, 1646+61 (П. С. 103. 115).

Троекуровы кн. *Ив. Мх.*, 1556+64 г. (П. С. 41. 46). *Од. Мх.*, 1586+97 (П. С. 62. 66; Р: 1586 г. стр. 492).

Ив. Од., 1620+22 (П. С. 91. 92). *Брс. Ив.*, 1673+74 (П С. 125). *Ив. Брс.*, н. ц. П. (П. С. 421; Д. Р. В. X. 298).

Туренины кн. *Мх. Самс.*, 1607+11 г. (П. С. 81. 85).

Ушатые кн. *Вс. Ив. Чулокъ*, 1544+49 г. (П. С. 32. 35).

Хворостинины кн. *Дм. Ив.*, 1584+90 г. (П. С. 60. 63; Р: 1584 и 1585 гг., стр. 457 и 463). *Од. Ив.*, 1589+1608 (П. С. 63. 82). *Од. Юр.*, 1653+56 (П. С. 109. 112).

Хилковы кн. *Дм. Ив*, 1557, выб. 1561 г. (П. С. 41. 46). *Ан. Вс.*, 1625+44 (П. С. 93. 100; Р. К: I. 1154. 1369. II. 375. 518). *Ив. Вс.*, 1651+54 (П. С. 107. 109). *Ив. Ан.*, 1655 г. (П С. 110), 1670 г. (Д. Р. В. XIV. 71).

Холмскіе кн. *Дн Дм.*, 1474+93 г (П. С. 4). *См. Дн.*, 1495+1501 (П. С. 7. 10). *Вс. Дн.*, 1500+24 (П. С. 9. 21). *Ан. Ив*, 1535+43 (П. С. 28. 32).

Хохолковы-Рост. кн. *Алекд. Ан.*, 1514+30 г. (П. С. 17. 24). *Юр. Ан.*, 1517+29 (П. С. 18. 23).

Шастуновы кн. *Вс. Вс. Шастунъ*, 1487+95 г. (П. С. 6. 7). *Дм. См.*, 1560+63 (П. С. 43. 45) *Од. Дм.*, 1584+97 (П. С. 60. 66; Р: 1586 г., стр. 493).

Шаховскіе кн. *Итр. Мх.*, 1605 г. (П. С. 76).

Шуйскіе кн. *Вс. Вс.*, 1506+39 г. (П. С. 13. 30). *Ан. Мх*, 1535+43 (П. С. 28. 32). *Ив. Мх.*, 1535+59 (П. С. 28. 42) *Ив. Вс.*, 1531+46 (П. С. 24. 33). *Итр. Ив.*, 1550+64 (П С. 37. 46). *Ив. Ан.*, 1560+73 (П. С. 50. 52). *Ан. Ив.*, 1584+87 (П. С. 60. 62; Р. 1585 и 1586 гг., стр. 467 и 493). *Ив. Итр.*, 1577+87 (П. С. 55. 62; Р: 1577, 1581, 1586 гг., стр. 325, 399, 489). *Вс. Ив.*, 1584 г. (П. С. 60), 1585 г. (Д. Р. В XIV. 476). *Дм. Ив*, 1591+1613 (П. С. 64. 88). *Алекд. Ив.*, 1596+1601 (П. С. 66. 71). *Ив. Ив.*, 1596+1638 (П. С. 66. 98; Р. К. I. 937. 940. II. 448. 517).

Щепины-Рост. кн. *Дм. Вл.*, 1501+18 г. (П. С. 10. 19). *Алекд. Вл.*, 1501+23 (П. С. 10. 21). *Ан. Дм.*, 1535+50 (П. С. 28. 36). *См. Вс.*, 1553+67 (П. С. 39. 48).

Щербатые кн. *Кст. Осип.*, н. ц. П. (П. С. 422), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 116).

Ярославскіе кн. *См. Рм.*, 1469+1502 г. (П. С. 3. 10).

II. ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

(15 родовъ).

Борисовы. *Гр. Ник.*, 1577+84 г. (П. С. 55. 60).

Бороздины. *Гр Ник.*, 1476+80 г. (П. С. 4. 5). *Ив. Брс.*, 1476+1501 (П. С. 4. 10). *Вс. Брс.*, 1476+1503 (П. С. 4. 11). *Житово Нкт.*, 1478 г. (П. С. 4). *Од. Гр.*, 1478 г. (П. С. 4). *Од. Гр.*, 1480+94 (П. С. 5. 7). *Итр. Брс.*, 1493 +1504 (П. С. 7. 11).

Булгаковы кн. *Ив. Вс.*, 1476+79 г. (П. С. 4. 5). *Мх. Ив. Голица*, 1510+15 (П. С. 15. 18). *Ив. Юр.* 1576 г. (Р. 1576 г. стр. 300), 1580 г. (Р. 1580 г. стр. 376). *Вс. Юр.*, 1578 г. (Р. 1578 г. стр. 336). 1583 г. (Р. 1583 г. стр. 436).

Бѣльскіе. *Бд. Як.* 1605+10 г. (П. С. 70. 84).

Бѣльскіе кн. *Дм. Од.*, 1521+50 г. (П. С. 20. 36). *См. Од.*, 1522 г., бѣж. 1535 г. (П. С. 21, 28). *Ив. Од.*, 1522 г., выб. 1539 г. (П. С. 21. 30). *Ив. Дм.*, 1559+71 (П. С. 42. 51).

Волоцкіе. *Ст. Ал.*, 1603+7 г. (П. С. 72. 81).

Голицины кн. *Юр. Мх.*, 1540+61 г. (П. С. 30. 44). *Вс. Юр.* 1577+85 (П. С. 55. 61; Р: 1578 и 1585 гг., стр. 349 и 449). *Вс. Вс.*, 1577 г.+1619 г. (П. С. 130; Долг. I. 285). *Ив. Юр.*, 1574+83 (П. С. 53. 58; Р: 1576 и 1580 гг., стр. 294 и 375). *Ив. Ив.*, 1592+1607 (П. С. 64. 81). *Ан. Ив.*,+1603 г. (П. С. 72). *Вс. Вс.*, 1602+19 (П. С. 72. 91.; Р. К: I. 599. 603). *Ив. Вс.*, 1605+27 (П. С. 76. 94; Р. К: I. 564. 1037). *Ан. Вс.*, 1606+11 (П. С. 77. 85). *Ив. Ан.*, 1634+54 (П. С. 96. 109). *Ан. Ан*, 1638+39 (П. С. 98). *Алекс. Ан*, 1664+94 г. (П. С. 117; Долг. I. 285; Д. Р. В. XIV. 76). *Мх. Ан.*, 1677 г. (П. С. 130), 1679 г. (Р. К. II. 1063, 1073), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 120). *Ив. Ан.*, 1677 г. (П. С. 130). *Ан. Ив.*, н. ц. II. (П. С. 422),+1701 г. (Долг. I. 286). *Ив. Ив.*, н. ц. II. (П. С. 423),+1686 г. (Долг. I. 286). *Алекс. Вс.*, н. ц. II. (П. С. 423). *Гс. Вс.*, н. ц. II. (П. С. 421), 1682 г. (Д. Р. В. X. 291),+1713 г. (Долг. I. 286) *Брс. Алкс.*, 1706 г. (Д. Р. В. XIV г. 116),+1714 г. (Долг. I. 286).

Головкины. *Ив. См.*, н. ц. II. (П. С. 423).

Куракины кн. *Од. Ан.*, 1547+67 г (П. С. 34. 48). *Ив. Ан.*, 1556+67 (П. С. 41. 48). *Дм. Ан.*, 1557+70 (П. С. 41. 50). *Итр. Ан.*, 1559+75 (П. С. 43. 54). *Гр. Ан.*, 1584+95 (П. С. 60. 65). *Ан. Итр.*, 1584+1615 (П. С. 61.

89). *См. Ан.* 1606 г. (П. С. 77). *Ив. См.*, 1605+32 г. (П. С. 76. 95; Р. К: I. 80. 663). *Од. См.*, 1646+56 (П. С. 103. 111). *Гр. См.*, 1652 г. (П. С. 108), 1677 г. (П. С. 127). *Од. Од.*, 1660 г. (П. С. 114; Д. Р, В. XIV. 46. 62).

Милославскіе. *Ив. Ан.*, 1657+63 г. (П. С. 113. 116). *Илья Дан.*, 1648+68 (П. С. 105. 119). *Ив. Ив.*, 1671 г. (П. С. 122). *Ив. Мх.*, 1677 г. (П. С. 130). 1679 г. (Р. К: II. 1076. 1215) *Ив. Бд.*, 1677 г. (П. С. 127), 1679 г. (Р. К. II. 1393). *Мтв. Бд.*, н. ц. II. (II. С. 422). *Лар. См.*, н. ц. II. (П. С. 423).

Мстиславскіе (Ижеславскіе) кн. *Вс. Ив.*, 1577+83 г. (П. С. 55. 58; Р: 1578, 1580 и 1582 гг. стр. 335, 370, 409). *Ив. Од.*, +1586 г. (П. С. 62), 1576 г. (Р: 1576 г. стр. 293). *Од. Ив.*, 1577+1622 г. (П. С. 55. 92; Р. К. I. 413. 773; Р: 1578 и 1586 гг. стр. 335 и 492).

Патрикѣевы кн. *Ив. Юр.*, 1462+99 г. (П. С. 2. 9). *Вс. Ив. Косой*, 1495+1500 (П. С. 7. 9).

Трубецкіе кн. *См. Ив.*, 1535+58 г. (П. С. 28. 42). *Од. Мх.*, 1572+1601 (П. С. 52. 71; Р. 1578 и 1584 гг. стр. 350 и 453). *Нкт. Рм.*, 1584+1607 (П. С. 60. 81; Р. 1584 и 1586 гг. стр. 454 и 493). *Тмѳ. Рм.*, 1585+1603 (П. С. 61 72; Р. 1586 г. стр. 485). *Ан. Вс.*, 1599 г. (П. С. 70), 1618 г. (Р. К. I. 561) *Дм. Тмѳ.*, 1613 г. (П. С. 88), 1618—1626 гг. (Р. К. I. 564. 1255). *Алкс. Нкт.*, 1616+1663 г. (П. С. 103. 116; Р. К. II. 94. 1008). *Юр. Итр.*, 1673 г. (П. С. 125). *Ив. Юр.* (1), н. ц. II. (П. С. 423), +1750 (Долг. I. 321).

Хованскіе кн. *Ив. Ан.*, 1615+21 г. (П. С. 90. 92; Р. К: I. 90. 640). *Ив. Од.*, 1623+25 (П. С. 92. 93; Р. К: I. 926. 1142). *Ив. Ан.*, 1659 г. (П. С. 114), 1678—1679 гг. (Р. К. II. 1046 1375). *См. Ан.*, 1677 г. (П. С. 130), 1682 г. (Д. Р. В. X. 294). *Ан. Ив.*, н. ц. II. (П. С. 422), +1682 (Долг. I. 281). *Петръ Ив.*, н. ц. II. (II. С. 422), 1678—1679 г. (Р К: II. 1049. 1201). *Итр. Ив.*, н. ц. II. (II. С. 421), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 116). *Ив. Ив.*, н. ц. II. (II. С. 422).

Щенятевы кн. *Дн. Вс. Щеня*, 1476+1515 г. (П. С. 4. 17). *Мх. Дн.*, 1513+31 (П. С. 16. 26). *Вс. Мх.*, 1544+47 (П. С. 32. 34). *Итр. Мх.*, 1549+68 (П. С. 36. 49).

---

(1) Ив. Юр. былъ послѣднимъ изъ бояръ русскихъ.

III. ИЗЪ ПОТОМКОВЪ ДРУГИХЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ВЫХОДЦЕВЪ.

(22 рода).

Бутурлины: *Ан. Нкт.*, 1513 г. (П. С. 17). *Од. Нкт.*, 1513+20 (П. С. 16. 20). *Ив. Нкт.*, 1513+38 (П. С. 16. 29). *Ив. Ан.*, 1567 г., выб. 1575 г. (П. С. 48. 54). *Вс. Вс.*, 1652+56 (П. С. 108. 112). *Ив. Вс.*, н. ц. II. (П. С. 421). *Брс. Вс.*, н. ц. II (П. С. 422).

Вельяминовы-Воронцовы. *См. Ив*, 1504+18 г. (П. С. 11. 19). *Мх. См.*, 1514+39 (П. С. 17. 30). *Вс. Мх.*, 1544 г., выб. 1546 г. (П. С. 32. 33). *Од. См.*, 1544—46 (П. С. 32. 33). *Ив. См. Фока*, 1543+61 (П. С. 32. 44). *Юр. Мх.*, 1551+58 (П. С. 38. 42). *Ив. Мх.*, 1554+67 (П. С. 39. 48).

Головины. *Вс. Итр.*, 1609+12 г. (П. С. 83. 86). *Итр. Итр.*, 1616+28 (П. С. 90. 94) *См. Вс.*, 1622+34 (П. С. 92. 96; Р. К: I. 1034. 1250. II. 302. 602). *Мх. Итр.*, н. ц. II. (П. С. 422), +1689 г. (Долг. Ш. 107) *Алкс. Итр.*, н. ц. II. (П. С. 423). *Од. Итр.*, н. ц. II. (П. С. 423).

Колычевы. *Од Ив. Умный*, 1553+67 г. (П. С. 45. 48). *Ив. Од. Крюкъ*, 1607 г., выб. 1609 г. (П. С. 82. 83).

Кутузовы. *Од. Юр. Щука*, 1515+31 г. (П. С. 17. 24). *Итр. Тмѳ.*, н. ц. II. (П. С. 423).

Морозовы. *Гр. Вс.*, 1476+92 г. (П. С. 4. 7). *Вс. Брс. Тучко*, 1480+81 (П. С. 5). *Мх. Як. Русалка*, +1501 г. (П. С. 10). *Ив Гр.*, 1531+49 (П. С. 24. 35). *Як. Гр.*, 1532 г. (П. С. 25). *Вс. Гр.*, 1532+38 (П. С. 25. 29). *Гр. Вс.*, 1549+56 (П. С. 35. 40). *Мх. Як.*, 1849+73 (П. С. 36. 52). *Итр. Вс.*, 1554+80 (П. С. 39. 57; Р: 1576 г., стр. 292). *Влд. Вс.*, 1562 г., выб 1564 г. (П. С. 45. 46). *Вс. Итр.*, 1608+30 (П. С. 83. 95; Р. К: I. 62. 1356. II. 84. 368). *Брс. Ив.*, 1634+62 (П. С. 96. 115). *Ив. Вс.*, 1634 г., постригся 1655 г. (П. С. 96. 110). *Гл. Ив*, 1638+62 (П. С. 98. 115). *Мх. Ив.*, 1677 г. (П. С. 130).

Мусины-Пушкины. *Ив. Алекс.*, н. ц. II. (П. С. 424), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 116).

Нагіе. *Ав. Алксд.*, 1606+10 г. (П. С. 77. 84). *Гр. Од.*, 1606+8 (П. С. 77. 82). *Мх. Од.*, 1605+12 (П. С. 76. 86; А. И. II. 383). *Ан. Алксд.*, 1606+18 (П. С. 77. 91; Р. К: I. 75. 549). *Мх. Алксд.*, 1606+18 (П. С. 77. 91; А. И. II. 351).

Неплюевы. *Леонт. Рм*, н. ц. II. (II. С. 423).

Ордынъ-Нащокины. *Ав. Лавр.*, постригся 1672 г. (II. С. 124). 1667 г. (А. И. IV. 371).

Пушкины. *Гр. Гвр.*, 1646+56 г. (II. С. 103. 111). *Мтв. Ст.*, н. ц. II (II. С. 422). *Як. Ст.*, н. ц. II. (II. С. 423).

Салтыковы. *Як. Ан.*, 1563+72 г. (II. С. 45. 51). *Левъ Ан.*, 1563+73 (II. С. 45. 52). *Мх. Гл.*, 1601 г., отъѣх. 1612 г. (II. С. 71. 86). *Брс. Мх.*, 1614+46 (II. С. 89. 103; Р. К: I. 207. 1356. II. 88. 743). *Мх. Мх.*, 1641+72 (II. С. 99. 123). *Ив. Ив.*, 1646+71 (II. С. 103. 122). *Лвр. Дм.*, 1647 +1660 (II. С. 104. 114). *Итр. Мх.*, 1659 г. (II. С. 114), 1670 г. (Д. Р. В. XIV. 74), 1682 г. (Д. Р. В. X. 280). *Алкс. Итр.* н. ц. II. (II. С. 422). *Ѳд. Итр.*, н. ц. II. (II. С. 422), +1697 г. (Долг. II. 72). *Ст. Ив.*, н. ц. II. (II. С. 422), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 117). *Юр. Ив.*, н. ц. II. (II. С. 422). *Итр. Итр.*, н. ц. II. (II. С. 422), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115). *Итр. Сам.*, н. ц. II. (II. С. 423).

Собакины. *Вс. Ст.*, 1572+75 г. (II. С. 52. 54). *Гр. Нкв.*, 1706 г. (Д. Р. В. XIV; 121; Сем. 297).

Соковнины. *Ѳд. Прок.*, н. ц. II. (II. С. 422).

Траханіотовы *Вс. Юр. Малой*, +1568 г. (II. С. 49).

Хромые. *Ѳд. Дав.*, 1471+83 г. (II. С. 3).

Шеины. *Дм. Вс.*, 1501+6 г. (II. С. 10. 13). *Юр. Дм.*, 1540+46 (II. С. 30. 33). *Вс. Дм.*, 1544+50 (II. С. 32. 36). *Ив. Дм.*, 1553+56 (II. С. 39. 40) *Брс. Вс.*, 1576 г. (Р: 1576 г. стр. 294). *Мх. Брс.*, 1607 г., выб. 1634 г. (II. С. 82. 96; Р. К: I. 603. 1371. II. 302. 733). *Ан. Ив.*, 1567 г. выб. 1569 г. (II. С. 48. 50). *Алкс. См*, н. ц. II. (II. С. 422), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 121).

Шереметьевы *Ив. Вс. большій*, 1550+70 г. (II. С. 37. 50; Р. К. I. 409). *См. Вс.*, 1557+62 (II. С. 41. 44). *Нкт. Вс.*, 1558+65 (II. С. 42. 46; Р. К. I. 1158). *Ив. Вс. меньшій*, 1559+77 (II. С. 43. 55; Р: 1576 г. стр. 294). *Ѳд. Вс.*, 1584+89 (II. С. 60. 63; Р. 1584 и 1585 гг., стр. 446 и 471). *Итр. Нкт.*, 1605+10 (II. С. 76. 84). *Ѳд. Ив.*, 1605+50 (II. С. 76. 106; Р. К. I. 63. 1259. II. 13. 612). *Ив. Итр.*, 1634+47 (II. С 96. 104). *Вс. Итр.*, 1641+59 (II. С. 99. 113). *Вс. Брс.*, 1653 г. (II. С. 109). *Итр. Вс.*, 1657 г. (II. С. 112), 1663—1679 гг. (Р. К. II. 1021. 1394), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115). *Ѳд. Итр.*, н. ц. II. (II. С.

422). *Брс. Итр.*, н. ц. II. (П. С. 422), +1719 г. (Долг. III. 500).

Челяднины. *Ан. Од.*, 1495+1503 г. (П. С. 7. 11). *Ив. Ан.*, 1510+15 (П. С. 15. 18). *Вс. Ан.*, 1513+18 (П. С. 16. 19).

Чоботовы. *Ив. Як.*, 1559+69 г. (П. С. 43. 47).

Юрьевы-Захарьины. *Як. Зах.* 1480+1511 г. (П. С. 5. 15). *Юр. Зах.*, 1493+1504 (П. С. 7. 11). *Мх. Юр.*, 1521+38 г. (П. С. 20. 29). *Гр. Юр.*, 1547+56 (П. С. 34. 40).

Яковлевы. *Гр. Итр*, 1549+51 г. (П. С. 36. 37). *Зх. Итр.*, 1551+57 (П. С. 38. 41). *Ив. Итр.*, 1558 г., выб. 1570 г. (П. С. 42. 50). *См. Вс.*, 1559+69 (П. С. 43. 50). *Вс. Итр.*, 1568+73 г. (П. С. 49. 52).

IV. ТАТАРСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

(11 родовъ).

Глинскіе кн. *Мх. Льв.*, 1524+34 г. (П. С. 22. 26). *Юр. Вс.*, 1540+47 (П. С. 30 34). *Мх. Вс.*, 1541+59 (П. С. 31. 42). *Вс. Мх.*, 1562+65 (П. С. 45. 47). *Ив. Мх.*, 1586 г. (П. С. 62; Р: 1586 г., стр. 493).

Годуновы. *Дм. Ив.*, 1578+1605 г. (П. С. 56. 75; Р: 1578 и 1586 гг., стр. 350 и 494). *Ст. Вс.*, 1584+1605 (П. С. 60. 75; Р: 1485 и 1586 гг., стр. 484 и 491) *Брс. Од.*, 1581 г. избранъ Царемъ 1599 г., (П. С. 57. 67; Р: 1586 г. стр. 491). *Ив. Вс.*, 1584+1602 (П. С. 60. 72; Р 1585 и 1686 гг. стр. 466 и 485). *Мтв. Мх.*, 1604+39 (П С. 73. 98; Р. К: I. 81. 927. II 303. 687). *Ст. Нкт.*, +1605 г. (П. С. 75). *См. Нкт.*, 1603 г. (П. С. 72). *Гр. Вс.*, 1684+98 г. (П. С. 60. 67; Р; 1585 г. стр. 484).

Давыдовы. *Гр. Од.*. 1506+18 г. (П. С. 13. 19).

Матюшкины. *Итр. Ив*, 1706 г. (Д Р. В. XIV. 116; Сем. 79).

Нарышкины. *Кир. Полуехт.*, 1673+91 г. (П. С. 125. Сем. 240) *Ив. Кир*, н. ц. П. (П. С. 421) *Левъ Кир.*, н. ц. П. (П. С 422), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 122). *Од. Абр.*, н. ц. П. (П. С. 423). *Кондр. Ѳом.*, н. ц. П. (П. С. 423), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 121), +1710 г. (Сем. 240). *Вс. Од.*, н. ц. П. (П. С. 423), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 116). *Гр. Филим.*, н. ц. П. (П. С. 423), 1706 г. (Д. Р. В. XIV 122).

Романовы-Юрьевы. *Ив. Мх.*, +1547 г. (П. С. 34). *Вс. Мх.*, 1549+59 г. (П. С. 36. 42). *Дн. Рм.*, 1549+66 (П. С. 36. 47). *Нкт. Рм.*, 1563+85 (П. С. 45. 61; Р: 1576 и 1578 гг. стр. 295 и 350). *Од. Нкт*, 1587 г. постр. 1601 г. (П. С. 62. 71). *Алкс. Нкт.*, 1599 г., сосланъ 1601 г. (П. С. 69. 71). *Ив. Нкт.*, 1605+40 (П. С. 76. 99; Р. К. I. 564. II. 448. 518). *Нкт. Ив.*, 1646+55 г. (П. С. 103. 110).

Сабуровы. *Мх. Од.*, +1464 г. (П. С. 2). *Вс. Од.*, 1465+85 г. (П. С. 2. 6). *См. Од. Ипшко*, 1478+84 (П. С. 4. 6). *Юр. Кст.*, 1506+12 (П. С. 13. 16). *Ан. Вс.*, 1532+34 (П. С. 25. 26). *Бд. Юр.*, 1572+98 (П. С. 52. 67; Р: 1576 и 1585 гг. стр. 318 и 577). *Вс. Бр.*, 1572+78 (П. С. 52. 56). *Мх. Бд.*, 1606+7 г. (П. С. 78. 81).

Сулешевы кн. *Юр. Ент.*, 1615+43 г. (П. С. 90. 100; Р. К. I. 118. 1363. II. 302. 735).

Урусовы кн. *См. Ан.*, 1655+57 г. (П. С. 111. 112). *Итр. См.*, 1677 г. (П. С. 130), 1682 г. (Д. Р. В. X. 292). *Од. См.*, н. ц. II. (П. С. 241), 1706 г. (Д. Р. В. XIX. 121). *Юр. См.*; н. ц. II. (П. С. 242). *Нкт. См.* 1678—79 г. (Р. К. II. 1052. 1378), +1694 г. (Долг. II. 28).

Хитровы. *Бд. Мтв.*, 1677 г. (П. С. 127), 1679 г. (Р. К. II. 1079). *Ив. Бд.*, 1677 г. (П. С. 130), +1682 г. (Сем. 317).

Юшковы *Брс. Гвр.*, н. ц. II. (П. С. 422).

V. ИЗЪ ПОТОМКОВЪ ВЫХОДЦЕВЪ ДРУГИХЪ ВОСТОЧНЫХЪ НАРОДОВЪ.

(4 рода).

Лопухины. *Итр. Авр.* н. ц. II. (П. С. 423), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115.) *Вс. Авр.*, н. ц. II. (П. С. 423).

Симскіе. *Вс. Од. Образецъ*, 1474+84 г. (П. С. 4. 6), *Ив. Ив. Хабаръ*, 1524+34 (П. С. 22, 26).

Хабаровы. *Ив. Ив.*, 1547+58 г. (П. С. 34. 42).

Черкасскіе кн. *Мх. Итр.*, 1568 г. выб. 1572 г. (П. С. (49. 51), *Брс. Канбул.*, 1592г. сосл. 1601 г (П. С. 64. 71; Р. К. II. 549). *Вс. Кондар.* 1599+1607 (П. С. 69. 81). *Ив. Брс.*, 1613+42 (П. С. 89, 100; Р. К. I. 565. 618. II. 301. 521). *Дм. Мамстр.*, 1619+51 г. (П. С. 91 107). *Як. Курд.* 1646+66 (П. С. 103. 118). *Гр. Сунчел.*. 1670 г. (Д. Р.

В. XIV. 72), +1673 г. (П. С. 124). *Мх. Юр.*, 1679 г. (Р. К. II. 1085). *Мх. Як.* н. ц. П. (П. С. 422), +1712 г. (Долг. II. 38). *Мх. Алеuук.*, н. ц. П. (П. С. 421), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 114).

VI. РУССКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

(8 родовъ).

Басмановы. *Алекс. Дн.*, 1556 г., выб. 1569 г. (П. С. 40. 50; см. Р. К: I. 1163). *Итр. Од.* 1605+6 г. (П. С. 75. 77).

Борецкіе. *Дм. Ис.*, 1471 г., выб. 1472 г. (П. С. 3).

Брюховецкіе. *Ив. Мрт.*, 1666 г., измѣнилъ 1668 г. (П. С. 118. 120).

Волынскіе. *Вс. См.* 1677 г. (П. С. 130), 1682 г. (Д. Р. В. X. 295). *Ив. Од.*, н. ц. П. (П. С. 422), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 118).

Вороные (1). *Мх. Ив.* 1559+67 г. (П. С. 43, 48).

Зюзины. *Нкт. Алкс.*, 1653 г., отнята честь 1658 г. (П. С. 109. 113).

Очины-Плещеевы. *Зах. Ив.*, 1568+71 г. (П. С. 49. 51).

Плещеевы. *Мх. Брс.* 1462+1465 г. (П. С. 2. 3). *Ан. Мх.* 1480+91 (П. С. 5. 6).

VII. НЕИЗВѢСТНАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

(5 родовъ).

Адашевы. *Од. Гр.* 1553+56 г. (П. С. 39. 40).

Матвѣевы. *Арт. Сер.*, 1675 г., сосланъ 1667 г. (П. С. 126. 130).

Стрешневы. *Лук. Ст.*, 1634+50 г. (П. С. 96. 106). *Вс. Ив.*, 1646+61 (П. С. 103. 115). *Од. Ст.*, 1646+47 (П. С. 103. 105). *См. Лук.*, 1655+66 (П. С. 111. 118). *Род. Мтв.*, 1677 г. (П. С. 130). *Ив. Од.*, 1677 г. (П. С. 130). *Нкт. Кст.*, н ц. П. (П. С. 422). *Тих. Нкт.* н. ц. П. (П. С. 422), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 117).

Сукины *Од. Ив.* 1566+67 г. (П. С. 47. 48).

Ѳедоровы. *Ив. Итр.*, 1544 г., выб. 1567 г. (П. С. 32. 48).

---

(1) Послѣдніе два рода ведутъ начало отъ выходцевъ изъ Волынской земли.

В) РОДЫ ДОСТИГАВШІЕ ОКОЛЬНИЧЕСТВА.

(71 родъ).

I. ИЗЪ ПОТОМКОВЪ РЮРИКА:

(17 родовъ).

Великогагины кн. *Птр. Вс. Великій*, 1504+13 г. (П. С. 11. 16.) *Ан. Птр.*. 1523+29 (П. С. 21 23). *Ив. Вс*, 1584 г. (П. С. 61). *Дн. Ст.*, 1655 г. (П. С. 111), 1663 г. (Р. К. II. 939).

Вяземскіе кн. *Вс. Ив.*, 1568+71 г. (П. С. 49. 51). *Юр. Ив.*, +1571 г. (П. С. 51).

Горчаковы кн. *Брс. Вс.* н. ц. II. (П. С. 424).

Дашковы кн *Ив. Ив.*, н. ц. II. (П. С. 425).

Дмитріевы-Мамоновы *Гр. Ан. Мамонъ*, 1500+10 г. (П. С. 9. 14). *Ив. Гр.* 1503+5 г. (П. С. 12).

Елецкіе кн. *Дм. Птр.*, 1584+86 г. (П. С. 61. 62).

Еропкины. *Вс. Мх.*, 1657+67 г. (П. С. 113. 119).

Жировые-Засѣкины кн. *Ал. Өд.*, 1606+11 г. (П. С. 78. 85). *Бс. Өд.*, н. ц. II. (П. С. 424). *Мх. Өд.*, 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 116).

Засѣкины кн. *Брс. Птр.*, 1585+89 г. (П. С. 61. 63; Р: 1585 и 1586 г., стр. 484 и 493). *Мх. Өд.*, н. ц. II. (П. С. 425).

Звѣнцовы кн. *Ив. Ив.*, 1495+1504 г. (П. С. 8. 11).

Литвиновы-Мосальскіе кн. *Вс. Өд.*; 1610+12 г. (П. С. 84. 86).

Ноздреватые кн. *Вс. Ив.*, 1510+12 г. (П. С. 15. 16).

Ржевскіе кн. *Алкс. Ив.*, н. ц. II. (П. С. 424).

Токмаковы кн. *Юр. Ив.*, 1573+78 г. (П. С. 53. 56).

Тулуповы кн. *Брс, Дн.*, 1573 г., выб. 1575 г. (П. С. 53 54.)

Хотетовскіе кн. *Ив. Ст.*, н. ц. II. (П. С. 424).

Ухтомскіе кн. *Ив. Юр.*, н. ц. II. (П. С. 425).

II. ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

(10 родовъ).

Желябужскіе. *Ив. Ав.*, н. ц. II. (П. С. 424; см. Сем. 157).

Житовы. *Итр. Ив.*, 1510+16 г. (П. С. 15. 18).

Измайловы. *Арт. Вс.*, 1607+34 г. (П. С. 82. 96; Р. К. I. 28. 1156. II. 377. 596). *См. Арт.*, 1655+74 г. (П. С. 111. 125; Д. Р. В. XIV. 74). *Мтв. Итр.*, н. ц. П. (П. С. 424).

Квашнины. *Ан. Алксд.*, 1549+57 г. (П. С. 36. 41).

Кондыревы. *Жданъ Вс.*, 1755+67 г. (П. С. 111. 119). *Ив. Тим.*, 1682 г. (Д. Р. В. X. 288). *Итр. Тим.*, 1682 г. Д. Р. В. X. 290).

Лихачевы. *Алкс. Тим.*, н. ц. П. (П. С. 424); 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115). *Мх. Тим.*, н. ц. П. (П. С. 424), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115).

Протасьевы. *Ан. Итр.*, н. ц. П. (П. С. 425).

Самарины-Квашнины. *Кирьякъ Ив.*, н. ц. П. (П. С. 425).

Чулковы. *Ив. Ив.*, 1565 г., выб. 1567 г. (П. С. 47. 48).

Чаадаевы. *Ив. Ив.*, н. ц. П. (П. С. 424), 1682 г. (Д. Р. В. X. 288).

III. ИЗЪ ПОТОМКОВЪ ДРУГИХЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ВЫХОДЦЕВЪ.

(17 родовъ).

Беззубцевы. *Мх. Кст.*, 1510+11 г. (П. С. 15). *Од. Ив.*, 1525+34 г. (П. С. 22. 26). *См. См. Епанчинъ*, 1539+45 (П. С. 30. 33). *Ив. Ив.*, 1543+47 (П. С. 32. 34).

Боборыкины. *Нкт. Мх.*, 1656 г. (П. С. 112), 1670 г. (Д. Р. В. XIV. 71).

Жулебины. *Ив. Ан.*, 1510+20 г. (П. С. 15. 20). *Ив. Ив.*, 1538+54 (П. С. 29. 39).

Зайцевы. *Итр. Вс.*, 1563 г., выб. 1575 г. (П. С. 46. 54).

Змѣевы. *Бенед. Ан.*, н. ц. П. (П. С. 424), 1687 г. (Д. Р. В. X. 381).

Ляцкіе. *Ив. Вс.*, 1514 г., бѣж. 1535 г. (П. С. 17. 28).

Олферьевы. *Ив. Вс.*, 1654+55 г. (П. С. 110).

Потемкины. *Юр. Ив.*, н. ц. П. (П. С. 425; Долг. П. 169).

Савеловы. *Ив. Итр.*, н. ц. П. (П. С. 425). *Тим. Итр.*, н. ц. П. (П. С. 425), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 121).

Сакмышевы. *Ав. Ив.*, 1501+10 г. (П. С. 11. 14).

Свибловы. *Ив. Вс. Чеботъ*, 1500+1501 г. (П. С. 9. 10; см. Врем. М. О. Ист. и Др. X. 169).

Скуратовы. *Птр. Дм.*, 1571 г. (П. С. 123), 1678 г. (Д. Р. В. X. 382).

Толочановы. *См. Од.* н. ц. II. (П. С. 424). 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115).

Толстые. *Ан. Вс.*, н. ц. II. (П. С. 424), +1688 г. (Долг. II. 123).

Тучковы. *Мх. Вс.*, 1518+35 г. (П. С. 19. 28). *Мх. Мх.*, 1565+67 (П. С. 47. 48).

Чегловы. *Вс. Ан.*, 1650+67 г. (П. С. 107. 119).

Шепелевы. *Агей Алкс.*, н. ц. II. (П. С. 425), +1688 г. (Сем. 337).

IV. ТАТАРСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

(8 родовъ).

Апраксины. *Птр. Мтв.*, н. ц. II. (П. С. 425), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 114).

Коробьины. *Вс. Гавр.*, 1633+35 г. (П. С. 96. 97).

Леонтьевы. *Ив. Юр.*, н. ц. II. (П. С. 424). *Вс. Юр.*, н. ц. II. (П. С. 425). *Ан. Ив.*, н. ц. II. (П. С. 425), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115).

Нарбековы. *Вс. Савичъ*, н. ц. II. (П. С. 424), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 115). *Од. Савичъ*, н. ц. II. (П. С. 425).

Обиняковы-Вельяминовы. *Дм. Ив.*, 1596+1604 г. (П. С. 66. 73). *Нкт. Дм.*, 1637+35 (П. С. 98). *Мир. Ан.*, 1641 г. (П. С. 99).

Ртищевы. *Мх. Ал.*, 1650 г. (П. С. 107). *Од. Мх.*, 1656+73 (П. С. 112. 124).

Чириковы. *Ан. Ив.*, 1678 г. (Р. К. II. 1048), 1682 г. (Д. Р. В. X. 298). *Илья Ив.*, 1679 г. (Р. К. II. 1080).

Языковы. *Пв. Птр.*, 1682 г. (Д. Р. В. X. 294).

V. ИЗЪ ПОТОМКОВЪ ВЫХОДЦЕВЪ ДРУГИХЪ ВОСТОЧНЫХЪ НАРОДОВЪ.

(3 рода).

Глѣбовы. *Мх. Ив.*, н. ц. II. (П. С. 425), 1706 г. (Д. Р. В. XIV. 121).

Елизаровы. *Ѳд. Куз.*, 1655+64 г. (П. С. 111. 117).
Сорокоумовы. *Ив. Вс. Ощера*, +1586 г. (П. С. 2. 6).

VI. РУССКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Изъ родовъ принадлежащихъ къ этой категоріи мы не встрѣчаемъ ни одного, представители котораго дослуживались-бы до окольничества, не подымаясь выше этой степени.

VII. НЕИЗВѢСТНАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

(16 родовъ).

Акинфовы. *Нкт. Ив.*, н. ц. П. (П. С. 425).
Басенки. *Никив. Ѳд.*, 1487+1503 г. (П. С. 6. 11).
Гавреневы. *Ив. Ав.*, 1655+62 г. (П. С. 111. 116).
Голохвостовы. *Левъ Дем.*, н. ц. П. (П. С. 425).
Зыковы. *Ѳд. Тхн.*, н. ц. П. (П. С. 425).
Ивановы. *Дн. Ив.*, 1500+1501 г. (П. С. 9. 10). *Дм. Дн.*, 1538+44 г. (П. С. 29. 32).
Китаевы. *Дм. Вс.*, 1514+20 г. (П. С. 17. 20).
Клешнины. *Ан. Итр.*, 1587+1600 г. (П. С. 62. 70).
Колупаевы. *Мх. Итр.* н. ц. П. (П. С. 425).
Лыковы. *Мх. Мтв.*, 1565+71 г. (П. С. 47. 51).
Павловы. *Род. Мх.*, н. ц. П. (П. С. 425).
Петровы. *Мх. Тм.*, 1577 г. (П. С. 55).
Проѣстевы. *Ст. Мтв.*, 1635+51 г. (П. С. 97. 107).
Щегловитовы. *Ѳд. Леонт.*, н. ц. П. (П. С. 424).
Щелкаловы. *Вс. Як.*, 1606+10 г. (П. С. 78. 84).
Хлоповы. *Кир. Осип.*, 1682 г. (Д. Р. В. X. 296).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Стр.

Возникновеніе основъ государственныхъ служебныхъ отношеній вообще и въ частности въ древней Руси. Организація служилаго класса въ періодѣ удѣльно-вѣчевомъ. . . . . 5.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Измѣненіе основъ организаціи служилаго класса въ Московскомъ государствѣ . . . . . 60.

a). Установленіе обязательной службы черезъ посредство землевладѣнія . . . . . 64.

b). Стремленіе Московскаго правительства къ ограниченію права свободнаго отъѣзда служилыхъ людей. . . . . 103.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Обзоръ элементовъ вошедшихъ въ составъ служилаго класса Московскаго государства . . . . . 124.

a). Элементъ потомковъ князей-Рюриковичей. 129.

b). Элементъ Польско-Литовскій . . . . . 151.

c). Элементъ другихъ европейскихъ народностей, за исключеніемъ Польско-Литовской . . 155.

d). Элементъ Татарскій. . . . . 164.

e). Элементъ другихъ восточныхъ народностей. 174.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Стр.

Алфавитный списокъ Московскихъ служилыхъ родовъ, записанныхъ въ Разрядѣ, съ указаніемъ происхожденія каждаго, составленный по Миллеру и Бархатной Книгѣ . . . . . 189.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Дополнительный алфавитный списокъ Московскихъ служилыхъ родовъ, не вошедшихъ въ списки Миллера и Бархатной Книги . . . . . 198.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Алфавитный списокъ Московскихъ служилыхъ родовъ, дослуживавшихся до высшихъ чиновъ боярина и окольничаго, съ указаніями, *кто именно* изъ представителей этихъ родовъ и *въ какіе годы* бывалъ въ указанныхъ чинахъ. . . . . 201.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
16	13 сверху	дружины, своей	дружины своей,
30	8 снизу	была, какъ	была какъ
40	3 —	падобнымъ	подобнымъ
47	6 сверху	раждается	рождается
58	14 —	(Южнаго)	(Владиміра Южнаго)
66	17 снизу	Іанпа	Іоанна
67	5 сверху	случаѣ.	случаѣ
79	9 снизу	замлемѣрія	землемѣрія
84	8 сверху	оолѣе	болѣе
85	3 снизу	Одобриваніе	Одобриваніе
92	4 —	postumum'ѣ	postumus'ѣ
93	1 сверху	postumum'a	postumus'a
—	5 —	поварачивается	поворачивается
—	18 —	человѣкъ,	человѣкъ
99	5 снизу	страстью	старостью
101	10 —	правятельство	правительство
104	15 сверху	предоставленіи	предоставленія
111	12 снизу	иочести	почести
126	11 —	Вонде	Бонде
—	2 —	Мецеры	Мещеры
139	12 сверху	*Карчевскихъ*	Карачевскихъ
146	6 снизу	Ошнины	Осинины
157	5 —	Грабцевы	Грабежевы
160	11 сверху	случаяхъ	слугахъ

Цѣна 1 р. 20 коп.

Находится въ продажѣ сочиненіе того-же автора:

Уставныя грамоты XIV—XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, съ *сведеннымъ текстомъ* ихъ и *указателемъ* къ нему. Казань. 1875—76 гг. *Два выпуска. Цѣна 1 р. 25 коп.*

Получать можно въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина въ Казани (Гостинный дворъ, № 1).

отр. 16.03.04

2007051526